

УДК 81'373.421
ББК 81.2-36
М 71

Рецензенты: д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой английской филологии ПГУ *Л.М. Алексеева*, д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации ПГТУ *Т.С. Серова*

Мишланова С.Л.

М^о71 Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии: монография / С.Л. Мишланова, М.А. Хрусталева; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – 187 с.

ISBN 978-5-7944-1504-5

Монография представляет собой исследование методического дискурса как способа вербализации научного знания, вербальной репрезентации концепта «интерференция», когнитивных аспектов синонимии. Предлагается новое теоретическое обоснование синонимии, выявляются универсальные закономерности преобразования контекстуальной синонимии в синонимию внутриотраслевую, определен статус методического дискурса как самостоятельного типа дискурса. Впервые исследование интерференции (взаимодействия языков при их изучении), предпринимается с позиций когнитивной лингвистики.

Монография предназначена для филологов, лингвистов, студентов, аспирантов, преподавателей, специалистов в области когнитивной лингвистики.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

ISBN 978-5-7944-1504-5

© Мишланова С.Л., Хрусталева М.А., 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Теоретические основы исследования синонимии	8
1.1. Синонимия как объект лингвистического исследования	8
1.1.1. Основные подходы к анализу синонимии	8
1.1.2. Типология синонимов. Проблема внутриотраслевой синонимии	15
1.1.3. Когнитивные аспекты внутриотраслевой синонимии	28
1.1.3.1. Дискурс как категория когнитивного терминоведения.....	28
1.1.3.2. Концепт и концептуализация научного знания..	32
1.2. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу внутриотраслевой синонимии	42
1.2.1. Когнитивное направление в лингвистике	42
1.2.2. Специфика концептуализации в методическом дискурсе	48
1.2.3. Концепт «интерференция»	52
1.2.4. Концептуализация как источник внутриотраслевой синонимии	58
1.2.4.1. Контекстуальная синонимия как вербализация концепта	61
1.2.4.2. Семантические связи внутриотраслевых синонимов.....	64

Глава 2. Исследование вербальной репрезентации концепта «интерференция».....	66
2.1. Общая характеристика фрейма «интерференция».....	66
2.1.1. Репрезентация слота ‘объекты’.....	66
2.1.2. Репрезентация слота ‘локализация’.....	78
2.1.3. Репрезентация слота ‘процесс’ (действия между объектами).....	86
2.1.4. Репрезентация слота ‘механизм’ (характер связи объектов).....	104
2.1.5. Репрезентация слота ‘результат’ (контроль, коррекция, закрепление).....	114
2.1.6. Синонимическая схема фрейма «интерференция».....	133
2.2. Вербальная репрезентация концепта «интерференция» во французском и испанском языках.....	134
2.2.1. Синонимическая схема фрейма «интерференция» (французский язык).....	136
2.2.2. Синонимическая схема фрейма «интерференция» (испанский язык).....	142
2.2.3. Сравнительно-сопоставительная характеристика синонимии в методическом дискурсе (русский, французский, испанский языки).....	146
2.3. Особенности репрезентации концепта «интерференция» в методическом дискурсе.....	148
Заключение.....	151
Список литературы.....	156
Приложения	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном информационном обществе все больше внимания уделяется изучению процессов получения, переработки, передачи и упорядочивания знания. В связи с этим повышается интерес к проблеме номинативного варьирования в дискурсе, к вопросам формирования и развития синонимии.

Исследование синонимии возможно с позиций когнитивно-дискурсивного подхода с учетом таких категорий когнитивной лингвистики, как дискурс и концепт, что позволит внести дополнение в ее традиционное понимание. Кроме того, дискуссионным видится вопрос о статусе внутриотраслевой синонимии, формирующейся и развивающейся в специальном дискурсе (дискурсе методики преподавания иностранных языков).

В соответствии с тенденциями к глобализации, которые наблюдаются в современном мире, языковая политика государства ставит перед методикой конкретные цели и задачи. К числу таких целей можно отнести формирование полипрофессиональной языковой личности, способной вступать в акты коммуникации с представителями других лингвокультур. Утверждение терминосистемы методики вызывает необходимость изучения, упорядочивания и стандартизации методических терминов. Важной характеристикой методики оказывается также и ее соотнесенность/смежность с другими науками. Это позволяет рассматривать многие ее категории с

разных точек зрения, каждый раз представляя то или иное методическое явление в его многоаспектности, вариативности и множестве. Поэтому лингвистические проблемы, с которыми сталкивается традиционное терминоведение, могут быть решены с позиций когнитивной лингвистики.

Когнитивное понимание дискурса как вербально опосредованной деятельности в специальной сфере [Алексеева, Мишланова 2002] позволяет рассматривать синонимию методического термина в определенном фрагменте действительности – в методическом дискурсе. В данной монографии изучение методического дискурса как совокупности знаний и опыта, накопленных в специальной деятельности, происходит через непосредственное обращение к концепту, его внутренней организации (фрейму). Слоты фрейма задают проекцию образующихся синонимических рядов, которые затем объединяются в синонимическую схему. Синонимическая схема представлена корпусом контекстуальных синонимов, упорядоченных в соответствии с разработанной структурой концепта.

Материалом исследования послужили 3268 контекстов, из которых 1668 контекстов на русском языке, и 1600 на иностранных языках (по 800 на французском и испанском языках), включающих непосредственную номинацию концепта «интерференция» и экспликацию концепта в виде толкования. Всего было проанализировано около 8000 страниц языкового материала, представленного методическими текстами учебных пособий, научными статьями, монографиями, авторефератами по проблеме интерференции (на русском языке), а также статьями и монографиями по проблеме интерференции, опубликованными в электронных изданиях (французский, испанский языки).

Выбор методов исследования продиктован поставленными целями и задачами. Был использован метод когнитивно-дискурсивного анализа, комплексный метод лингвистического наблюдения и описания, метод контекстуально-интерпретационного анализа, компонентный и дефиниционный анализ. В монографии выявляется специфика

формирования концепта в методическом дискурсе, разрабатывается структура (фрейм) концепта «интерференция», предлагается концептуальная модель интерференции, а также проводится анализ контекстуальных синонимов, которые представляют собой вербальную репрезентацию концепта.

В целом в монографии обсуждаются новые теоретические основания когнитивной природы синонимии, обнаруженные вследствие проведенного когнитивно-дискурсивного анализа концепта «интерференция», формирующегося в методическом дискурсе. Обращение именно к концепту «интерференция» продиктовано значимостью данного явления в процессе становления мультилингвальной личности, универсальностью и объективностью его существования, и главное, необходимостью упорядочения терминологии лингводидактики / методики преподавания иностранных языков.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНОНИМИИ

1.1. Синонимия как объект лингвистического исследования

Исследование синонимии, являющейся одной из универсальных семантических констант естественного языка, имеет большое значение для современной науки в общеметодологическом и практическом плане.

С методологической точки зрения проблема синонимии неотделима от вопроса связи языка, мышления и действительности, тождества и различия, симметрии и асимметрии. В практическом плане рассмотрение этой проблемы определяется важной ролью владения человеком синонимическими средствами, позволяющими выбрать из словаря и грамматической системы языка именно те средства, которые в точности выражают его мысли и чувства [Хантакова 2006: 9].

1.1.1. Основные подходы к анализу синонимии

Вопросы синонимии издавна интересовали лингвистов, а основной причиной постоянного интереса к ней, по-видимому, можно считать неоднозначную природу синонимов и разноплановое их проявление. Это, в свою очередь, создает определенные трудности и не позволяет ученым прийти к единому мнению. Как отмечает О. С. Зацепина, исследование которой посвящено изучению синонимии в диахроническом аспекте, до XVII века синонимы истолковывались как параллельные слова, обозначающие одну и ту же вещь, при этом их роль сводилась к средству украшения стиля, а определения синонимов основывались на общности понятий [Зацепина 1993: 7]. В XVII веке сохраняется аналогичное понимание синонимов как украшения языка, но появляется

указание на их смысловую дифференциацию. В XVIII веке синонимы начинают изучаться не только как приемы ораторского искусства, но и как универсальные категории языка, что ставит вопрос о «несоответствии имени «синоним»¹ его характеру, появляется новое понимание термина «синоним», включающее не только тождество, но и различие» [там же: 9]. В XIX веке во главу угла ставится различительная функция синонимов, и образование синонимических отношений между словами рассматривается как результат развития нового значения слова, а в XX веке синонимия описывается как основной показатель богатства языка [там же]. Становится понятно, что история исследования синонимов и синонимии прошла определенные этапы своего развития, когда каждое новое понимание синонимии либо являлось логичным продолжением предыдущего, либо, напротив, открывало новые пути поиска. Этим объясняется существование различных подходов к изучению вопросов синонимии, а также многочисленных классификаций синонимов, при которых в качестве основополагающего выбирается тот или иной критерий.

Следует отметить, что существует несколько подходов к изучению синонимии, причем в центре внимания каждого из них оказываются различные стороны данной проблемы. При одном подходе, который, по-видимому, следует отнести к традиционному, синонимы рассматриваются с точки зрения их смыслового содержания, то есть как слова тождественные и слова, близкие по значению. При другом подходе, опирающемся в значительной степени на логические дефиниции, синонимия слов определяется с точки зрения их взаимозаменяемости в одном и том же контексте без изменения смысла целого (хотя и с возможными стилистическими различиями). В основе такого рассмотрения лежит тождество (сходство) дистрибуционных свойств лексических единиц, и упор делается на логическую эквивалентность. При третьем подходе синонимы рассматриваются как семантически тождественные (подобные)

¹ синоним (от греч. *συνώνυμος* – одноименный)

слова, имеющие различную стилистическую характеристику. В этом случае изучение синонимии ведется с позиций стилистических, изобразительных средств языка, при которых реализуются эстетические функции слова [Новиков 1982: 222-223]. Кроме того, возможен и четвертый подход к рассмотрению тождественных по смыслу слов – изучение контекстуальных дескрипций (обозначений), соотносимых с одним и тем же денотатом в пределах определенного текста [там же]. В связи с этим правомерным видится заключить, что каждый из подходов к исследованию синонимии сосредоточен на одном из аспектов значения лексических единиц и, следовательно, можно говорить о сигнификативном, структурном, прагматическом и денотативном взгляде на синонимию.

Так, исследование С. Г. Бережана выполнено в русле структурно-семиологического подхода с привлечением метода функционального анализа. В качестве релевантного признака для установления семантической эквивалентности оказывается наличие у лексических единиц совпадающих семантических вариантов, а не сходство означаемого у различных означающих [Бережан 1973: 297].

В свою очередь Ю. Д. Апресян, для изучения синонимии в рамках структурно-семантического подхода применяет трансформационный метод и убедительно доказывает, что для признания двух единиц синонимами необходимо выполнение трех условий – перевод в одно и то же выражение семантического языка, совпадающее число активных семантических валентностей и принадлежность к одной и той же глубинной части речи [Апресян 1995: 223]. Говоря о выделяемых исследователем подходах к изучению синонимии, следует отметить два основных. Ю. Д. Апресян их классифицирует как семантический и операционально-семантический. Семантический подход позволяет определить синонимы как слова одной и той же части речи с полностью или частично совпадающими значениями. Такое определение аргументируется тем, что в основе синонимии лежит семантическая близость однородных языковых единиц, тождество или высокая степень сходства их смыслового

содержания. При операционально-семантическом подходе синонимы определяются как слова, которые могут взаимно замещать друг друга, не изменяя, при этом, смысла текста [там же].

Подобную классификацию предлагают Л. А. Новиков, В. В. Иванов, но с существенным различием. Авторы выделяют еще и третий подход, при котором синонимия рассматривается как явление собственно стилистического порядка. При таком подходе синонимы рассматриваются как выражение эмоционально-экспрессивной оценки обозначаемого. Кроме того, немаловажен тот факт, что существует узкое (более строгое) понимание синонимии как свойства слов, полностью совпадающих в своих значениях, и более широкое ее понимание. Первое – более ценно для семантического перефразирования высказываний, второе – для осмысления того, как реально функционируют в нашем языке частично совпадающие по значению лексические единицы, нейтрализуя или противопоставляя свои различия [Новиков, Иванов и др. 1987: 56–57]. Отметим, что в концепции Л. А. Новикова подчеркивается весьма существенный элемент в определении синонима, в данном случае речь идет о таком универсальном понятии, как эквивалентность. «Семантическая сущность синонимии – это эквивалентность всего содержания лексических единиц (языкознание – лингвистика), отдельных их значений (ЛСВ) (дорога – путь) или совпадающих частей значений (ЛСВ) слов (ключ – ‘источник, в котором вода выходит с напором, с силой’ – родник – ‘источник, в котором вода просачивается на поверхность земли’)» [там же: 58]. Термин «эквивалентность» здесь является синонимом понятия «импликация», то есть эквивалентные содержания синонимов находятся в отношении взаимной двусторонней замены (мы изучаем языкознание – мы изучаем лингвистику). Закономерно, что эквивалентность эта не всегда полная, она может быть и частичной. Таким образом, если определять синонимия, опираясь сугубо на этот термин, можно сделать вывод о том, что лексическая синонимия и есть та самая

полная или частичная эквивалентность значений, выраженных разными знаками (лексемами).

Исследователь английской синонимии В. Г. Вилюман принимает во внимание различие состояния лексической единицы в языке и речи и учитывает влияние контекста на установление отношений синонимичности между словами [Вилюман 1980: 48-56]. Заметим при этом, что толкование семантики слова лишь как устойчивой языковой структуры не дает выйти за рамки традиционного подхода к пониманию синонимии как постоянного семантического отношения между единицами языка [Жарковская 2006: 143]. Анализ различных концепций синонимии позволяет сделать вывод об отсутствии полностью идентичных по значению синонимов в языке, поэтому правомерно рассматривать синонимию как значительное сходство значений слов при их незначительных семантических различиях. Из многообразия теоретических подходов к значению рождается множество семантических процедур интерпретации значения. Как замечает Г.В. Колпакова, самыми успешными оказались структурный подход к анализу значения и изучение значения как целостности (холистический подход) [Колпакова 2003: электронный ресурс].

Вместе с тем, по-прежнему следует констатировать наличие в лингвистической литературе разных точек зрения на синонимию, связанных с выдвиганием на первый план различных семантических критериев её определения. Наряду с тождеством значений языковых единиц, рассматриваемых как синонимы, предлагаются такие критерии, как близость, сходство, эквивалентность их значений. Разные критерии, выдвигаемые для установления и объяснения отношений синонимии между языковыми единицами, объединяет то, что они не обеспечивают сами по себе процедуры, которая в каждом конкретном случае позволила бы установить факт синонимичности языковых единиц. Отсутствие надёжной операционной основы установления синонимических отношений в языке всегда осознавалось как серьёзный недостаток в исследовании синонимии (Ю. Д. Апресян), что послужило источником скептического отношения, а иногда и

отрицания синонимии [Хантакова 2006: 9]. При этом следует отметить, что оперирование близостью значения при определении синонимии создаёт серьёзные проблемы в связи с неопределённостью понятия близости (А. Д. Шмелёв, В. Д. Соловьёв) и отсутствием процедуры «вычисления» близости значений. Неопределённость и расплывчатость понятия близости не позволяют отграничить синонимы от языковых единиц, близких по своему значению, но не являющихся синонимами.

Наряду с вышеуказанными понятиями при определении синонимии отправной точкой является сходство значений. Объективность сходства проявляется в том, что в его основе лежит тождество свойств объектов, а субъективность связана с разными субъективными представлениями человека. Последние обуславливают другое свойство сходства – его непостоянный характер, зависящий от фактора времени: сопоставляемые объекты могут быть почти неразличимыми, а через некоторое время казаться разными. Сходство сопоставляемых объектов предполагает степень их сходства, градуирование, но не все синонимические отношения языковых единиц сопряжены с градуированием их значений. Наконец, понимание синонимии как эквивалентности значений языковых единиц также создаёт определённые трудности, связанные с устойчивой ассоциацией эквивалентности с взаимозаменяемостью. Те случаи синонимии, где реализуется отношение эквивалентности, представляют собой скорее исключение, чем правило (А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева).

Думается, что попытка объединения данных подходов, стремление выделить в каждом из них ключевой момент и произвести синтез данных концепций позволил бы подойти к новому этапу изучения проблемы синонимии в целом, и синонимов – в частности. Так, в недавних исследованиях по синонимии [Иванова 2006, Хантакова 2006, Хайрутдинова 2007] указывается на необходимость применения интегративного подхода при изучении синонимии, на насущную потребность в междисциплинарных исследованиях. Кроме того, подчеркивается, что внимание лингвиста должно быть

сосредоточено «не на частностях, а на характере интегративного взаимодействия частей объектов языка и языка в целом, что соответствует первой и основной предпосылке всякого лингвистического исследования – системного понимания и объяснения лингвистических явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности» [Хантакова 2006: 8]. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что в качестве подхода, способного интегрировать существующие теоретические наработки в области синонимии, можно рассматривать когнитивно-дискурсивный подход и изучать синонимию нужно в когнитивном аспекте. Так, И. В. Жарковская, ссылаясь на мнение лингвистов-когнитивистов об энциклопедичности значения как формы знания и о том, что лексическое значение представляет собой когнитивный конструкт, формируемый на концептуальном уровне на основании контекста, приоритетным подходом к изучению синонимии считает именно функциональный когнитивно-дискурсивный подход [Жарковская 2006: 144].

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что при одном подходе, когда синонимы определяются как слова и выражения, имеющие одинаковое значение в некоторых или любых контекстах, во главу угла ставится тождество или сходство значений; при другом – упор делается на полную или частичную взаимозаменяемость синонимов в тексте, и важная роль отводится логической эквивалентности; при третьем – основополагающим оказываются оценочно-характеризующие, стилистические свойства синонимов [Новиков 1998: 446]; при четвертом – подчеркивается зависимость значения лексической единицы от того или иного контекста, а изучение синонимии в контекстном аспекте дает исследователю доступ к глубинной макроструктуре текста [Иванова 2006: 3], следует заключить, что типология синонимов и видов синонимии представляет собой открытую систему, в которой в зависимости от применяемого подхода по-разному расставляются акценты.

1.1.2. Типология синонимов. Проблема внутриотраслевой синонимии

Представленный ранее обзор существующих подходов к изучению синонимии наглядно демонстрирует, что в определении самой сущности явления лексической синонимии нет единства взглядов, в связи с чем можно предположить наличие подобных трудностей и при классификации синонимов. Тем не менее, в целях более глубоко проникновения в сущность вопроса, необходимым представляется рассмотреть различные классификации синонимов, начиная с самых традиционных и заканчивая последними работами лингвистов в данной сфере.

Итак, по степени синонимичности, иначе говоря, исходя из тождества, близости значений и способности замещать друг друга, нейтрализовать в тексте противопоставляемые семантические признаки, синонимы делятся на *полные (абсолютные)* и *частичные (относительные)* [Новиков 1998: 447]. Полные (или адекватные) синонимы представляют собой лексемы с максимально близкими (совпадающими) семантическими структурами. Чаще всего в данный тип синонимических отношений вступают слова с несложными семантическими структурами (как правило, однозначные). В случае частичной синонимии между заменяющимися лексическими единицами имеется лишь одна (или несколько) точек семантического соприкосновения (в отдельных лексико-семантических вариантах). Совпадение некоторых значений (чаще всего одного) и становится основой заменяемости лексем. Различающиеся же элементы устойчиво нейтрализуются в определенных позициях.

По выполняемым функциям синонимы подразделяются на *семантические (идеографические)*, которые оттеняют разные стороны обозначаемого, и *стилистические*, дающие различную эмоционально-оценочную характеристику обозначаемого. Если происходит совмещение обеих указанных функций, то в этом

случае речь идет о *семантико-стилистических синонимах* [там же]. При этом Л. А. Новиков отдельно рассматривает семантические функции синонимов, к которым относит замещение и уточнение [Новиков 1998: 446]. Замещение наблюдается чаще всего в следующих друг за другом частях текста и состоит во взаимной замене семантически адекватных единиц, что позволяет избежать однообразного повторения одних и тех же слов; а уточнение, в свою очередь, состоит в раскрытии свойств и различных характеристик обозначаемых предметов и явлений действительности и реализуется обычно в пределах одного предложения при близком, контактном расположении уточняющих друг друга частично эквивалентных слов [там же].

По своей структуре синонимы бывают *разнокоренными* и *однокоренными*, отличающимися друг от друга приставкой, суффиксом, приставкой и суффиксом одновременно. Кроме того, в словаре лингвистических терминов Д. Э. Розенталя отдельно рассматривается синонимия приставок (наличие общего реального или грамматического значения у приставок), синонимия суффиксов (наличие общего значения у суффиксов), синонимия окончаний (наличие общего грамматического значения у окончаний) [Розенталь 2003: 436-437]. Следует отметить, что данный тип синонимов относится к синонимии словообразовательных типов, а начало изучения *словообразовательной* синонимии было положено в работах В. В. Виноградова [Виноградов 1975: 166-220], который определяет словообразовательные синонимы как слова, произведенные от одной основы с помощью «синонимичных» по признаку принадлежности их к одной и той же категории суффиксов. Его замечание о суффиксальной синонимии закладывает основы для изучения новой области науки о языке – словообразовательной синонимии. Проблема словообразовательной синонимии активно разрабатывается с середины XX века, и то, что синонимические словообразовательные отношения, несомненно, имеют большое значение в языковой системе, находит подтверждение в многочисленных работах и статьях, посвященных вопросам синонимии в

словообразовании. До недавнего времени не существовало единого взгляда на словообразовательную синонимию, отсутствовало широкое теоретическое обобщение этой проблемы, а в исследованиях различных авторов имелось много противоречий. В работах отечественных и зарубежных авторов словообразовательная синонимия понимается по-разному: как «*синонимия аффиксов*» (В. М. Дерibas, А. Г. Черкасова, Н. М. Шанский), «*однокоренная синонимия*» (В. А. Гречко, Р. П. Рогожникова), «*словообразовательная синонимия*» (ученые Казанского университета), «*вариантность*» (О. С. Ахманова), «*стилистические средства словообразования*» (В. Н. Виноградова). Различные подходы к явлению словообразовательной синонимии объясняют также отсутствие единства в научной терминологии относительно данного явления: словообразовательная синонимия, морфологический параллелизм, вариантность, дублетность и т.д. Кроме того, следует упомянуть имена зарубежных ученых-лингвистов, которые также уделяли внимание изучению явления словообразовательной синонимии: Н.Г. Ищенко, I. Barz, W. Fleischer, Н.-J. Grimm, Н. Jelitte, S. Mengel, I. Ohnheiser, Н. Wellmann и др.

Помимо словообразовательной синонимии существует и синонимия *грамматическая*, а сам термин «*грамматические синонимы*» впервые был употреблен А. М. Пешковским. Рассматривая вопрос о грамматической синонимии, автор говорит о ее существовании в том случае, когда значения слов и словосочетаний близки друг другу по их грамматическому смыслу. В основе такого определения, следовательно, оказывается близость разных конструкций по грамматическому значению. *Грамматические синонимы* делятся А. М. Пешковским на две группы: морфологические и синтаксические. Кроме того, он замечает, что стилистические возможности в синтаксисе гораздо многообразнее и значительнее, чем в морфологии. В синтаксические синонимы А.М. Пешковским включаются различные случаи сближения по значению всевозможных грамматических форм (времен, наклонений), различные схемы построения предложения,

предлоги и союзы, а также возможность замены имени существительного местоимением [там же]. В дальнейшем в работах таких профессоров, как Е. М. Галкина-Федорук, Г. И. Рихтер, А. И. Гвоздева, И. М. Ковтунова, В. П. Сухотин, Е. И. Шендельс, В.Н. Ярцева дается трактовка понятию синонимии в языке, особенно в синтаксисе. В результате вырабатываются определенные классификации синонимических конструкций. Выделяются синонимы на различных уровнях: морфологическом, лексическом, уровне словосочетаний, простого предложения, сложного предложения, словообразования.

Продолжая выделение различных типов грамматических синонимов, по-видимому, нельзя обойти вниманием предложенное Е. И. Шендельс разграничение синонимов по значению, а именно указание на *межаспектные* и *внутриаспектные* синонимы [Шендельс 1959]. Под межаспектными синонимами исследователь понимает выявление всех возможных в языке способов передачи данного значения независимо от того, являются ли они грамматическими или нет. Исходной позицией оказывается при этом факт действительности, претворенной в содержание мысли. Что касается характеристики внутриаспектных синонимов, то ими могут быть признаны лишь однородные величины, при этом внутриаспектные синонимы подразделяются на *системные* и *контекстуальные*. Системными, по мнению Е. И. Шендельс, являются однородные грамматические формы (структуры), которые совпадают в своем основном грамматическом значении и различаются дополнительными грамматическими значениями и объемом значений. Грамматические формы (структуры), сближающиеся под давлением контекста в одном из своих грамматических значений, образуют контекстуальные синонимы [там же].

В свою очередь Л. Ю. Максимов [Максимов 1966], рассматривая синтаксические синонимы на уровне сложного предложения, различает *однотипные* и *разнотипные* синонимы, причем предложенная им стратификация синонимов в структурном плане позволяет выделить синонимические

конструкции одного уровня: синонимы на морфологическом уровне, синонимы на уровне словосочетаний, синонимы на уровне простого предложения, синонимы на уровне сложного предложения, синонимы на уровне синтагматического членения [там же].

С точки зрения структуры синонимичных синтаксических единиц различаются *равноструктурные* и *разноструктурные* образования. Так, И. М. Ковтунова считает, что синонимами могут выступать только лишь равноструктурные синтаксические единицы. В. П. Сухотин, Е.И. Шендельс придерживаются противоположного мнения. Л. Ю. Максимов, в свою очередь, считает возможным видеть синонимию как между равноструктурными, так и разноструктурными образованиями [Синтаксическая синонимия: электронный ресурс].

Отметим, что наряду с традиционными типами синонимов существуют и такие, выделение которых не вызывает единодушного мнения среди лингвистов, в связи с чем синонимы занимают своеобразное «пограничное» положение. Так, помимо ставших уже классическими, критериев классификации синонимов существует и так называемый «вопрос о квазисинонимах». *Квазисинонимы* – это слова, имеющие общую сему, которая, однако, не воспринимается большинством носителей языка как идентификатор в равной степени обоих языковых значений [Назарян 2005: электронный ресурс]. По-видимому, можно предположить, что данная концепция близка к делению синонимов на полные и неполные, а сторонники такой классификации опираются на отношения включения и переключения. Если значение одного из синонимов полностью «вкладывается» в значение второго и при этом в значении второго имеются еще некоторые смысловые компоненты, то между такими синонимами обнаруживаются отношения включения. Если же значения квазисинонимов имеют общую часть и, кроме того, значение каждого из них отличается какой-то особенностью, то говорят о пересечении их смыслов. Не будучи вполне тождественными по смыслу, квазисинонимы часто различаются и по стилистической

окраске. Кроме того, синонимы и квазисинонимы могут различаться по своей сочетаемости с другими словами, существует деление квазисинонимов на *родо-видовые* (птица – утка) и *видо-видовые* (утка – ласточка) [там же].

Вопрос о статусе и функционировании квазисинонимов затрагивается также в работах Ю. Д. Апресяна, который предлагает считать квазисинонимами в собственном смысле слова лишь такие лексические единицы, семантические различия между которыми в ряде позиций нейтрализуются [Апресян 1995: 245-248]. При этом, отнюдь не отрицая, а, напротив, подчеркивая существующие различия между квазисинонимами, исследователь определяет их как *родо-видовые* (включение значений, ср. болеть – саднить) и *видо-видовые* (пересечение значений, ср. жечь – ломить – нить – резать – саднить – свербеть – сверлить – стрелять), и обращает особое внимание на факт нейтрализации. По его мнению, нейтрализуемыми обычно оказываются родо-видовые различия; нейтрализация видо-видовых различий, теоретически вполне возможная, на практике оказывается достаточно редким явлением [там же].

Неоднозначным оказывается и выделение *речевых* или *контекстуальных* (контекстных) синонимов. Так, Ю. Д. Апресян считает возможным рассматривать в качестве синонимов только готовые словарные единицы, то есть единицы языка, а контекстуальным синонимам, функционирующим в речи, исследователь не считает возможным найти обоснование в рамках разрабатываемой им теории семантики [Апресян 1995: 248].

Однако факт существования слов, которые сближаются по значению в условиях одного контекста, следует считать очевидным, и называются такие слова контекстуальными (*ситуативными, окказиональными, авторскими*) синонимами. Отметим при этом, что для их сближения достаточно лишь понятийной соотнесенности, в связи с чем в контексте могут синонимизироваться слова, вызывающие в нашем сознании определенные ассоциации. Однако подобная синонимия ограничивается контекстом, она обусловлена содержанием

высказывания и не воспроизводится в языке. Именно поэтому контекстуальные синонимы также называют *окказиональными* (лат. casus – казус, случай), так как они случайно вступили в синонимические отношения; их сближение обусловлено ситуацией (отсюда другое название – *ситуативные*); они не отражены в словарях синонимов, поскольку носят индивидуальный, авторский характер [Лексическая синонимия: электронный ресурс].

Вместе с тем представляется, что функционирование контекстуальных синонимов в речи (в противопоставление фиксированным словарями синонимам в языке) позволяет расширенно рассматривать развитие вариативных обозначений одного и того же смысла, которые, по мнению А. И. Ивановой, «формируют контекстуальную среду существования референта и несут ключевую информацию о сложности и многоплановости референта, допускающей различные его трактовки и вскрывающей глубинные его стороны на уровне смыслового развертывания дискурса» [Иванова 2006: 6-7]. В связи с этим, на современном этапе развития лингвистики можно констатировать не просто укрупнение объекта исследования, когда внимание фокусируется на процессе формирования и функционирования синонимов непосредственно в речи, или шире – в дискурсе, но и говорить о насущной необходимости применения интегративного подхода к изучению явления синонимии.

Так, недавнее исследование В. М. Хантаковой, в котором предлагается теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц [Хантакова 2006], основано на принципиально ином подходе к исследованию категории тождества и синонимии в языке, когда акцент перемещается «со структурно-системных отношений на *антропоцентрические* условия формирования, развития и функционирования синонимических средств языка» [там же: 6]. Кроме того, применение И. В. Жарковской когнитивно-дискурсивного подхода к определению синонимии позволяет автору сделать важные выводы относительно статуса семантических синонимов, функционирующих в дискурсе:

- «при установлении отношения синонимии в дискурсе основным условием становится эквивалентность у двух (или более) единиц актуализируемого семантического признака;

- в дискурсе различаются *денотативные, референтные* и *ассоциативные* семантические синонимы; в основе такого разграничения лежит тот факт, что каждый из типов синонимии возникает в соответствии с осуществляющимися в дискурсе определенными когнитивными интерпретационными процессами: денотативная синонимия свидетельствует об установлении таксономических отношений, референтная – отношений унификации и дифференциации, а ассоциативная – отношений подобия» [Жарковская 2006: 145].

Поскольку в настоящей работе исследование синонимии проводится в когнитивном аспекте, целесообразным видится изучение проблемы формирования и функционирования синонимии в специальной сфере, в методическом дискурсе. При этом, если под дискурсом понимать вербально опосредованную деятельность в специальной сфере [Алексеева, Мишланова 2002], то образующие корпус методического дискурса специальные понятия употребляются не в общеязыковом значении, а являются терминами. Это, в свою очередь, позволяет на данном этапе работы несколько сузить предмет настоящего исследования – от языковой синонимии до внутриотраслевой синонимии.

Постановка вопроса о синонимии внутри специальной сферы (в данном случае в методическом дискурсе) предполагает обращение к категориям и понятиям терминоведения, причем следует принять во внимание достижения терминоведения, находящегося на современном этапе своего развития. Другими словами, дальнейшее рассмотрение внутриотраслевой синонимии будет проводиться с позиций когнитивного терминоведения.

На современном этапе развития науки лингвистические проблемы, с которыми сталкивается традиционное терминоведение, по-видимому, могут быть решены с позиций когнитивного знания, причем принципы когнитивной

лингвистики применимы и действенны в рамках когнитивного терминоведения. Несомненен тот факт, что вызванная общими тенденциями развития лингвистики переориентация в сторону человека, этого «активного субъекта познания» [Гуреев 2004: 57], не могла не отразиться на пересмотре значимых для терминологии категорий, на появлении новых перспектив исследования терминологии, открывающихся вследствие рассмотрения проблем соотношения мышления, языка и знания. Произошло переосмысление предмета терминоведения: «он стал во многом определяться идеями самого человека, творца термина» [Алексеева, Мишланова 2007: 8].

Умение классификации и категоризации предметов и явлений, присущее только человеку, является важнейшей способностью человеческого мозга. Поскольку окружающий человека мир состоит из бесконечного числа предметов и явлений, создающих естественно-природный информационный фон, то структурирование поступающей информации происходит в мысли человека посредством категоризации представленных фактов и явлений. При этом продукты категоризации – категории – составляют часть нашего когнитивного аппарата, а в основе каждой категории лежат концепты. Кроме того, познание мира не происходит стихийно, оно связано с неразрывностью знаний, которые репрезентируются посредством дискурса. Так, О. В. Александрова понимает дискурс как «процесс динамический, с помощью которого осуществляется предикативная связь явлений окружающего мира с непосредственным выражением ее при помощи языка» [Александрова 2005: 44]. Таким образом, категории когнитивной лингвистики – концепт и дискурс – вводятся в область когнитивного терминоведения и дают возможность рассматривать традиционные проблемы науки о терминах и интерпретировать известные факты с иных позиций, созвучных современному когнитивному взгляду на языковые факты.

Как отмечают Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова, когнитивное терминоведение «стало рассматривать термины, с помощью которых общаются специалисты конкретной области знания, в качестве особых когнитивных структур – фреймов,

требующих соответствующего поведения в профессиональной коммуникации» [Алексеева, Мишланова 2007: 9]. Изучение организации и динамики языковых категорий с позиций когнитивной лингвистики позволило изучить влияние сознания и других когнитивных структур на любое построение в языке и дискурсе. Поэтому ученых стала интересовать не столько сама категория, сколько «внутренняя сторона ментальной репрезентации», а, значит, особенности структурирования непосредственного человеческого опыта [там же].

Таким образом, если традиционное терминоведение занималось анализом языкового знака, то когнитивное направление дает возможность выйти за его пределы и делает данное направление «открытым», способным расширить предмет изучения науки, благодаря привлечению данных из других научных дисциплин. Кроме того, если в традиционном терминоведении термин определялся как слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания, с указанием на такие его особенности, как системность, наличие дефиниции, тенденция к моносимичности в пределах своего терминологического поля, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность и др. [Васильева 1998: 508], то на современном этапе акценты смещаются.

Согласно В. М. Лейчику, «новейшее определение термина, связанное с появлением и развитием когнитивного терминоведения, утверждает, что термин – динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [Лейчик 2006: 21-22]. Из этого следует, что в силу самого исторического характера процесса познания и постепенного закрепления знания, термин определяется как вербализованный знак, который может иметь ряд вариантов, зависящих от выбранной теории и степени глубины знания.

Думается, интересным окажется обращение к рассмотрению функционирования синонимии в терминологии, поскольку,

при традиционном понимании термина наличие семантических отношений (синонимии, полисемии и др.) отрицалось. Однако в последнее время укрепилось мнение, что «с помощью множественности номинативных средств языка реализуется лабильность мыслительных структур» [Татаринов 2006: 175]. При этом необходимо отметить, что до появления когнитивного понимания традиционных явлений, уже были созданы предпосылки для расширенного толкования отношений, в которые могут вступать языковые единицы в процессе терминологизации. Так, В.В. Панюшкин, рассматривавший синонимию в ономаσιологическом аспекте, замечает: «Синонимия наиболее полно по сравнению с другими видами семантических отношений раскрывает специфику системной организации лексики. Кроме того, синонимия имеет особую ономаσιологическую значимость: ее наличие определяет повторность закрепления знака в однословной форме, когда вторично объективируется значение, ранее закрепившееся лексически. И наоборот, ее отсутствие характеризует лексическую объективацию как первоначальную, когда возникающее мыслительное содержание материализуется впервые» [Панюшкин 1989: 4].

Несмотря на то, что приведенное выше описание синонимии и ее значимости для терминологии вписывается в традиционное понимание языковых явлений и фактов, можно заметить стремление исследователя к новому осмыслению, к изучению синонимии с когнитивных позиций. В связи с этим думается, что не стоит умалять научных разработок и достижений прошлых лет и ограничиваться при описании синонимии только работами современными. Обращение к истории становления синонимии как отдельной области научных изысканий в русле лексической семантики помогло бы не только дать наиболее полное и комплексное описание синонимии, но и интерпретировать, «перевести» на современный когнитивный язык уже отработанные и устоявшиеся понятия, отражающие явление синонимии.

Как было отмечено выше, до недавнего времени само существование синонимии в терминологии отрицалось.

Ряд ученых признавали наличие дублетов (О. С. Ахманова, В. Л. Нелепин, Е. Н. Толикина, Д. С. Лотте, С. И. Коршунов) и не допускали терминосинонимию, некоторые обуславливали существование синонимии разными оговорками (А. А. Реформатский, В. П. Даниленко, В. И. Михайлова, В. Н. Прохорова, А. М. Соколова). Лишь в последние десятилетия лингвисты пришли к выводу о закономерности синонимии в терминологии и тенденции к ее увеличению по мере развития данной науки (А. А. Брагина, Л. Л. Кутина, В. М. Лейчик, Е. В. Мяглова, А. В. Суперанская, E. Grodzinski, F. Riggs, S. Ulmann).

Следует заметить, что в большинстве случаев требования однозначности и отсутствия синонимии невыполнимы, поскольку специфика термина лежит не только в сфере свойств лексической единицы, но и в сфере ее функций. Так как термин – это основная единица специальной лексики, то на его классификационные характеристики накладываются систематизирующие и структурные признаки определенной области знания, отрасли науки. А в таком случае сущностное проявление языкового знака (термина) связано с тем, что в его структуре сфокусировано отражение трех ипостасей: вещного мира, языковой системы и языковой личности, выражение которых сообщает содержанию языкового знака комплексность и многоаспектность [Данеш 1994]. Именно эта проблема интертеоретических («межнаучных», «междисциплинарных») отношений заставляет обратиться к вопросу о формировании и функционировании синонимии в научной терминологии.

В естественном языке синонимия является реализацией семантической гибкости языка, т.е. возможностью разными способами выразить одно и то же или почти одно и то же содержание. В том осознанном процессе, которым является создание терминологии, синонимии, казалось бы, не должно быть места. Однако явления сходства по значению при различии в форме, и совпадения в форме при различии в значениях наличествуют в любой реально существующей терминологии. Как представляется, нужно различать внутриязыковую синонимию и частично эквивалентную лексику разных научных

языков. Первая существует в пределах одного теоретического единства, когда на базе общих концептуальных представлений создается научный «обиход», где одно и то же понятие может быть выражено либо средствами разных естественных языков, либо наряду с общепринятой, имеет номинацию, возникшую в индивидуальном языке ученого. Второе явление, очевидно, не может быть названо синонимией. Наиболее полно диалектические связи между языковыми знаками и реалиями экстралингвистической действительности раскрываются с помощью полевой модели системы языка.

В связи с этим поле в лингвистике становится одной из важнейших категорий, в которой системно и синтетически рассматриваются однородные по своему содержанию единицы; при этом описывается не только сам язык, но и система соответствующих понятий. Поле задается определенным смысловым содержанием, доминантой поля. В нем выделяется ядро (лексема-понятие или группа лексем-понятий), центр (классы основных понятий, с их синонимическими, антонимическими и другими отношениями) и периферия (система смежных реалий, смежных полей – слов – понятий вторичной семантической функции). Поле, представляя собой определенную семантическую структуру, отражает иерархию его основных классов слов и соотносительных языковых средств. Такая структура может быть описана с помощью родовидовых отношений, отражающих предметно-понятийную классификацию элементов.

Резюмируя вышесказанное относительно синонимии как объекта лингвистического исследования, можно сделать вывод, о том, что внутриотраслевая синонимия должна изучаться интегративно, с использованием категорий когнитивной лингвистики (дискурс и концепт). Когнитивное понимание дискурса как вербально опосредованной деятельности в специальной сфере [Алексеева, Мишланова 2002] позволяет рассматривать синонимию методического термина в определенном фрагменте действительности, в методическом дискурсе, и с этих позиций языковая синонимия может рассматриваться как синонимия внутриотраслевая.

1.1.3. Когнитивные аспекты внутриотраслевой синонимии

1.1.3.1. Дискурс как категория когнитивного терминоведения

Прежде всего необходимо отметить, что дискурс представляет собой сложный и многогранный объект изучения и поэтому занимает центральное место в кругу исследований когнитивной лингвистики различных научных направлений. Однако, как отмечают Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова, «анализ многочисленных концепций дискурса свидетельствует о фрагментарности представленного в них знания, об антиномичности и противоречивости многих определений дискурса» [Алексеева, Мишланова 2002: 32-33]. В свою очередь В. В. Красных подчеркивает, что «термин «дискурс» сколь популярен, столь малоопределен» [Красных 2003: 111]. Становится понятно, что четкого и общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его употребления, не существует, этим, по-видимому, и можно объяснить приобретенную данным термином популярность.

По замечанию А. А. Кибрика, наиболее отчетливо выделяются три основных класса употребления термина «дискурс», соотносящихся с различными национальными традициями и вкладами конкретных авторов [Кибрик: электронный ресурс]. С одной стороны, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида. Согласно определению Н. Д. Арутюновой, дискурс – «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 137]. С другой стороны, реальная практика современного дискурсивного анализа (с середины 1970-х годов) сопряжена с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого, прежде всего, через обмен репликами. В связи с этим можно говорить о реально описываемой структуре диалогового взаимодействия.

Вместе с тем подчеркивается динамический характер дискурса, что делается для различения понятия дискурса и традиционного представления о тексте как статической структуре. Противопоставление дискурса, понимаемого как отрезок речи «в действии», тексту, обычно трактуемому «как набор определенных лингвистических форм в составе определенного отрезка речи в совокупности с их интерпретацией» [Александрова 1999: 10] указывает на принципиально различные их характеристики.

Как замечает А. А. Кибрик первый класс пониманий термина «дискурс» (лингвистический аспект) представлен главным образом в англоязычной научной традиции, к которой принадлежит и ряд ученых из стран континентальной Европы. Однако за рамками этой традиции о дискурсе как «третьем члене» сосюрровской оппозиции говорил бельгийский ученый Э. Бюиссанс, а французский лингвист Э. Бенвенист последовательно использовал термин «дискурс» (*discours*) вместо термина «речь» (*parole*) [Кибрик: электронный ресурс]. Иначе говоря, он разграничивал план повествования (*récit*) и план языка, присваиваемого говорящим человеком (*discours*) [Кашкин 2005: 340]. Здесь уместным видится привести существенное замечание В. В. Красных относительно проблемы разграничения языка, речи и дискурса: «Язык, речь, дискурс – явления если не одного порядка, то, во всяком случае, не связанные отношениями иерархии. Они, безусловно, взаимосвязаны и взаимообусловлены, но как неправомерно говорить о речи как единице языка или языке как единице речи или дискурса, так же едва ли можно рассматривать дискурс как единицу языка или речи» [Красных 2003: 113]. Поэтому к первому классу относятся собственно лингвистические употребления термина «дискурс», разнообразные по своему характеру, но при этом заключающие в себе попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога. Второй класс употреблений термина «дискурс» (социологический, политологический аспекты), восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и, прежде всего, к работам М. Фуко, в которых можно усмотреть

стремление к уточнению традиционных понятий стиля и индивидуального языка. При этом дискурс рассматривается как общение, характеризующееся в качестве реализации определенных «дискурсивных практик» [Фуко 2004]. Наконец, третье употребление термина «дискурс» (логико-философский аспект), связано, прежде всего, с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. Оно может считаться видовым по отношению к предыдущему пониманию, но имеет значительную специфику. При таком понимании дискурсом называется особый идеальный вид коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни [Красных 2003: 111], и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации [Кибрик: электронный ресурс].

Как следует из вышеизложенного, несмотря на то, что термин «дискурс» давно известен и применим в гуманитарном знании, он не получил широкого распространения в исследовательских работах. По-видимому, причина этого кроется в многозначности и неопределенности стоящих за термином понятий. Однако проведенный Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой дефиниционный анализ термина «дискурс» позволил выделить три инварианта определения дискурса или три методологических подхода к анализу дискурса: формальное, семантическое и прагматическое [Алексеева, Мишланова 2002: 33-36]. Так, в русле формального направления, дискурс определяется как «связный текст устно-разговорной формы, диалог, группа высказываний, связанных между собой по смыслу, речевое произведение как данность – письменное или устное» [там же: 34]. В свете семантического направления – как «определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих для многих людей установок, т.е. типов мышления и общественного обсуждения проблемы» [там же: 34]. Авторами подчеркивается, что прагматическое направление оказывается наиболее развитым на сегодняшний день и «связано с двумя предыдущими и по формальному, и по семантическому признакам, с особым акцентом на речевую

ситуацию и участников речи – говорящего и слушающего» [там же: 35].

Если попытаться сопоставить изложенное выше понимание дискурса с двух позиций, согласно которым существуют лингвистический, социологический и логико-философский аспекты изучения дискурса (А. А. Кибрик), и исследование дискурса в формальном, семантическом и прагматическом направлениях (Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова) можно заключить, что во многом они обнаруживают сходные черты. Однако правомерное замечание Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой о том, что к прагматическому направлению тесно примыкает когнитивное направление, говорит о широких перспективах лингвистических исследований дискурса в когнитивной сфере. В этом смысле взгляд на текст с точки зрения актуальной когнитивной лингвистики существенно дополняет понимание дискурса в семантическом плане, а «разграничение дискурса и текста соответствует противопоставлению когнитивной деятельности и ее результата» [Алексеева, Мишланова 2002: 37]. В этом отношении, по-видимому, следует признать, что «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных 2001: 200]. Следовательно, с точки зрения когнитивной лингвистики, дискурс рассматривается как процессуальное, деятельностное явление [Архипов 2001; Баранов 1997, 2000; Кубрякова 2004].

В настоящем исследовании принимается когнитивное понимание дискурса как вербально опосредованной деятельности в специальной сфере. Думается, это позволяет не только рассмотреть результаты деятельности, которые находят свою непосредственную реализацию в языке/текстах, но и проследить этапы формирования конкретных способов вербализации стоящих за этими текстами концептов.

1.1.3.2. Концепт и концептуализация научного знания

В рамках когнитивного направления в лингвистике использование термина «концепт» становится не столько традицией, сколько необходимостью соответствовать современным тенденциям развития данного лингвистического направления. Вместе с тем частота использования термина «концепт» и междисциплинарность концептуальных исследований свидетельствуют о всеобъемлющем характере данного понятия и широте перспектив изучения разных сфер языка сквозь призму концептов. Поэтому в зависимости от того, какое понимание концепта принимается исследователем, по-разному расставляются акценты и намечаются дальнейшие пути решения конкретных языковых задач в рамках многочисленных научных школ и направлений.

В отечественной лингвистике концепт исследуется в двух аспектах: культурологическом [Бабушкин 1998; Воркачев 2003, 2004; Демьянков 2001; Карасик 2005; Карасик, Слышкин 2001; Красавский 2001; Красных 2003; Маслова 2001; Стернин 2005; Степанов 1997] и терминоведческом [Алексеева 2002; Алефиренко 2003, 2005; Володина 2000; Ельцова 2002; Кобрин 2005; Лейчик 2003, 2007; Лейчик, Шелов 2004; Манерко 2002, 2004; Соломоник 2002; Фурс 2004].

В аспекте лингвокультурологии концепт получает самые разнообразные названия, такие как «экзистенциальные смыслы», «предельные понятия», «культурные концепты» и т.д. [Солдатова 2003: 111]. Так, В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин определяют лингвокультурный концепт как «условную ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Карасик, Слышкин 2001: 70]. В. А. Маслова, в свою очередь, соотносит культурные концепты с именами абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру [Маслова 2001: 48]. По мнению С. Г. Воркачева, лингвокультурный концепт является семантическим образованием высокой степени абстрактности и представляет собой продукт абстрагирования

семантических признаков, принадлежащих определенному множеству значимых языковых единиц [Воркачев 2002]. Кроме того, отдельно выделяется и художественный концепт, под которым, например Л. В. Миллер, понимает «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (...) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества» [Миллер 2000:41]. В связи с этим, представляется возможным определить концепт не только как индивидуально-авторский способ концептуализации мира, но и как совокупность универсальных общечеловеческих знаний.

Таким образом, несмотря на большой разброс в понимании сущности лингвокультурного концепта, все же можно говорить о практически общепризнанном факте: культурный концепт представляет собой многомерное ментальное образование, а лингвокультурные концепты есть базовые единицы картины мира, в которых закреплены ценности не только отдельной языковой личности, но и лингвокультурного общества в целом. В связи с этим, очевидно, лингвокультурный концепт может быть охарактеризован как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», как «сгусток культуры в сознании человека», получающий означивание в языке, как «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово» [Степанов 1997: 40-41].

Что касается изучения концептов в терминоведческом аспекте, следует отметить, прежде всего, что трактовка концепта как единицы научного знания берет свое начало в зарубежной когнитивной лингвистике, а точнее – в когнитивном терминоведении [Picht 2002; Langacker 1991; Weissenhofer 1995, Smith 1999, 2000; Taylor 1995; Talmy 2000; Fauconnier 1999, Fauconnier, Turner 2002].

Так, существуют определения концепта, как «единицы научного мышления, знания и познания» (a unit of scientific thought, knowledge and cognition) [Pich 2002: 71], «проводника научного знания» (the vehicles of scientific knowledge) [Surowaniecas 1997: электронный ресурс]; по определению

в словаре Вебстера, concept – это «мысленно представляемый образ» (mentally conceived image) [Цит. по: Мишланова, Пермякова 2004: 352]. В связи с этим, следуя основным положениям когнитивной лингвистики, можно заключить, что концепты представляют собой идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90]. Таким образом, можно констатировать, что концепт – оперативная содержательная единица мышления, квант структурированного знания.

Вместе с тем не представляется возможным определить границы концепта, а объемность концепта, по всей видимости, индивидуальна и зависит от характеристик отдельной личности. Так, Н. А. Кобрина дает следующее определение концепта: «концепт – это, несомненно, дискретная и структурированная (или, точнее, допускающая структурированность) единица знания, основанного на разных способах и каналах восприятия и осмысления действительности» [Кобрина 2005: 81]. Главная функция концепта при этом – способствовать «обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 12]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризирован сознанием.

Таким образом, можно заключить, что концепт является базовой категорией современной лингвистики. Концепт как элемент сознания вполне автономен от языка, и языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных определений и описаний одного и того же концепта. Значение слова – это попытка дать представление о содержании выражаемого концепта, его границах, либо его отдельных характеристиках. Соотношение между значениями и

концептами имеет сложный характер. Е. С. Кубрякова говорит о том, что концепт – это скорее посредник между словами и экстралингвистической деятельностью, и значение слова не может быть сведено исключительно к образующим его концептам. Правильнее было бы, наверное, говорить о концептах как соотносительных со значением слова понятиях. Значением слова становится концепт, «схваченный знаком» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 92].

Языковые значения передают лишь некоторую часть о мире. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, в содержание которых могут постоянно включаться новые характеристики [Болдырев 2001: 24]. Эти характеристики, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации. При этом сами концепты в случае добавления новых характеристик и приобретения ими статуса самостоятельных концептов могут получать вторичную репрезентацию в языке. Таким образом, концепт отражает текучесть мира, его непостоянность [Зусман 2000: 12-13], это «идеальная сущность, формирующаяся в сознании человека» [Бухаров 2000: 18].

В современной отечественной лингвистике существуют различные взгляды на соотношение терминов «концепт» и «понятие». Оба слова этимологически во многом родственны и выражают идею приобретения. «Понятие» образовано от древнерусского глагола «пояти», имевшим значение «схватить, взять в собственность». «Концепт» происходит от латинского глагола «concipere», означавшего «вбирать, зачинать». Тем не менее, эти термины не являются полными синонимами. Вслед за Ю. С. Степановым считаем, что по сравнению с понятием концепт более объёмный мыслительный конструкт человеческого сознания, и состоит как из самого понятия, так и ценностного представления о нём. «Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 1997: 40-41].

Что касается структуры концепта, то, по мнению Ю. С. Степанова, «к ней принадлежит всё, что принадлежит

строению понятий», а также «входит всё то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков история, современные ассоциации, оценки и т.д.» [Степанов 1997: 630]. Концепт понимается как «некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании, (...) существующая как оперативная единица в мыслительных процессах, причем единица, выступающая как гештальт – как вполне самостоятельная и четко выделенная отдельная от других сущность» [там же: 316].

Необходимо отметить, что под термином «гештальт» в гештальтпсихологии – направлении, занимающемся исследованием процессов, происходящих в человеческой психике с позиций концептуальных структур, понимается модель действительности в сознании человека, а возникают гештальты в результате взаимодействия индивидуума с окружающим миром. По-видимому, в связи с этим «слово «гештальт» можно грубо перевести как «конфигурация» или «организованное целое». Этот термин характеризует позицию гештальт-психологов, поскольку они описывают поведение на языке организованной системы» [Солсо 2006: 498-499]. Когнитивная лингвистика, при этом, заимствуя из когнитивной психологии понятие концептуальных моделей, связывает его с изучением лингвистических аспектов, с материализацией этих моделей на языковом уровне, раскрывает их сущность с помощью языка [Новодранова 2006: 83].

Кроме того, для определения человека не только как активного деятеля процесса познания, но и как творца, самобытно членящего мир на определенные компоненты, нельзя обойти вниманием процессы концептуализации и категоризации, происходящие непосредственно в ходе ментальной деятельности человека. Как отмечает Е. С. Кубрякова, процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 93]. Поэтому в когнитивистике концептуализация трактуется как «осмысление всех ощущений, всей информации, приходящей к человеку в результате работы

органов чувств и оценки этой деятельности в терминах концептов» [Кубрякова 2004: 319]. При этом процесс концептуализации тесно связан с процессом категоризации, который направлен на «объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризуемых как тождественные, в более крупные разряды» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 93]. По замечанию Л. А. Манерко, категоризация – «это деление мира на категории, то есть выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий, включая такие концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов» [Манерко, 2003: 120].

Думается, что обращение к вопросам концептуализации и категоризации будет более целесообразным при непосредственном рассмотрении конкретного концепта, понимаемого сквозь призму когнитивной науки. Концепты представляют собой «ментальные образования, возникающие в результате обобщения информации в разных отдельных эпизодах. Они не привязаны к месту и времени действия, позволяя оперировать представлениями об объектах, разделенных между собой пространством и временем и не находящихся непосредственно в зоне восприятия субъекта» [Абиева 2005: 87]. Кроме того, расширенное понимание концепта как культурно-ментально-языковой единицы [Грузберг 2002] позволяет по-иному решать вопрос о месте концепта в ряду других языковых категорий. Принимая во внимание тот факт, что «внутреннее содержание концепта – это своего рода совокупность смыслов, организация которых существенно отличается от структуризации сем и лексико-семантических вариантов слова» [Грузберг 2002: 127-130], правомерным видится заключить, что структура концепта специфична, и в каждом отдельном случае необходимо учитывать дискурс, в котором формируется и функционирует концепт.

Вместе с тем, рассматривая концепт как ментальное образование, необходимо отметить, что концепт находит свою непосредственную реализацию в языке и, тем самым, предстает

в виде интегральных частей, обнаруживая свою специфическую организацию, форму, структуру. В качестве адекватного способа структурирования концепта, по-видимому, можно рассматривать фрейм.

В лингвистику понятие «фрейм» было введено Ч. Филлмором, рассматривающим его как особые унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта [Филлмор 1988: 54], как набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального целого. Эти идеи получили свое дальнейшее развитие как в работах многих зарубежных авторов (Shank, Abelson, Turner, Telmy), так и в исследованиях отечественных ученых (А. С. Герд, Т. В. Дроздова, Л. С. Рудинская и др.). Ближким к пониманию фрейма оказались и идеи М. Минского [Минский 1979], который сначала определял фрейм как структуру данных, предназначенных для представления в мозгу человека определенной стереотипной ситуации, а затем внес существенные уточнения. Автор указал, что фрейм – «это один из способов представления стереотипной ситуации, причем в каждом фрейме «связана» разноплановая информация, касающаяся использования данного фрейма, предупреждающая о том, что может произойти дальше, а также предписывающая действия в случае, если эти ожидания не подтвердятся» [Минский 1988: 289].

Фреймы способствуют адекватной когнитивной обработке типичных ситуаций, организуют связность текста, обеспечивают контекстные ожидания, дают возможность прогнозирования предстоящих событий на основе ранее встречавшихся.

Вообще, в настоящее время в отечественной когнитивной лингвистике фрейм понимается как определенное знание о стереотипных ситуациях, которое вербализуется посредством естественного языка [Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Агеев 1999: электронный ресурс]. Кроме того, думается, что можно говорить о двойственной природе фреймов. Так, с одной стороны, – это структурированные определенным образом лексические подсистемы, а с другой – «средство организации и инструменты сознания, некоторая внутренняя

когнитивная информация, возникающая различным путем – как врожденная структура или же путем усвоения из опыта и обучения» [Громова 1999: 64].

Говоря о структуре фрейма, необходимо особо обозначить составляющие его элементы, а именно слоты. Так, на основании исследования фрейма «действие», проведенного А.Н.Барановым и Д.О. Добровольским были выделены такие типовые слоты, как имя фрейма, время действия, этапы действия, место действия, результат действия, субъект действия и др. [Баранов, Добровольский 1991]. Графически фрейм может быть представлен в виде схемы, верхние уровни которой заполнены информацией, инвариантной для всего класса объектов, определяемых данным фреймом. Нижние узлы фрейма, называемые терминалами, заполняются переменными данными, характеризующими особенности отдельных объектов, принадлежащих данному классу. Варьирование информации на терминалах осуществляется в пределах, определяемых специальными «требованиями», или условиями, которые называются терминальными маркерами. Если использовать данную структуру фрейма для систематизации определенного лексического материала (например, в рамках одного концепта), то можно отметить, что этот материал, распределенный по слотам легко поддается семантическому анализу.

Наиболее убедительной, по-видимому, можно считать точку зрения, высказанную Дж. Андором о том, что фрейм представляет собой лингвистически ориентированный концепт, обеспечивающий языковую реализацию знаний [Цит. по: Терпак 2006: 132]. Близкое этому понимание фрейма можно найти и в работе В. А. Масловой, где фрейм рассматривается как форма ментального представления совокупного знания [Маслова 2004: 46]. По замечанию С. Б. Улановой, благодаря своей материализации и активизации в тексте фреймы обнаруживаются реципиентом в ходе восприятия текста и являются инструментом когнитивной деятельности человека, в результате чего выявляется смысл некоторого объекта, обычно текста или дискурса [Уланова 2000: 136]. Н. Г. Белявская, в свою очередь, рассматривая фреймы значения слова, вводит

понятие микрофрейма, под которым понимается значение слова, связанное с определенным блоком или «квантом» знания, в отличие от фрейма целостной ситуации [Белявская 1994: 105]. Вслед за М. Минским она обращает внимание на три свойства фреймов, которые должны учитываться при разработке когнитивных проблем лексической семантики.

Во-первых, это взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов, иначе говоря, фреймы не изолированы друг от друга, а тесно взаимодействуют между собой. Во-вторых, это возможность фокусировки внимания человека на любой части фрейма. И, наконец, в-третьих, это идеальный характер фрейма. Он проявляется в том, что фрейм воссоздает «идеальную» картинку объекта или ситуации, которая служит своеобразной точкой отсчета для интерпретации непосредственно наблюдаемых, «реальных» ситуаций, с которыми человек имеет дело в действительности [там же: 100-102]. Данное понимание фрейма как «идеальной» картинки объекта видится довольно перспективным, поскольку в действительности мы имеем дело не с фреймами, а конкретными языковыми реализациями, за которыми стоит обобщенное представление о какой-либо ситуации или объекте, которое, в свою очередь структурировано в виде фрейма.

Завершая характеристику фрейма как одной из центральных категорий современных лингвистических исследований необходимо отметить, что используемый когнитивной лингвистикой аппарат фреймов, позволяет моделировать мыслительные процессы и выявлять особые когнитивные структуры, которые заключены в самих фактах их употребления. На практике этого можно добиться с помощью когнитивного подхода, который позволяет достаточно полно «реконструировать когнитивную сцену-прототип или фреймы, слоты и блоки которых заполняются конкретной информацией о данной терминосистеме» [Новодранова 1997: 13]. В этом отношении следует особо подчеркнуть значимость и ценность категории «фрейм» для когнитивного терминоведения. Благодаря использованию фреймового анализа оказывается возможным произвести иерархическое деление и языковую

объективацию элементов когнитивной модели, представленных наименованиями базовых концептов каждого блока фрейма и терминообразовательными моделями, заполняющими блок; причем можно проследить явную зависимость языкового оформления от концептуальной структуры термина и его места в системе [Новодранова 2006: 83].

1.2. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу внутриотраслевой синонимии

1.2.1. Когнитивное направление в лингвистике

Современное состояние научного знания предполагает применение комплексного подхода к изучению традиционных категорий лингвистики с позиций когнитивной науки. На смену дескриптивному принципу лингвистики XX века, согласно которому языковые явления и их сущности только описывались, в начале века XXI во главу угла ставится объяснение причин их возникновения и сущностных механизмов их функционирования [Кибрик 1995: электронный ресурс]. Рассмотрение языковых явлений с разных точек зрения с привлечением не только лингвистических, но и экстралингвистических данных и знаний дает возможность дополнить их существующее традиционное понимание и открыть, тем самым новые перспективы их исследования. В связи с этим представляется, что на современном этапе важно осознать, как человек, без которого и безотносительно которого не могло бы существовать самого языка, становится способен перерабатывать, преобразовывать и передавать знания в огромном количестве за сравнительно небольшие промежутки времени. Человек становится отправной точкой для проведения исследований.

В свете современной научной парадигмы, ориентированной на человека [Кубрякова 1995₁], актуальным оказывается исследование процессов, происходящих в языковом сознании индивида, механизмов, определяющих направление его познавательной деятельности, а значит, и весь сложный многоэтапный процесс становления полноценной языковой личности. Интерес к личностному аспекту изучения языка существенно повысился в последние годы во всех дисциплинах, связанных с языком, не только в лингвистике, но и в психологии, лингводидактике, философии. По замечанию Ю.Н. Караулова, языковая личность оказывается тем стержневым, определяющим понятием, вокруг которого

разворачивается обсуждение наиболее интересных проблем общего языкознания [Караулов 1989: 3].

В течение своей жизни человек постоянно находится в процессе развития, как физического, так и интеллектуального, творческого. При этом становление и развитие полноценной личности невозможно без постоянного стремления к знанию, новому и неизвестному. Несомненно тот факт, что в ходе процесса познания, нацеленного на саморазвитие и самосовершенствование личности, не представляется возможным обойти вниманием проблему языка, а точнее, вопрос о тесной взаимосвязи языка и мышления в сознании языковой личности и их роли в ее становлении. При этом приоритетным оказывается рассмотрение данного вопроса сквозь призму современной «интегральной парадигмы знания» [Кубрякова 1995: 230], предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом. В связи с этим можно заключить, что антропологизации современной лингвистики способствовало осознание того, что язык «создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 2002: 15]. Поэтому язык исследуется как уникальная человеческая способность, заключающаяся в неповторимом умении мыслить и высказывать свои мысли, что предполагает смену стратегий научных исследований, а также их парадигмы [Фомиченко 2005: 17].

Отметим, что когнитивная наука стала достаточно интенсивно развиваться, когда ученые начали уделять все большее внимание внутренней организации человеческого сознания, и, несомненно, значительная роль в этом принадлежит когнитивной психологии. Как отмечает О. В. Александрова, «для понимания когнитивных процессов, осуществляемых и отражаемых в языке необходим учет данных многих областей знания, что делает когнитивную науку в целом, и когнитивную лингвистику, в частности, междисциплинарными науками» [Александрова 2005: 43].

Таким образом, в современных лингвистических исследованиях отмечается свежий взгляд на давно поставленные

проблемы познавательного отношения человека к миру, выявляются закономерности в ментальных структурах и процессах, обуславливающих восприятие, мышление, язык и поведение людей. Объектом исследования лингвистики становятся языковые феномены и факты, рассматриваемые с точки зрения когнитивных механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека – процессов понимания, естественного вывода, рассуждения, оценивания, онтологизации знания и других [Фомиченко 2005: 17]. Как подчеркивает Е. С. Кубрякова, «...когнитивная наука оказалась не просто междисциплинарной, но и объединяющей или пытающейся объединить, с одной стороны, старые традиционные фундаментальные науки – математику, философию, лингвистику и психологию, с другой – подключить к себе новые и даже параллельно с нею развивающиеся науки и теории – теорию информации, разные методы математического моделирования, компьютерную науку, нейронауки» [Кубрякова 2001: 283]. В свою очередь, Л. А. Манерко, особо подчеркивает, что «скорость, с которой наблюдается поворот в области исследования языка к когнитивной лингвистике, говорит о ее насущной необходимости в языкознании. Несмотря на кажущуюся «революционность» эволюционных перемен, объект исследования ученых-языковедов не изменился – они по-прежнему занимаются описанием явлений языка» [Манерко 2007: 31]. Однако, несмотря на привлечение научных достижений из разных областей знания, когнитивная лингвистика не предстает в качестве простого «сложения» возможностей нескольких наук, а выходит на качественно новый уровень исследования, который учитывает единую когнитивную методологию изучения явлений когниции и дискурса для обеспечения новых ракурсов их видения и объяснения [там же].

В связи с этим представляется, что когнитивная лингвистика может быть охарактеризована как открытая система, интегрирующая новое знание на основе данных разных наук, принимающая во внимание как уже известные научные факты, подробно изученные с традиционных лингвистических позиций, так и новые достижения исследователей, активно

использующих принципы междисциплинарности и интегративности знания.

Н. Н. Болдырев подчеркивает, что «специфика когнитивной лингвистики как научного направления определяется целым комплексом отличительных черт. Эти отличия проявляются в особой трактовке природы изучаемого объекта (язык как когнитивная способность и неотъемлемый элемент разума, связь языка с когницией, предполагающей и теоретическое и обыденное познание, знание, и антропоцентричность языка). <...>Анализ данных отличий дает полное основание утверждать, что в области научного знания четко обозначилось и существует определенное концептуальное пространство, именуемое когнитивной лингвистикой и представляющее собой единую систему научных взглядов и методологических принципов, которые направлены на изучение когнитивной функции языка и на реализацию общенаучной, объяснительной функции науки о языке» [Болдырев 2004: 35].

Вместе с тем, определяя когнитивную лингвистику как лингвистическое направление, в центре которого оказывается «язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53], можно, по-видимому, констатировать факт ее непосредственной связи с семиотикой. Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, «...некий семиотический фон прослеживается уже у первых ученых, стоявших у истоков когнитивизма» [Кубрякова 2001: 283]. В задачи первого поколения когнитологов входил как анализ ментальных репрезентаций в голове человека, так и описание их связей с формами языка. В когнитивной грамматике Р. Лангакера, в свою очередь, все основано на положении о том, что язык по своей природе символичен и грамматика есть не что иное, как «структурированный инвентарь конвенциональных языковых знаков» [там же].

В связи с этим есть все основания полагать, что ключевой категорией когнитивной науки на ранних этапах ее развития явилась категория ментальной репрезентации. Если попытаться

соотнести основные понятия когнитивной науки и семиотики, то можно заметить, что ментальная репрезентация знака дает возможность подробного изучения универсальных законов, функционирующих в ментальной сфере человека, и проследить действие этих механизмов на примере описания процессов номинации. Так, когнитивные аспекты номинативного акта обуславливаются тем, что «в этом акте знание невербализованное и дотоле смутное, неявное, диффузное обретает более четкие очертания, «собирается» в единую концептуальную (когнитивную) структуру, закладывающую основания будущему значению знака» [Кубрякова 2001: 284]. В связи с этим номинативный акт рассматривается как акт формирования и акт фиксации словом (языковой формой) определенной концептуальной структуры, которая представляет собой обобщенную структуру знания. Соответствия такой структуре, совокупному концепту, можно увидеть и в определении значения в теории Ф. де Соссюра, и в психологическом направлении конца XIX века, хотя, конечно, здесь существуют и определенные отличия. О. Н. Селиверстова указывает, например, что «структуралисты акцентируют внимание на роли различительных элементов. Для психологического же направления чрезвычайно важно положение о том, что в значении отражается не непосредственное восприятие внешнего мира, а представления, возникающие при «вторичной» когнитивной обработке первичных данных» [Селиверстова 2001: 295].

Вместе с тем изучение непосредственного обобщенного знания, репрезентируемого через языковые средства (знаки), дает возможность рассматривать когнитивные структуры и процессы, свойственные человеку как «*homo loquens*», под которым понимается единство человека говорящего / пишущего и человека слушающего/читающего. Как исходная реальность лингвистической науки, «*homo loquens*» – это «носитель способности к символизации и абстрагированию, носитель коммуникативно-речевой способности человеческого рода, субъект его социокультурных потенций» [Кощей, Чувакин 2006: 158-159]. Принимая во внимание тот факт, что «*homo lo-*

quens» представляет собой сложное интегрированное целое, можно, по-видимому, предположить, что ментальные процессы, происходящие внутри этого целого, не только основываются на репрезентациях, но и «соответствуют определенным процедурам – «когнитивным вычислениям» [Eschenbach 1990, цит. по: Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53]. Поэтому первостепенной задачей когнитивной лингвистики оказывается объяснение языковой способности и/или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего/слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей [Wunderlich, Kaufmann 1990: 22]. В этом отношении необходимо отметить и тот факт, что безотносительно человека никакая познавательная деятельность, предполагающая движение от старого к новому, от уже известного к еще неизведанному, оказалась бы невозможной. При этом результаты такой деятельности, предстающие в виде концептуализованных и категоризованных элементов, не были бы отправной точкой исследований, предпринимаемых в рамках когнитивной лингвистики. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «...слова и единицы, к которым они реферируют, связаны между собой посредством особого ментального образования – репрезентации как особой концептуальной структуры. Зная, какие концепты стоят за обозначениями, говорящий категоризует нечто как собаку, а нечто – как красный цвет и т.д.» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 44]. В связи с этим становится понятно, что процессы категоризации неразрывно связаны с концептуальным членением мира, поскольку «именно необходимость реализации языком его многообразных функций обуславливает формирование тех или иных структур знания в его концептуальной системе и их репрезентацию в речи» [Болдырев 2005: 31].

Таким образом, когнитивная лингвистика на современном этапе своего развития представляет собой последовательный и четко очерченный подход к науке о языке, который предполагает существование междисциплинарного и интегративного характера предпринимаемых исследований.

При этом когнитивный взгляд на традиционные языковые явления, по замечанию Е.С. Кубряковой, «привлекает нас своим стремлением разобраться в том, почему язык организован так, а не иначе, и в чем именно проявляются его свойства как естественной системы средств коммуникации и обобщения человеческого опыта» [Кубрякова 2004: 57].

Обращение к изучению человеческого опыта предполагает, по-видимому, не только рассмотрение отдельных случаев языковой репрезентации обобщенного представления, но и возможности концептуализации и последующей категоризации языковых явлений и фактов, что находит свое отражение в особом способе репрезентации знания – в виде структуры или схемы-модели опыта, оформленной фреймом. Кроме того, благодаря рассмотрению данного вопроса в рамках когнитивной лингвистики, становится возможным проследить определенные этапы формирования этого обобщенного представления и его непосредственного функционирования в вербально опосредованной деятельности, то есть в дискурсе.

1.2.2. Специфика концептуализации в методическом дискурсе

Выход на одну из основных категорий когнитивной лингвистики – концепт – предполагает качественно иной взгляд на определение содержательной стороны рассматриваемого явления. По замечанию В. И. Карасика, рассмотрение концептов представляет собой выход за рамки дефиниционно-понятийного анализа, а «концепт включает широкую ассоциативную зону смыслов, не всегда вербализуемых» [Карасик 2005: 185]. Применение концептологического анализа, таким образом, предполагает переориентацию в сторону междисциплинарного исследования, представляющего, по мнению Е. С. Кубряковой,

«альтернативные способы описания мира» [Кубрякова 2004: 17]. Вместе с тем для построения концепта необходимым представляется обращение к рассмотрению способов его непосредственной репрезентации в методическом дискурсе, поскольку в этом случае вербализация отдельных компонентов, составляющих концепт, дает возможность представить его во всем своем многообразии. Однако думается, что прежде чем приступить к рассмотрению особенностей концепта в методическом дискурсе, необходимо дать краткую характеристику специальному дискурсу, в котором данный концепт формируется. Речь идет о дискурсе методики преподавания иностранных языков.

Прежде всего, необходимо заметить, что методика есть научная дисциплина, относящаяся к педагогическим наукам и являющаяся по отношению к педагогике частной дидактикой – теорией обучения конкретному учебному предмету. В настоящей работе под специальной сферой, в которой происходит формирование концепта, понимается именно методика обучения иностранным языкам. Поэтому методика может быть определена в этом отношении как наука о закономерностях и правилах обучения языку, способах овладения и владения языком, воспитания средствами изучаемого языка. Более развернутое определение методики как научной дисциплины приводится А. Н. Щукиным: «это наука, изучающая цели, содержание, средства, методы, организационные формы обучения иностранному языку, знакомящая с культурой страны изучаемого языка, а также изучающая способы учения, воспитания и овладения языком в процессе его изучения» [Щукин 2006: 11]. Вместе с тем, на протяжении всей истории существования методики как научной дисциплины широко дискутировался вопрос о ее статусе, а именно о том, является ли методика самостоятельной наукой, либо опирается на данные других наук.

В XX столетии существовали следующие точки зрения по этому вопросу. Согласно первой, методика не признавалась самостоятельной наукой, а считалась лишь «приложением» к различным областям общего языкознания, отсюда вывод о

прикладном характере методики. Эта точка зрения принадлежала Л. В. Щербе, который утверждал, что как лингвист-теоретик он считает возможным обосновать теорию обучения иностранному языку, исходя из анализа понятия язык в разных его аспектах [Щерба 1974]. Вторая точка зрения сводится к тому, что методика является прикладной областью психологии. Б. В. Беляев разработал концепцию сознательно-практического метода, и в наши дни остающегося одним из основных методов обучения неродным языкам. Наконец, согласно третьей точке зрения, методика является разделом педагогики (частной дидактики) и опирается на дидактические принципы, разрабатываемые в этой области знаний. Что касается современного понимания статуса методики, то можно встретить следующее замечание: «Современная точка зрения на методику как теорию обучения иностранному языку сводится к утверждению, что методика является самостоятельной наукой, опирающейся на данные других наук, среди которых базисными, т.е. ведущими для методики следует считать лингвистику, педагогику, психологию, социологию, культурологию» [Щукин 2006: 16]. При этом отмечается также, что методика, как и любая другая наука, имеет «теоретическую базу, экспериментальное поле для проверки рабочих гипотез» [Гальскова, Гез 2004: 88]. Кроме того, у методики есть не только свой предмет обучения (иностраннй язык), но и собственный понятийный аппарат, т.е. система терминов, отражающих содержание данной отрасли знаний. По замечанию А. Н. Щукина, как и в любой науке, в методике ее основные категории в виде системы терминов служат базой и в то же время показателем самостоятельности и уровня развития науки. В распоряжении изучающих и преподающих язык имеются словари методических терминов, свидетельствующие о богатстве ее понятийного аппарата и широте терминологического состава (Миньяр-Белоручев, 1996 – около 800 терминов; Азимов, Щукин, 1999 – около 2000 терминов) [Щукин 2006: 16].

При этом в соответствии с тенденциями к глобализации, которые наблюдаются в современном мире, языковая политика государства ставит перед методикой конкретные цели и задачи.

К числу таких целей можно отнести формирование полипрофессиональной языковой личности, способной вступать в акты коммуникации с представителями других лингвокультур. Представляется, что утверждение терминосистемы методики вызывает необходимость изучения, упорядочивания и стандартизации методических терминов. Важной характеристикой методики оказывается также и ее соотнесенность/смежность с другими науками. Думается, что это позволяет рассматривать многие ее категории с разных точек зрения, каждый раз представляя то или иное методическое явление в его многоаспектности, вариативности и множестве.

В связи с этим есть все основания полагать, что при понимании методики как самостоятельной науки, имеющей сложившийся понятийный аппарат, объект изучения, а также применяющей интегративный принцип при исследовании традиционных явлений языка, можно констатировать наличие обобщенного, совокупного знания по конкретным вопросам теории методики. Речь идет о существовании специфического ментального пространства, составляющего основу специального методического дискурса, репрезентируемого в виде терминов и специальных понятий.

В этом отношении уместным будет заметить, что в данной работе под концептом в методическом дискурсе понимается совокупное знание, обобщенное представление о конкретной научно-методической проблеме, которое находит свою непосредственную вербальную реализацию в виде терминов и может быть структурировано в виде ментальной схемы-модели, или фрейма. Кроме того, принимая наиболее широкое понимание концепта как лексемы, за которой «стоит вся совокупность вербализованных понятий, закрепленных в языке в процессе формирования ее лексико-семантических вариантов (ЛСВ)» [Табанаква 2007: 62] можно говорить о существовании специфического концептуального фона.

Таким образом представляется, что концепт можно представить как сложную структуру, элементами которой будут понятия и образы, закрепленные в семантической структуре слов, обозначающих эти образы и понятия, а особенностью

специального концепта, является наличие синонимических способов отражения действительности в методическом дискурсе.

1.2.3. Концепт «интерференция»

В силу специфики формирования и функционирования методического дискурса, проявляющейся в особых способах концептуализации и категоризации обобщенных представлений о том или ином методическом явлении, своеобразным оказывается и структура концепта, рассматриваемого в данном типе дискурса. Это объясняется фактом смежности методики преподавания иностранных языков с другими областями знания, а значит, предполагает изначально интегративную природу концептов, формирующихся в методическом дискурсе, когда в сжатом концентрированном виде представлено совокупное понимание отдельной методической категории.

В данной работе рассматривается концепт «интерференция», выбор которого продиктован прежде всего объективностью существования данного явления-процесса, значимостью разработки теоретических основ интерференции, а также необходимостью решения проблем, возникающих в процессе овладения иностранным языком, вызванных интерференцией.

Согласно вышеизложенному относительно понимания концепта и способов его структурирования, рассмотрим фрейм концепта «интерференция».

Разработанный нами фрейм представляет собой схему-структуру концепта, и отражает «идеальный» способ организации концепта «интерференция», формирующегося в методическом дискурсе. Для верификации созданного фрейма целесообразным виделось обратиться непосредственно к языковому материалу, на основе которого оказалось возможным составить представление о «реальной» репрезентации концепта «интерференция» и определить с качественной и количественной точки зрения наполняемость слотов фрейма.

Следуя основным положениям семантики фреймов Ч. Филлмора [Филлмор 1988: 65], а именно, принимая во внимание тот факт, что некоторые фреймы естественно и неизбежно возникают в процессе когнитивного развития человека или усваиваются из опыта, по-видимому, необходимо обратить особое внимание на общее представление, концепт, структура которого отражена в каждом конкретном фрейме. Важным при этом оказывается не просто построение фрейма как такового, а исследование того, что скрывается за внутриязыковой семантической репрезентацией концепта.

По замечанию Ч. Филлмора, «...внутриязыковой семантический анализ предложения должен рассматриваться просто как демонстрация лексического, грамматического и семантического наполнения предложения, и эта демонстрация служит созданию «рабочего чертежа» (метафора Фоконье), пользуясь которой интерпретатор воссоздает картину целого» [Филлмор 1988: 66]. В связи с этим, рассматривая совокупное представление о том или ином явлении, следуя логике построенного фрейма, можно говорить о том, что происходит обогащение «рабочего чертежа» множеством знаний, которые не сосредоточены в какой-то одной специальной области, а рассеяны по отдельным видам дискурса.

Так, при исследовании концепта необходимо учитывать совокупное знание относительно данного явления, представленное не только в методическом дискурсе, но и в других видах дискурса. Поскольку в силу истории своего становления и развития методика оказывалась сопряженной с рядом наук (в результате чего оформился ее интегративный характер), можно заключить, что при исследовании концептов, формирующихся и функционирующих в методическом дискурсе, необходимо применять междисциплинарные методы исследования.

При этом немаловажным кажется обращение к пониманию явления интерференции в других областях знания, что позволит составить более полную картину о процессе формирования собственно методического концепта «интерференция».

Анализ представленного в научной литературе материала по вопросам интерференции (привлечены данные из физики, биологии, химии, теории языковых контактов, теории перевода, и т.д.) позволил констатировать существование отправных точек, откуда начинается собственно проблемное изучение интерференции в каждой из представленных областей знания.

Поскольку интерференция является предметом изучения ряда наук (от естественнонаучных дисциплин до наук гуманитарного цикла), то, по-видимому, обращение к дефиниционному анализу позволит не только выявить общие моменты в определении понятия «интерференция» в разных науках, но и увидеть, как оно каждый раз специфически преломляется.

Так, наиболее общее физическое понимание интерференции сводится к следующему: «*усиление* или *ослабление* двух волн при *наложении* друг на друга при *одновременном* распространении в пространстве» [Физическая энциклопедия 1990: 163]. В биологии под интерференцией вирусов понимают *взаимодействие* между ними, «при котором наблюдается *подавление* репродукции одного вируса другим в клетках, смешанно зараженных двумя вирусам» [Биологический энциклопедический словарь 1986: 322]. В медицине интерференция вирусов есть «*подавление* одного вируса другим при смешанной инфекции» [Большая медицинская энциклопедия 1959: 639]. С лингвистической точки зрения интерференция – «*взаимодействие* языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся либо при *контактах* языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в *отклонении от нормы* и системы второго языка под влиянием родного» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 197]. В теории перевода интерференция – это «неосознанное *перенесение* языковых свойств оригинала в перевод» [Neurbert 1989: 60].

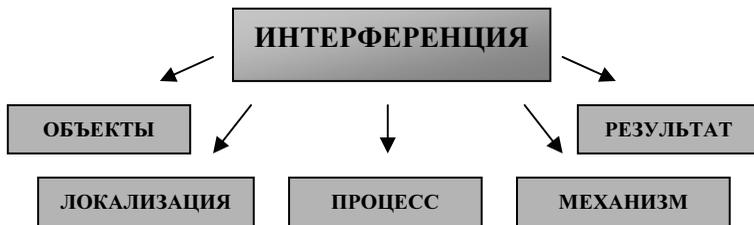
Кроме того, учитывая этимологию номинативной единицы «интерференция» безотносительно принадлежности к той или иной науке (от лат. *inter* – между собой, взаимно и *ferio* – касаюсь, ударяю или *ferens, ferentis* – несущий, переносящий

от *ferre* «носить, нести, уносить») можно констатировать следующее. Во-первых, наличие как минимум двух *объектов*, вступающих во *взаимо-* действие (*inter*). Во-вторых, существование *отношений* между объектами с указанием на характер связи, обнаруживающейся между ними. В-третьих, непосредственное описание *механизма* взаимодействия и того, каким образом характер связи между объектами сказывается на окончательном исходе данного взаимодействия. В-четвертых, описание *среды*, в которой наблюдается соприкосновение объектов. И, наконец, в-пятых, непосредственный *результат* взаимодействия.

Все это, по-видимому, дает возможность предположить существование некой идеальной модели-схемы (фрейма), которая берется за основу при определении понятия «интерференция», и в которую входят обязательные компоненты (слоты). Вместе с тем во внутренней организации дефиниционной модели можно выделить и характер связи между составляющими ее компонентами. Думается, что помимо причинно-следственной связи (наличие объектов предполагает их локализацию, функционирование механизма взаимодействия должно привести к определенному результату, и т.д.) необходимо учитывать и временную соотнесенность компонентов, то есть последовательное их появление при дефинировании интерференции. Этим объясняется распределение слотов фрейма в виде иерархии, где в качестве вершины указаны *объекты* (то, без чего не может начаться процесс взаимодействия), а в основании лежит *результат* (то, что представляет собой логическое завершение взаимодействия).

Таким образом, проведенный дефиниционный анализ понятия «интерференция» в разных областях знания позволил не только составить совокупное представление о данном явлении, но и построить фрейм концепта «интерференция», состоящий из следующих слотов. Фрейм концепта «интерференция» изображен на *Схеме 1*.

Схема 1. Фрейм концепта «интерференция»

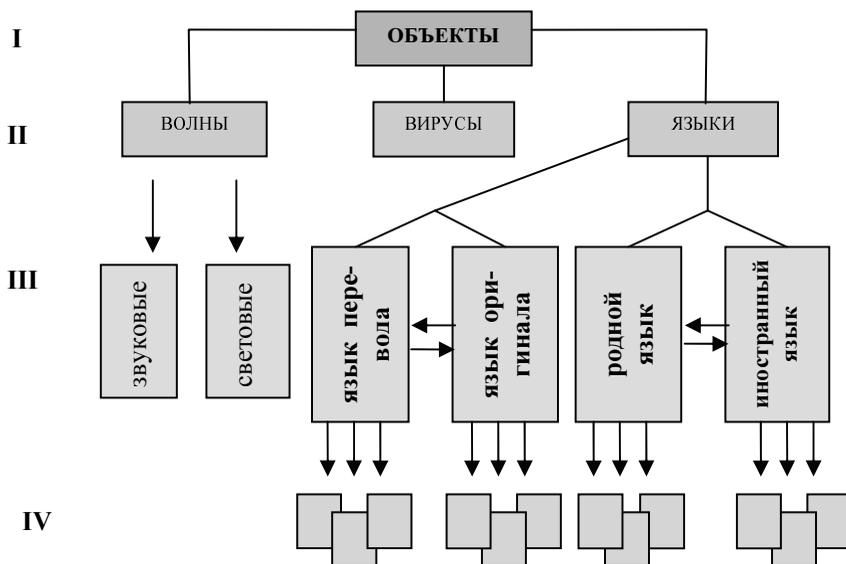
Представленный фрейм концепта «интерференция», рассматривается нами в качестве ментальной структуры, в которой отражается совокупность знаний об интерференции. Как следует из представленной выше схемы, данная ментальная структура вбирает в себя многообразие составляющих ее компонентов (нами выделены 5 основных слотов), которые в силу своей природы находят непосредственное отражение в концепте «интерференция».

Необходимо отметить при этом, что выделенные слоты не представляют собой закрытые системы, напротив, каждый из них может наполняться дополнительными характеристиками и обнаруживать тем самым еще более разветвленную организацию. Так, если обратиться к рассмотрению слота первого уровня – **объекты** – то, сопоставив приведенные выше словарные дефиниции интерференции в разных науках, мы обнаружим следующее. Объекты, вступающие во взаимодействие, могут быть представлены в виде нижеследующей *Схемы 2*.

Как видно из *Схемы 2*, слот ‘**объекты**’, который является слотом первого уровня (I) в общем фрейме концепта «интерференция», распадается на слоты второго уровня (II) - ‘волны’, ‘вирусы’, ‘языки’.

В свою очередь слоты II уровня также не являются закрытыми системами и подвергаются дальнейшей конкретизации, а именно, распадаются на единицы нижестоящего уровня, в зависимости от сферы их функционирования. Таким путем образуются слоты III уровня, которые на схеме представлены в виде слотов ‘звуковые’ и ‘световые’, а также ‘язык перевода – язык оригинала’ и ‘родной язык – иностранный язык’.

Схема 2. Организация слота ‘объекты’

При этом данные слоты III уровня не являются терминальными, поскольку возможна их дальнейшая детализация или, скорее, конкретизация объектов по линии их качественных отличий. Так, возможны различные пары языков, выступающие в качестве языков перевода и оригинала, равно как и овладение иностранным языком, например, английским, французским, испанским и т.д. может происходить на базе родного языка индивида (возможны различные варианты), в зависимости от его принадлежности к тому или иному лингвокультурному сообществу. Данные варианты соотносимых языков образуют слоты IV уровня, и на схеме не заполнены.

Думается, представленная выше организация слота **‘объекты’** свидетельствует не только о потенциально возможном подразделении на более мелкие единицы-слоты, образующие нижестоящие уровни фреймовой организации, но и об открытости всей фреймовой модели концепта «интерференция». Из этого следует, что открываются широкие перспективы рассмотрения каждого слота, входящего в полную фреймовую модель, независимо от его принадлежности к тому или иному уровню иерархии, поскольку гипотетически возможные вариации отношений между слотами, их взаимообусловленность и характер взаимодействия позволят, уточнить сам концепт «интерференция».

Таким образом, для построения фрейма концепта «интерференция» необходимым оказывается учитывать всю совокупность знания по данной проблеме (как в естественных науках, так и в гуманитарных), что говорит об универсальном характере самого предмета исследования и предполагает использование междисциплинарного подхода при ее изучении.

1.2.4. Концептуализация как источник внутриотраслевой синонимии

Самое общее представление о концепте «интерференция» было составлено на основе данных, полученных в ходе изучения научных изданий по проблеме интерференции. При этом, помня

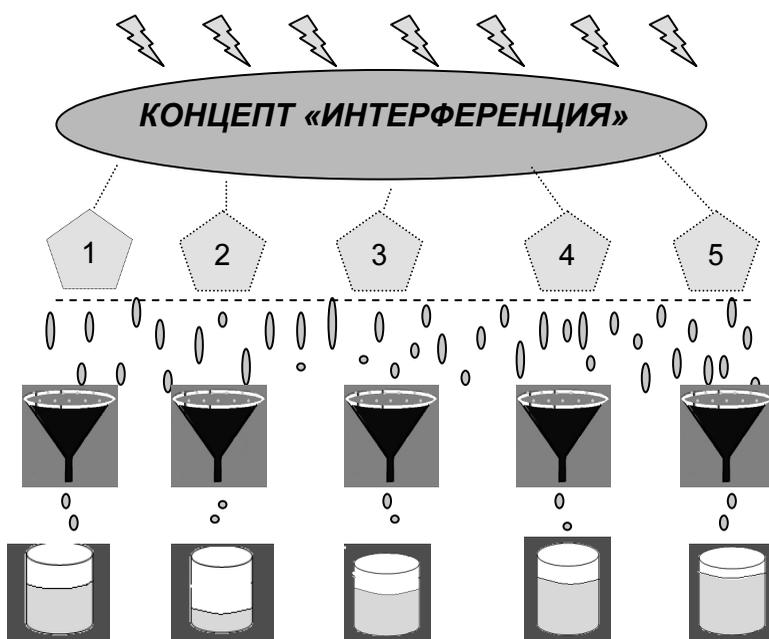
о специфике концептов в методическом дискурсе, заключающейся в их интегративном характере, были привлечены данные из физики, химии, биологии, медицины, а также теории языковых контактов, теории перевода относительно проблемы интерференции. Результатом данного этапа работы явилось выделение основных «точек соприкосновения», свидетельствующих о гомогенной природе явления интерференции безотносительно специальной сферы (физика, химия, биология и т.д.), иначе говоря, стал очевиден сам универсальный механизм интерференции, предполагающий любого рода взаимодействие.

Следующий этап работы заключался в интерпретации обнаруженных ранее общих моментов и их структурировании в виде фрейма, представленного 5 слотами. Далее из корпуса методического дискурса (1668 контекстов – на русском языке и 1600 контекстов на иностранных языках) были отобраны определения интерференции, содержащие ее контекстуальные синонимы.

Подчеркнем, что в данном случае под контекстуальными синонимами понимаются вариативные лексические единицы, обозначающие один и тот же смысл. Проведенный количественный анализ позволил разделить обнаруженные контекстуальные синонимы на ядро и периферию семантического поля «интерференция» и очертить тем самым границы исследуемого практического материала. На следующем этапе работы контекстуальные синонимы, подвергались семантическому анализу и распределялись по выделенным ранее 5 слотам фрейма. При этом объединение контекстуальных синонимов в синонимические ряды / синонимические пары дало возможность не только составить четкое представление о количестве контекстуальных синонимов, но и провести их качественный анализ с позиций рассмотрения семантических отношений между элементами каждого синонимического ряда. Таким образом, по нашему мнению, контекстуальная синонимия (неупорядоченная, бессистемная), представленная отдельными синонимами, преобразуется во внутриотраслевую синонимию, упорядоченную в соответствии с разработанным фреймом.

Ключевым механизмом такого преобразования мы видим концептуальную интеграцию, заключающуюся в образовании сложных когнитивных структур, формирующих концепт «интерференция» в методическом дискурсе. Заключительный этап анализа состоит в том, что после распределения по слотам фрейма синонимических рядов, образованных контекстуальными синонимами, становится очевидным их количественное соотношение, и участие в образовании совокупного представления об интерференции. Вышесказанное может быть представлено в виде *Схемы 3*.

Схема 3. Концептуализация как источник внутриотраслевой синонимии

Как показано на *Схеме 3*, в методическом дискурсе формируется «облако мыслей» (по Л.С. Выготскому), или концепт, который пополняется сведениями из других областей знания («молниями»). Концепт «интерференция» структурируется в виде фрейма, слоты которого представлены в виде многоугольников. Концепт вербализуется в дискурсе, или, говоря словами Л.С. Выготского, «облако мыслей проливается дождем слов». В зависимости от типа когнитивно-дискурсивного анализа (на схеме это «воронки-фильтры») получается та или иная выборка фактического материала, в нашем случае – синонимические ряды различной наполняемости.

1.2.4.1. Контекстуальная синонимия как вербализация концепта

Для построения концепта «интерференция» необходимым представляется обращение к рассмотрению способов его непосредственной репрезентации в методическом дискурсе, поскольку в этом случае вербализация отдельных компонентов, составляющих концепт «интерференция», дает возможность представить рассматриваемый концепт во всем многообразии. Говоря о процессе вербализации концепта, необходимо сделать следующее замечание. Если принять во внимание тот факт, что «слово как основная единица номинации представляет обычно концепт не полностью, а передает своим значением один или несколько концептуальных признаков», но оказывается при этом «включателем», активизирующим в нашем сознании концепт» [Попова, Стернин 2003: 38]; можно предположить, что упорядочивание таких случаев «включения» может способствовать представлению совокупного знания, отраженного в концепте.

В данном исследовании мы намеренно разграничиваем два, на первый взгляд, соотносимых между собой способа репрезентации совокупного знания и его структурирования.

Речь идет о том, что при рассмотрении концепта «интерференция» как ментального образования, сформированного на основе совокупных знаний об этом явлении, на первый план выдвигается ментальная структура концепта, иначе говоря, фрейм. Под фреймом понимается объемное, многокомпонентное образование, особая структура данных, один из способов представления стереотипной ситуации [Минский 1988: 289]. Вместе с тем, при изучении конкретных языковых реализаций концепта, то есть случаев его вербализации в методическом дискурсе, первостепенным видится рассмотрение фактов вербальной репрезентации концепта, представленных контекстуальными синонимами. В данном случае под контекстуальными синонимами мы понимаем наличие в определении методического термина «интерференция» выделенных компонентов фреймовой модели концепта «интерференция». Последние, в свою очередь, являются языковой реализацией данного концепта в методическом дискурсе и поэтому, являются его «реальной» репрезентацией.

Таким образом, в рамках настоящего исследования рассматривается как ментальная структура концепта «интерференция», представленная в виде фрейма, так и непосредственная вербализация концепта, формируемая корпусом контекстуальных синонимов. По-видимому, такое разграничение позволяет не только проследить участие языковых реализаций концепта «интерференция» в формировании обобщенного представления об интерференции, но и увидеть, каким образом они распределяются по компонентам модели дефиниции в методическом дискурсе.

Кроме того, отобранные контекстуальные синонимы были распределены по принципу поля. Необходимость использования концепции «поля» в данном исследовании продиктована тем, что «...для понимания «значения» отдельного термина необходимо осознание интерпретатором позиции слова в поле и какого-то числа других «соревнующихся слов» [Филлмор 1988: 59]. Иными словами, сами по себе контекстуальные синонимы даже при условии объединения в синонимические образования (пары, ряды), по-видимому, не в полной мере

смогут репрезентировать совокупное представление об интерференции. Однако рассмотрение семантических отношений внутри синонимических рядов, функционирующих в общем семантическом поле «интерференция», дает возможность более широкого представления данного явления и, тем самым, обогащения непосредственно концепта «интерференция».

В связи с этим, при рассмотрении контекстуальных синонимов интерференции, отобранных из проанализированных контекстов, были выделены ядерные компоненты и компоненты, относящиеся к периферии. К ядру семантического поля «интерференция» были отнесены контекстуальные синонимы, которые в количественном отношении составляют не менее 1% от общего числа всех контекстов, а к периферии, соответственно, все те единицы, процентный показатель которых не превышает 1%.

Проведя квантитативный анализ контекстуальных синонимов можно заключить, что в ядре семантического поля «интерференция» представлено 60,65% от общего количества контекстуальных синонимов, а в периферии поля – 39,35%.

При этом целесообразным видится не отдельное представление ядерных и периферийных компонентов семантического поля «интерференция», а их распределение и последовательный анализ в соответствии с разработанным фреймом, включающим следующие слоты:

1. объекты
2. локализация (среда)
3. процесс (действия между объектами)
4. механизм (характер связи объектов)
5. результат (контроль, коррекция, закрепление).

1.2.4.2. Семантические связи внутриотраслевых синонимов

Изучение синонимии в когнитивном аспекте, по-видимому, следует проводить в соответствии с разработанной М. Тернром и Ж. Фольконе теорией концептуальной интеграции [Turner, Fauconnier 1998]. Исследователи установили, что концептуальная интеграция является наиболее общей когнитивной операцией, стоящей в одном ряду с аналогией, ментальным моделированием, концептуальной категоризацией и построением фрейма. Результаты концептуальной интеграции становятся неотъемлемой частью концептуальной структуры и часто сами служат материалом для дальнейшей концептуальной интеграции [Ивина 2003: 36]. Это становится возможным потому, что концептуальная интеграция предполагает создание нового знания не только за счет компоновки элементов и их значений исходных фреймов, но за счет развития значений элементов исходных фреймов [Бабина 2005: 145]. Подобным образом происходит и формирование отношений синонимии. Так, по замечанию В. И. Свинцова, «способность сознания отражать объекты в нескольких понятиях, обладающих различающимся содержанием имеет огромное познавательное значение. Она позволяет изучать некоторый фрагмент действительности с различных точек зрения, выделяя смысловые единицы с несовпадающими наборами понятиеобразующих признаков» [Свинцов 1987, Цит. по: Татаринцов 2006: 173]. Действительно, на стыке двух феноменов (лабильности и динамизма) рождается третий феномен – синонимия термина. При этом сами процессы концептуальной интеграции предполагают существование некоего смешанного пространства, в котором происходит проецирование одной структуры на другую, в результате чего может произойти изменение ментального представления об исходном пространстве.

В связи с этим, следует отметить, что важнейшим механизмом когнитивных процессов является проецирование, поскольку именно проекция как основа аналогии «соединяет

одну точку зрения с другой и создает новые точки зрения частично на базе старых» [Ивина 2003: 37]. Проекция, следовательно, всегда предполагает концептуальную интеграцию. В этом отношении интересным видится обращение к проблемам метафоризации и переносного значения. По замечанию Ю. Д. Апресяна, «развитие у слова переносных и фразеологически связанных значений – еще один процесс, порождающий семантически точную синонимию» [Апресян 1995: 226].

В настоящей работе предпринята попытка показать, каким образом контекстуальные синонимы, обнаруженные в методическом дискурсе, пройдя этапы категоризации и концептуализации преобразуются в синонимы внутриотраслевые. При этом между контекстуальными синонимами, распределенными по слотам фрейма концепта «интерференция», по-видимому, должны обнаружиться специфические семантические отношения, анализ которых позволит составить совокупное представление о явлении интерференции в методике обучения иностранным языкам, или в терминах когнитивной лингвистики, представить концепт «интерференция», функционирующий в методическом дискурсе.

ГЛАВА 2

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ»

2.1. Общая характеристика фрейма «интерференция»

Для исследования концепта «интерференция» был построен фрейм, состоящий из 5 слотов: объекты, локализация (среда), процесс (действия между объектами), механизм (характер связи объектов), результат (контроль, коррекция, закрепление). Каждый слот рассматривается отдельно, и содержит как ядерные, так и периферийные компоненты², участвующие в его репрезентации. Отобранные контекстуальные синонимы объединены в синонимические пары / синонимические ряды, и обнаруживают специфические для каждого слота семантические отношения. При анализе особенностей семантических отношений в каждом синонимическом ряду используются контексты, отобранные из методического дискурса, в которых представлены толкования термина «интерференция».

2.1.1 Репрезентация слота ‘объекты’

Ядерные компоненты в образовании слота ‘объекты’

В семантическом поле «интерференция» были выделены такие контекстуальные синонимы, как система – язык – элементы, объединенные в один синонимический ряд по принципу гипогиперонимической связи. Так, лексема система, понимаемая как нечто целое, представляет собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей [Ожегов, Шведова 1997: 719] и является гиперонимом по

² О распределении контекстуальных синонимов на ядро и периферию см. пункт 1.2.4.1.

отношению к двум остальным элементам ряда, поскольку выражает наиболее общее понятие. Необходимо отметить и тот факт, что отобранные контекстуальные синонимы могут объединяться в эндоцентрические ряды, в которых каждый следующий компонент ряда представляет собой гипоним по отношению к предыдущему и гипероним по отношению к следующему. Иначе говоря, можно констатировать наличие отношений включения между компонентами синонимического ряда.

В процентном соотношении частотность употребления каждого компонента ряда свидетельствует о характере отмеченных выше отношений включения и предпочтении гиперонимов гипонимам: система (2,82%), язык (2,28%), элемент (1,49%). Становится понятно, что при описании объектов интерференции в методическом дискурсе, происходит уклон в сторону употребления гиперонима система, как языковой единицы, имеющей наибольшую степень обобщенности по сравнению с гипонимами язык и элемент, и не требующей высокого уровня точности при обозначении объекта:

- (1) «... появление интерференции в речи связано в первую очередь с различиями в системах контактирующих языков» [Федорова 2005: 9];
- (2) «Интерференция отражает, в основном, отношения между языковыми системами при их контакте» [Вишневская 1993: 15];

В случае, когда необходимо выделить специфические признаки объекта, происходит замена гиперонима гипонимом, более точно указывающим на ту или иную особенность:

- (3) «Интерференцию мы рассматриваем как частный случай взаимодействия языков» [Баранникова 1972: 88];
- (4) «...важную роль при этом играет типологическое сходство вступающих в контакт языков и степень их генетического родства» [Любимова 1985: 16];

Когда возникает необходимость более точно указать на объекты взаимодействия, в качестве адекватного способа выражения избирается конкретизация, и речь идет не просто о системах, а о составляющих ее элементах:

(5) «Понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющихся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией» [Вайнрайх 1979: 22].

Вместе с тем необходимо отметить и тот факт, что рассмотрение сочетаемости каждого компонента синонимического ряда с остальными языковыми средствами, составляющими дефиницию интерференции, по-новому расставляет акценты. Так, из проанализированного языкового материала следует, что контекстуальный синоним система неразрывно связан с определяющим его словом, и при определении интерференции указывается на наличие системы языковой/языков в 60% случаев. Однако существование других определяющих слов, таких как *взаимодействующие, контактирующие, сталкивающиеся*, говорит о характеристике систем, находящихся в определенных отношениях связи. Кроме того, можно проследить тенденцию к конкретизации гиперонима система посредством отнесения ее к определенному языковому уровню (*интонационная, звуковая, просодическая, графическая, синтаксическая*).

Что касается контекстуального синонима язык, то при анализе отобранного корпуса методического дискурса выявлено, что в 64% контекстов, включающих в себя указание на язык, речь идет о языках *контактирующих*. При этом в остальных случаях представлена характеристика языков с точки зрения их соотносительности между собой: *воспринимающий, доминантный, зависимый, превалирующий, усредненный* и т. д., что говорит о важности рассмотрения отношений, в которые вступают объекты взаимодействия. Таким образом, можно заключить, что в проанализированных контекстах, содержащих в себе контекстуальный синоним язык, не было выявлено ни одного

указания на определенный языковой уровень (как в случае с лексемой *система*), а был добавлен дифференцирующий компонент ‘характер отношения между объектами’.

Наконец, контекстуальный синоним *элементы*, согласно представленным дефинициям интерференции в методическом дискурсе, обнаруживает наибольшую вариативность в плане своей дистрибуции, и не представляется возможным выделить превалирующие компоненты, свидетельствующие об их строгой соотношенности с каким-либо определяемым словом. Однако следует констатировать распределение элементов по языковым уровням (*грамматические, лексические, интонационной системы и т.д.*), что говорит о возможности выделения интегрирующего компонента между контекстуальными синонимами *система – элемент* по признаку ‘принадлежность к уровню языка’.

Таким образом, ядерные компоненты семантического поля «интерференция» *система – язык – элементы* образуют не только синонимический ряд, но и эндоцентрический ряд, поскольку между ними существуют отношения включения, при которых каждый компонент ряда приобретает свой специфический оттенок.

Периферийные компоненты в образовании слота ‘объекты’

Контекстуальные синонимы, отнесенные к периферии семантического поля «интерференция» составляют 39,35% от общего количества отобранного корпуса синонимов, но, обнаруживают большее разнообразие языковых реализаций по сравнению с ядерными компонентами рассматриваемого концепта. Это, по-видимому, объясняется тем, что основной функцией синонимов оказывается функция уточнения. Необходимость уточнения вызвана тем, что обозначаемое явление интерференции в силу своей многоаспектности «не покрывается» синонимами, представленными в ядре семантического поля «интерференция». В этом смысле

возникает необходимость одновременного употребления сразу нескольких сходных и одновременно различных языковых единиц (наличие интегративных и дифференцирующих признаков внутри синонимического ряда), которые фактом своей вербализации представляют все новые и новые стороны концепта, делают его «выпуклым», как бы стереоскопически воспринимаемым» [Новиков 1982: 232].

К числу периферийных компонентов, входящих в слот ‘**объекты**’, были отнесены следующие контекстуальные синонимы, образующие синонимические ряды:

1. формы – единицы – компоненты – звенья – сегменты
2. структура – модель – схема
3. норма – стандарт – правило – закономерность

Вместе с тем, контекстуальные синонимы, не образующие синонимических рядов, также принимались во внимание при экспликации семантических отношений между периферийными элементами, поскольку каждый из них, выполняя функцию уточнения, вносит дополнения в совокупное представление об интерференции, иначе говоря, уточняет сам концепт «интерференция». По справедливому замечанию Л.А. Новикова, «если полнота синонимии у близких по значению слов определяется количеством общих сочетаний (контекстов), то богатство так называемых смысловых «оттенков» характеризуется индивидуальной сочетаемостью каждого из них, отражающей специфику компонентного состава синонима» [там же: 236].

Перейдем к непосредственному рассмотрению синонимических рядов, образованных периферийными компонентами семантического поля «интерференция».

Прежде всего необходимо заметить, что контекстуальные синонимы, образующие синонимический ряд формы – единицы – компоненты – звенья – сегменты не обнаруживают гипогиперонимической связи, а значит, в данном случае необходимо рассматривать иной тип семантических корреляций между элементами ряда. По-видимому, общей семей, наличие

которой в каждом из представленных синонимов дает возможность их объединения в один синонимический ряд, является сема 'составная часть чего-либо'. При этом если синонимы единицы, компоненты, звенья, сегменты непосредственно представляют собой составляющие части некоего общего целого, то контекстуальный синоним формы являет собой, скорее, один из способов репрезентации этого целого. Так, из следующих примеров становится понятно, каким образом разграничение по принципу 'часть-целое' и 'форма-содержание' находит свое непосредственное выражение в языковом материале:

- (6) «...мы предлагаем рассматривать интерференцию с точки зрения ее проявления в межкультурной коммуникации и понимаем под ней полное или частичное несоответствие культурной коннотации языковых единиц английского языка...» [Тимачев 2005: 8];
- (7) «Хотя в процессе овладения новым языком взаимодействующие компоненты – системы контактирующих языков – остаются неизменными, постоянно меняется размер и характер интерферирующего влияния на изучаемый язык знакомых языков» [Попова 1993: 2];
- (8) При взаимодействии близких языковых явлений или диалектных систем интерференция возникает легче, но наличие большого количества сходных звеньев ограничивает возможности ее широкого развития, т.к. возникает интерференция именно на основе несходства, различия» [Баранникова 1972: 95-96].

Примечательным видится тот факт, что в процентном отношении данные контекстуальные синонимы не только не обнаруживают единообразия, но каждый раз приобретают специфический оттенок в зависимости от определяющих их слов (речь идет о дистрибуции данных компонентов синонимического ряда и их сочетаемости с другими языковыми репрезентациями).

Так, компонент единицы в 43% случаев определяется лексемой *языковые* (что сразу выводит нас на соотносительность с языком как системой, состоящей из определенных элементов, единиц). Кроме того, сочетаемость компонента единицы с лексемой *иностранный язык* (29%), также говорит о необходимости определять единицы через их принадлежность к системе языка, а лексемы *просодические* (14%) и *синтаксические* (14%) вносят уточнение и локализуют, таким образом, происходящие процессы интерференции в соответствии с ее уровнями.

Что касается следующей единицы синонимического ряда – компоненты – то необходимо обратить особое внимание на выделение компонентов *интерференции* (50%), компонентов *других языков* (25%), и *взаимодействующих* компонентов (25%). Это, по-видимому, говорит не только о существовании определенной структурной организации интерференции, состоящей из компонентов, но и факте их вступления во взаимодействие (наличие связи между объектами), что и является неперенным условием возникновения интерференции.

При этом примечателен тот факт, что, контекстуальные синонимы формы – единицы – компоненты – звенья – сегменты, образуя самостоятельный синонимический ряд, вступают в гипогиперонимические отношения с контекстуальными синонимами система – язык – элементы, составляющими ядро семантического поля «интерференция» (см. пункт ядерные компоненты в образовании слота ‘объекты’). При этом, компонент элементы, являясь гипонимом по отношению к контекстуальным синонимам своего синонимического ряда (система – язык) выступает в качестве когипонима по отношению к контекстуальным синонимам, относящимся к периферии (единицы – компоненты – звенья – сегменты).

Думается, компонент синонимического ряда формы следует рассматривать отдельно от предыдущих компонентов, поскольку, как уже указывалось выше, данная единица синонимического ряда стоит несколько особняком от остальных

контекстуальных синонимов. Это проявляется в том, что лексема формы не являет собой ‘составную часть чего-либо’, а указывает, скорее, на характер репрезентации данных составных частей, их внешнее очертание, наружный вид:

(9) «При сопоставлении источника интерференции и ее результата наблюдаются неадекватные идентификации функции, формы и значения грамматических элементов, которые охватывают все случаи интерференции на этом уровне» [Невмержицкий 1987: 5];

(10) «...интерференция – это случаи отклонения от нормы вторичного языка, возникающие в письменной или устной речи билингва на этом языке под влиянием форм, моделей и правил их сочетаемости в первичном языке» [Григорьев 2005: 11].

Из приведенных примеров следует, что формы являя собой внешнюю оболочку объектов интерференции, выступают своеобразным объединяющим моментом для остальных компонентов синонимического ряда, поскольку и единицы, и компоненты, и звенья, и сегменты, находят свое непосредственное выражение через формы. При этом, обратившись к рассмотрению дистрибуции контекстуального синонима формы, можно обнаружить, что в 43% случаев речь идет о формах языка, в 29% – о формах проявления интерференции, а также о неадекватных (14%) и неправильно осмысленных (14%) формах. Думается, что последнее замечание оказывается ценным в силу того, что дает возможность увидеть неоднородность или, скорее, разноаспектность самого компонента формы, который в данном случае может рассматриваться как интегрирующий компонент при организации синонимического ряда формы – единицы – компоненты – звенья – сегменты.

Обратимся к рассмотрению следующего синонимического ряда, образованного периферийными контекстуальными синонимами, входящими в слот ‘объекты’, а именно к анализу синонимического ряда структура – модель – схема.

Интегрирующим признаком, по которому данные контекстуальные синонимы были объединены в один синонимический ряд, можно считать наличие общей семы 'строение, внутреннее устройство'. Действительно, лексема структура предполагает «взаиморасположение и связь составных частей чего-либо» [Словарь иностранных слов 1993: 584], лексема схема отсылает нас к ее обобщенному пониманию как совокупности взаимосвязанных частей, и, наконец, лексема модель, представляющая как синоним лексемы схема, также дает возможность говорить о наличии элементов, объединенных в определенную группу и обнаруживающих отношения связности и взаимодействия. При этом необходимо отметить, что элементы данного синонимического ряда могут быть соотнесены с рассмотренным выше синонимическим рядом формы – единицы – компоненты – звенья – сегменты по принципу гипогиперонимической связи, поскольку, они выступают в качестве образований более высокой степени абстракции (ср. структура – элементы, единицы, компоненты, сегменты и т.д.). Подтверждение вышесказанному можно обнаружить, непосредственно обратившись к языковому материалу:

- (11) *«Интерференция – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причем не имеет значения, идет ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке, усвоенном позднее» [Баранникова 1972: 88];*
- (12) *«Успешное преодоление семантической интерференции возможно лишь при хорошем знании семантических различий в структуре разных языков» [Шатовалов 1989: 4-5];*
- (13) *«Выделена «степень развития интерференции», т.е. «насколько глубоко она захватила языковую структуру, и характер ее проявления» [Баранникова 1972: 94].*

В приведенных примерах ясно прослеживается связь между составляющими структуру единицами или элементами, при этом в 50% случаев употребления контекстуального синонима структура речь идет именно о структуре языковой/языка. Аналогичным образом обстоит дело и с контекстуальным синонимом модель, поскольку в 36% появления данного синонима в языковом материале также имеется в виду модель языковая /языка:

(14) *«Интерференция трактуется им как подмена схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка, либо изменение первых по образцу вторых; она может быть вызвана как системой, так и нормой Я1» [Залевская 2000: 304];*

(15) *«... подвид интерференции, при котором построение высказывания на вторичном языке по модели первичного языка не ведет к нарушению нормы вторичного языка» [Григорьев 2005: 7].*

Вместе с тем наличие таких определяющих слов, как *синтаксическая, просодическая* позволяет, по всей видимости, говорить об отнесенности данных контекстуальных синонимов к определенному типу интерференции (в данном случае речь идет об интерференции на уровне синтаксиса и просодики). Это, в свою очередь, соотносится с рассмотренными нами выше (см. пункт о контекстуальном синониме система) подразделениями интерференции в зависимости от уровня языковой системы.

Перейдем к анализу последнего синонимического ряда, состоящего из контекстуальных синонимов, образующих периферию семантического поля «интерференция», представленного следующими компонентами: норма – стандарт – правило – закономерность.

Рассматриваемые контекстуальные синонимы объединяются в один синонимический ряд, поскольку общей для них семой оказывается сема ‘соответствие образцу, закону’. Необходимо заметить, что поскольку большинство исследователей интерференции склоняются в сторону рассмотрения данного явления как отрицательного воздействия

со стороны родного языка при овладении иностранным языком (самое общее определение), то для того чтобы определить степень проявления интерференции, возникает необходимость сличения продукта речевой деятельности учащегося (письменного текста, устного высказывания и т.д.) с некоторым образцом, языковой нормой. В свете вышесказанного становится понятно, что появление в методическом дискурсе таких контекстуальных синонимов, как норма – стандарт – правило – закономерность, при определении интерференции объясняется именно данным фактом. При этом, говоря о контекстуальном синониме норма, необходимо особо подчеркнуть его контекстуальную соотнесенность с определяющим словом языковая (89% от общего количества словоупотреблений норма):

(16) «... в определении понятия языковой интерференции нет полного единства среди лингвистов. Одни связывают ее с понятием языковой нормы, другие – с лингвистическим переплетением (наложением). Одни трактуют это понятие широко, включая в ее содержание явления заимствования и субстрата, другие – узко, ограничиваясь лишь нарушениями языковых норм в речи» [Ахметзянова 2005: 9];

(17) «При индивидуальном освоении неродного языка часто возникает явление интерференции, выражающееся в отклонениях от норм и системы второго языка под влиянием родного» [Шитгарева 1992: 3];

(18) «Под источниками интерференции понимаются факторы как лингвистические, экстралингвистические, так и когнитивные, вызывающие интерференцию. Это могут быть расхождения в области структуры и нормы в двух языках, обманчивая близость слов в неродном языке, межкультурные расхождения, лингвистические способности, знание языка, менталитет» [Фомиченко 2005: 90].

Что касается остальных контекстуальных синонимов, отнесенных в рассматриваемый синонимический ряд, то они,

скорее, являют собой единичные репрезентации общего понятия норма, и служат в этом смысле некоторым уточнением, выдвигая на первый план тот или иной аспект нормативного содержания, общепринятого образца:

(19) «...на основе сопоставления характеристик русского и британского произносительного стандарта и типичных, регулярно воспроизводимых интонационных ошибок в английской речи русскоговорящих, причиной которых является интерферирующее влияние интонационной системы русского языка» [Кубланова 2003: 3] – речь идет о несоответствии произносительной норме;

(20) «Под функциональной /ономасиологической/ интерференцией в данной работе подразумевается нарушение закономерностей использования элементов одного языка под воздействием другого» [Невмержицкий 1987: 6] – имеется в виду отклонение от правил, устоявшихся норм.

В связи с этим заключим, что среди контекстуальных синонимов, образующих синонимический ряд норма – стандарт – правило – закономерность, можно выделить доминанту ряда. Согласно Ю. Д. Апресяну, доминанта имеет «наиболее общее в данном ряду значение, является наиболее употребительной, обладает наиболее широкой сочетаемостью и наиболее нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно, грамматически и т.п.» [Новый объяснительный словарь 1995: 72]. Думается, что в рассмотренном выше синонимическом ряду в качестве доминанты выступает контекстуальный синоним норма, поскольку, как показывает языковой материал, значение доминанты входит в значение всех элементов ряда.

Таким образом, в образовании репрезентации слота ‘**объекты**’ участвует 4 синонимических ряда: 1 ряд относится к ядру и представлен контекстуальными синонимами система – язык – элементы; а 3 ряда находятся на периферии семантического поля «интерференция»: формы – единицы –

компоненты – звенья – сегменты; структура – модель – схема; норма – стандарт – правило – закономерность.

В ходе проведенного анализа между компонентами синонимических рядов было установлено наличие семантических отношений гипогиперонимии, а также отношения включения и смежности.

2.1.2. Репрезентация слота ‘**локализация**’

Ядерные компоненты в образовании слота ‘**локализация**’

Следует отметить, что в проанализированном языковом материале один из составляющих концепт «интерференция» элементов – биллингв – обнаруживает свою непосредственную вербализацию посредством данного контекстуального синонима. Принимая во внимание тот факт, что явление интерференции возникает в определенной среде (нами выделен слот ‘**локализация**’) интересным видится рассмотрение конкретных случаев вербальной репрезентации данного слота с помощью языковых средств, иначе говоря, через изучение контекстуальных синонимов. Вместе с тем, в данном случае речь может идти лишь об одном вербализованном элементе – биллингв – поскольку к ядерным компонентам семантического поля «интерференция» не было отнесено других контекстуальных синонимов, заполняющих слот ‘**локализация**’. Вместе с тем, невозможность построения синонимических рядов не только не умаляет значимости рассмотрения данного контекстуального синонима в отдельности, а, напротив, открывает широкие перспективы его изучения, но с несколько иных позиций. Речь идет об анализе вербализованных элементов, окружающих контекстуальный синоним биллингв. Иначе говоря, нас будет интересовать, каким образом в зависимости от сочетаемости с тем или иным элементом, будет видоизменяться совокупное представление об «интерференции», как каждый раз специфически преломляется сам концепт «интерференция».

Итак, прежде всего, необходимо разграничить ситуации, когда билингв/билингвы рассматриваются как самостоятельные деятели, то есть индивиды, осуществляющие какой-либо вид деятельности, и как непосредственные выразители чего-либо, когда становится возможным проследить действие интерференции. Поясним вышесказанное примерами из языкового материала.

Билингв как деятель нарушает правила:

(21) «Обязательным следствием любого языкового контакта является интерференция. Она представляет собой нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [Нугуманова 2003: 174].

Билингв как деятель провоцируется на ошибки:

(22) «Первый фактор – различия, реально существующие между первичными и вторичными языками и провоцирующие билингва на определенные ошибки» [Сулейменова 2000: 11].

Билингв как деятель общается:

(23) «Иноязычный акцент в произношении также может служить «помехой» в процессе общения билингва с носителем языка» [Вишневецкая 1993: 7].

Билингв как деятель влияет на характер высказывания:

(24) «...когда билингвы, используя только общие для двух языков ЛСВ, не допускают ошибок, но упрощают, обедняют содержательную сторону высказывания» [Сулейменова 2000: 10].

Что касается рассмотрения лексем билингв/билингвы в качестве выразителей чего-либо, речь идет, прежде всего, о том, что через речь билингва, его сознание, через специфические формы функционирования языка билингва становится возможным проследить непосредственное проявление

интерференции и ее функционирование. Данное положение подтверждается языковым материалом:

Билингв как выразитель (через речь):

- (25) «Внимательные и многочисленные наблюдения за речью билингвов убеждают в том, что интерференция как дефект речи вполне может быть устранена окончательно» [Михайлов 1972: 202];
- (26) «Под интерференцией мы понимаем любое отклонение от орфоэтической нормы, наблюдаемое в речи билингва (или трилингва) под влиянием другого, ранее усвоенного языка» [Грачева 1984: 21];
- (27) «...типичными случаями проявления интерференции мы считаем те часто повторяющиеся в речи билингва нарушения языковых норм, с которыми соотношены определенные межъязыковые или внутриязыковые оппозиции» [Сулейменова 2000: 23];
- (28) «Не всякая интерференция обязательно приводит к появлению признаков иноязычного акцента в речи билингва, и не все признаки иноязычного акцента объясняются только влиянием навыков родного языка» [Вишневецкая 1993: 5].

Билингв как выразитель (через сознание):

- (29) «Это объективный психолингвистический процесс, возникающий из-за контакта двух или более языков в языковом сознании билингва и существующий независимо от его воли и желания» [Щетилова 2005: 41];
- (30) «Лингвистическая доминанта приводит к относительной зависимости одного языка от другого в лингвистическом сознании билингва, как бы высоко ни были развиты его лингвистические навыки «зависимого» языка. Явление, возникающее из-за отсутствия баланса между языками, получило название лингвистической интерференции» [Григорьев 2005: 11].

Если обратиться к рассмотрению использования лексемы билингв с точки зрения частотности ее сочетаемости с другими вербализованными компонентами, то можно констатировать следующее. В 47% случаев встречаемости лексемы билингв наблюдается ее соотнесенность с лексемой *речь*, далее следует лексемы *сознание* (8,5%) и *язык* (6,5%). В этом случае подразумевается пассивность билингва в противовес рассмотрению билингва как *деятеля* (38%). Это, в свою очередь, дает возможность заключить, что более значимым при рассмотрении интерференции является не сам факт наличия билингва и осуществляемой им деятельности, а то, каким образом можно проследить функционирование данного явления. Таким образом, как следует из языкового материала, интерференция обнаруживается в *речи* билингва или *языке* (внешнее проявление), предварительно локализуясь в его *сознании* (внутреннее проявление).

Периферийные компоненты в образовании слота локализация'

К числу периферийных компонентов, образующих слот 'локализация', отнесена лексема двуязычный, не входящая ни в один синонимический ряд, и лексемы двуязычие – билингвизм, объединенные в синонимическую пару.

Рассмотренный выше ядерный компонент слота 'локализация' – билингв – представляет собой абсолютный синоним компонента, отнесенного к периферии семантического поля «интерференция», а именно двуязычный. Дело в том, что практически во всех отобранных контекстах языкового материала данные синонимы полностью совпадают по значению и употреблению, лишь иногда обнаруживая некоторое расхождение в сочетаемости:

- (31) «... явления интерференции, которые вследствие многократных появлений в речи двуязычных стали привычными и закрепились в употреблении» [Вайнрайх 1979: 36];

(32) «В речи интерференция возникает в высказываниях двуязычного как результат его личного знакомства с другим языком» [Вайнрайх 1979: 36];

(33) «Интерференция – случаи отклонения от норм языка, проявляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками» [Хауген 1972: 62].

Вместе с тем, для установления системных отношений между лексемами, по замечанию И.М. Кобозевой, необходимо подставлять одну лексему вместо другой в фиксированные контексты и смотреть, что при этом получается: сохраняется смысл целого или меняется [Кобозева 2000: 106]. Представляется, что корреляции такого вида связывают только слова, обозначающие сущности одного и того же типа, то есть относящиеся к одной части речи. В приведенных примерах лексема двуязычный может быть заменена лексемой билингв, при этом, по-видимому, более предпочтительным и наиболее точным оказывается употребление лексемы билингв, поскольку она обладает большей степенью объяснительности. Говоря о различной сочетаемости данных контекстуальных синонимов, необходимо заметить, что в большинстве употреблений, она совпадает. Так, интерференция обнаруживает себя в речи двуязычных в 45% случаев (ср. в речи билингва 47%), но при этом в отличие от лексемы билингв, контекстуальный синоним двуязычный выступает в качестве определяющего слова, внося уточнение и конкретизируя непосредственного участника общения (55%):

(34) «Интерференция, рассматриваемая в лингвистическом аспекте, представляет собой явление взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в процессе общения двуязычного населения» [Дешериев, Протченко 1972: 28];

(35) «Как показали новейшие исследования, количество интерференции, т.е. ошибок в речи учащихся на Я₂, возникающих под влиянием Я₁, составляет 50% от

общего числа речевых ошибок двуязычных людей»
[Карлинский 1989: 52];

(36)«...в литературном творчестве двуязычного писателя на Я2 неизбежно обнаруживаются следы языковой интерференции...» [Григорьев 2005: 7].

Таким образом, необходимо разграничивать случаи употребления лексемы двуязычный как абсолютного синонима лексемы билингв (в этом случае они выступают как одна часть речи – существительное), и случаи, когда двуязычный является прилагательным и обозначает свойство/качество *носителя, населения, человека*.

Перейдем к рассмотрению контекстуальных синонимов двуязычие – билингвизм, которые образуя синонимическую пару, по-видимому, должны рассматриваться как абсолютные синонимы, поскольку полностью совпадают по значению и употреблению. Действительно, и двуязычие и билингвизм обозначают одно и то же, а именно употребление двух языков в пределах определенной социальной общности (при рассмотрении билингвизма/двуязычия в рамках теории языковых контактов); или ситуацию, при которой входе изучения иностранного языка, образуется некоторое состояние, характеризующееся одновременным присутствием двух языков – родного языка и иностранного (рассмотрение билингвизма /двуязычия в рамках методики преподавания иностранных языков). При этом необходимо отметить, что в проанализированных контекстах превалирует лексема двуязычие (58%), тогда как лексема билингвизм обнаруживает свою реализацию в 42% случаев. Это, по-видимому, объясняется тем, что в русскоязычном дискурсе предпочтение отдается именно вербализации понятия через двуязычие, а не через обращение к заимствованному слову билингвизм. Речь в данном случае может идти, поэтому о некотором расхождении в сочетаемости, когда предпочтительным оказывается употребление одного понятия вместо другого. Рассматривая сочетаемость анализируемых контекстуальных синонимов, следует сказать, что более богатую дистрибуцию обнаруживает лексема двуязычие. Например,

двуязычие может быть активным, массовым, поздним, чистым, искусственным и т.д., тогда как билингвизм характеризуется лишь, как школьный, искусственный:

(37) «В современный период, в условиях массового двуязычия интерференция контактирующих языков является существенным фактором языкового развития» [Краснова 1985: 2];

(38) «...мы должны понять, что в школе, на курсах, в вузе мы не можем создавать условий для образования «чистого двуязычия» [Шаламов 2003: 198];

(39) «В условиях активного национально-русского двуязычия...общность алфавита ЯР и Я1, но различие его в Я2, общность определенного лексического состава ЯР и Я1 являются причиной переноса в области правил чтения, орфографии...» [Ахметзянова 2005: 3].

И далее о билингвизме:

(40) «...в условиях искусственного билингвизма интерференция всегда имеет односторонний характер и проявляется как воздействие родного языка (Я₁) на (Я₂) изучаемый» [Шаповалов 1989: 7];

(41) «Несмотря на наличие ассоциативных связей между системами языков, даже у искусственного, «школьного» билингвизма каждый язык представлен в сознании относительно автономной, единой, целостной системой, иначе интерференция была бы безграничной» [Щеилова 2005: 42].

Таким образом, исходя из проанализированных контекстов, становится понятно, что, несмотря на полное совпадение в значении между лексемами двуязычие и билингвизм, обнаруживается различие в их сочетаемости. В связи с этим, более частотным и, по-видимому, более адекватным является употребление лексемы двуязычие, которая не только организует вокруг себя связи с разнообразными определяющими словами (активный, массовый, поздний,

чистый, искусственный), но и по сравнению с лексемой билингвизм чаще выступает как самостоятельный вербализованный элемент, не требующий уточнения (32% – двуязычие, 16% – билингвизм).

Представляется, что лексемы двуязычие и билингвизм должны рассматриваться в связи с этим не просто как контекстуальные синонимы, образующие синонимическую пару, а как лексические варианты, лексические дублеты. Несомненен тот факт, что данные единицы относятся к терминологической лексике, в которой преобладают синонимы тождественные по семантике и стилистической окраске, тогда как в лексике общепотребительной наиболее частотными оказываются относительные синонимы. В связи с этим, думается, что данную пару единиц двуязычие и билингвизм следует считать вариантами одного и того же общего совокупного научного знания, и под вариантностью в данном случае, необходимо понимать «свойство конкретной языковой единицы иметь такие модификации (видоизменения, разновидности), которые не нарушали бы ее тождества» [Маринова 1998: 6]. Кроме того, относя синонимическую пару двуязычие – билингвизм к разряду лексики терминологической, вслед за Ю. Д. Апресяном следует признать, что в данном случае можно говорить о случае точной синонимии [Новый объяснительный словарь 1995: 66].

Таким образом, в образовании репрезентации слота ‘**локализация**’ в ядерной части выступает лексема билингв; в периферийной – лексема двуязычный и синонимическая пара двуязычие – билингвизм.

В ходе проведенного анализа было установлено наличие семантических отношений тождества/полного подобия между компонентами ядра и периферии.

2.1.3. Репрезентация слота 'процесс' (действия между объектами)

Ядерные компоненты в образовании слота 'процесс'

При рассмотрении контекстуальных синонимов, относящихся к ядру семантического поля «интерференция», целесообразным видится разделение данных синонимов еще на две группы, а именно, выделение таких аспектов, как статика и динамика. Думается, что это даст возможность более детального изучения семантических отношений между элементами, составляющими синонимические ряды, и позволит рассматривать их как в состоянии покоя, равновесия, так и в состоянии движения, развития, изменения под влиянием действующих факторов. В связи с этим, рассматривая отношения синонимии в статическом аспекте, необходимым видится выделение таких контекстуальных синонимов как влияние – контакт, образующих синонимическую пару, и отдельного контекстуального синонима случаи, который не является элементом ни одного синонимического ряда.

Обратимся к анализу семантических отношений пары контекстуальных синонимов влияние – контакт, объединенных фактом наличия общей для них семы 'непосредственные действия между объектами'. При этом дифференцирующим компонентом для них, по-видимому, можно считать факт взаимного или одностороннего действия. Так, влияние предполагает действие, оказываемое со стороны одного объекта, воздействие, в то время как наличие контакта подразумевает, скорее, согласованность в действиях, непосредственное общение, соприкосновение:

(42) «...неформальное общение в мультикультурном контексте характеризуется многочисленными случаями лингвокультурной интерференции, влияние которых на ход коммуникации сглаживается за счет

использования усредненного языка и усреднения культур» [Тимачев 2005: 5];

(43) «...когда какая-либо деятельность оказывает влияние, вызывая облегчение или интерференцию на последующую деятельность, принято говорить, что имеет место перенос» [Любимова 1985: 8];

(44) «...важную роль при этом играет типологическое сходство вступающих в контакт языков и степень их генетического родства» [Любимова 1985: 16];

(45) «Интерференция отражает, в основном, отношения между языковыми системами при их контакте» [Вишневская 1993: 15].

Вместе с тем, можно заметить, что при описании интерференции в методическом дискурсе подчеркивается отрицательный характер оказываемого влияния:

(46) «...интерференция в методике используется для обозначения отрицательного влияния родного языка при овладении иностранным в виде наложения навыков» [Барышников 1992: 32];

(47) «...случаи лингвокультурной интерференции оказывают отрицательное влияние на адекватное понимание передаваемой информации» [Тимачев 2005: 5];

(48) «...до 50-х гг. интерференция понималась лишь как отрицательное влияние ранее усвоенных навыков на последующее приобретение других» [Любимова 1985: 8].

При этом в представленных выше примерах, определяющее слово, выраженное прилагательным *отрицательный*, несет в себе негативный оттенок и предопределяет тем самым общую негативную коннотацию дефиниции, тогда как сама номинация влияние предполагает воздействие со стороны кого-либо, без указания на заведомо отрицательный характер оказываемого действия. Однако необходимо заметить, что контекстуальный синоним влияние в

35% случаев представлен моделью *под влиянием*, что имплицитно содержит в своем значении указание на воздействие со стороны чего-либо, на подчинение чему-либо. Это означает, что в данном случае нельзя говорить о равнозначных отношениях между вступающими во взаимодействие объектами (как при контакте), и следует рассматривать данный факт как дифференциальный признак членов синонимического ряда. Кроме того, соотносительность лексемы влияние с определяющим ее словом *интерферирующее* (20%) также отсылает нас, скорее, к пониманию влияния как негативного фактора, а наличие в контекстах определений *тормозящее* (4%), *сильное* (1,3%), *неизбежное* (1,3%) и т.д. еще более убеждает в правомерности сказанного выше. Если обратить внимание на то, что непосредственно оказывает влияние и то, что это влияние испытывает, можно заметить, что наиболее частотным оказывается влияние *языков* (8%), *навыков* (4%), и далее по уменьшению частотности – *системы языков* (2,6%), *культуры* (1,3%), *когниции* (1,3%). Интересным видится соотношение «участников» влияния с рассмотренными в пункте 2.1.1. контекстуальными синонимами, относящимися к слоту ‘объекты’.

Что касается контекстуального синонима контакт, необходимо отметить прежде всего, что, понимая под контактом некое *соприкосновение, соединение*, можно говорить о протекании процесса, в котором количество объектов не должно быть меньше двух. В этом случае, по-видимому, следует говорить о факте их взаимодействия. В качестве объектов, вступающих в контакт, в проанализированных контекстах выступают *языки*, либо сам контакт определяется как контакт *языковой* (74%). Менее частотным следует признать указание на контакт между *системами* (6,5%) и контакт как таковой, без непосредственного выделения его участников (19,5%). Вместе с тем, понимая под контактом согласованность в действиях, непосредственное общение и соприкосновение, следует обратить особое внимание на приставку *со-*, которая, как известно, служит для образования производных слов, обозначая *общее участие* в чем-либо, *совместность* [Ожегов, Шведова

1997: 739]. В связи с этим, определяя контакт как контекстуальный синоним интерференции и помещая его в один синонимический ряд с лексемой влияние, мы находим общий для контакта и влияния компонент, а именно объединяющее их значение ‘совместное существование или осуществление чего-либо’. Подтверждение этому можно обнаружить в отобранном языковом материале:

(49) «*Интерференция отражает, в основном, отношения между языковыми системами при их контакте*» [Вишневская 1993: 1];

(50) «*...раскрывается содержание явления интерференции в процессе контакта языков*» [Ахметзянова 2005: 7];

(51) «*Обязательным следствием любого языкового контакта является интерференция*» [Нугуманова 2003: 174];

(52) «*Интерференция неизбежно сопровождает каждую ситуацию языкового контакта, проявляясь, каждый раз по-новому*» [Невмержницкий 1987: 1].

Таким образом, контекстуальные синонимы влияние и контакт, встречающиеся в отобранных контекстах, по-разному характеризуют отношения между объектами интерференции. Так, указание на влияние предполагает, скорее, наличие доминирующего объекта (то, что оказывает влияние) и подчиненного ему объекта (то, на что направлено влияние), при этом, как следует из языкового материала, в большинстве своем влияние носит негативную окраску. Намеренно подчеркивается отрицательное влияние со стороны одного объекта на другой, что находит свое отражение в таких определяющих словах, как *отрицательное, интерферирующее, неизбежное, тормозящее*. Вместе с тем, объединяя в синонимическую пару контекстуальные синонимы, влияние и контакт, основываясь на общей для них семе ‘непосредственные действия между объектами’, можно говорить о том, что само по себе влияние не несет заведомо отрицательной коннотации, а обнаруживает ее

только в сочетании с указанными выше определяющими словами. В этом смысле лексема контакт предстает как менее зависимый от окружения компонент, поскольку указывает на факт совместного действия или взаимодействия безотносительно его качественной характеристики.

Рассмотрев контекстуальные синонимы в статическом аспекте, перейдем к анализу аспекта динамического, в котором представлены контекстуальные синонимы взаимодействие – процесс, образующие синонимическую пару.

Данная пара контекстуальных синонимов была отнесена к разряду динамических процессов, поскольку и взаимодействие и процесс предполагают движение, развитие, а не состояние покоя, свойственное статике. Интегрирующим компонентом, позволяющим объединить данные контекстуальные синонимы в пару, по-видимому, можно считать их активный характер функционирования, иначе говоря, и взаимодействие и процесс, предполагают последовательную смену определенных состояний, для достижения какого-либо результата. При этом, указание на взаимодействие влечет за собой конкретизацию объектов такого взаимодействия: *системы* (47%), *языки* (29%), далее по убыванию – *нормы* (5%), *структуры*, *элементы*, *правила* (по 2,6%); а рассмотрение процесса, в свою очередь, указывает на его характеристики, вербализуемые через такие слова, как *объективный*, *независимый от воли и желания*, *несознательный*, *стихийный*, *интерферирующий отрицательный*, *тормозящий* и т.д.:

(53)«Лингвистическая интерференция предполагает взаимодействие элементов различных языковых систем» [Ершова 1972: 131];

(54)«В лингвистическом плане обращение к фонетической интерференции связано с исследованием взаимодействия звуковых систем в ситуации языкового контакта» [Любимова 1985: 3];

(55)«Под фонемно-графемной интерференцией понимается взаимодействие в языковом сознании индивида фонологических систем, правил графических обозна-

чений фонем и орфоэпических норм контактирующих языков, проявляющееся через взаимодействие фонемно-графемных и графемно-фонемных корреспонденций» [Бугаева 1989: 11];

(56)«...данное явление - процесс объективный, возникающий при языковом контакте независимо от воли и желания говорящих» [Фомиченко 2005: 121];

(57)«...интерференция рассматривается как перенос навыков. Перенос речевых умений и навыков из родного языка на русский представляет собой стихийный, несознательный процесс, скрытый от непосредственного наблюдения и происходящий независимо от воли и желания говорящего» [Ахметзянова 2005: 8].

Исходя из этого, можно заключить, что представленные в методическом дискурсе случаи вербализации отдельных компонентов концепта «интерференция», отнесенные к слоту **‘процесс’**, не только дают нам обобщенное представление о разнообразных объектах взаимодействия, но и о характере этого взаимодействия, рассматриваемого как определенный процесс, развитие, изменение.

Периферийные компоненты в образовании слота **‘процесс’**

Приступая к рассмотрению семантических отношений между контекстуальными синонимами, относящимися к периферии семантического поля «интерференция», необходимо вновь обратиться к двум принципиально различным способам описания языкового материала, а именно с позиций статики и динамики.

Так, в статическом аспекте представлен, например, синонимический ряд связь – отношение – зависимость. Думается, данные контекстуальные синонимы, фактом своей вербализации показывают разнообразие языковых средств,

используемых для выражения общего ментального представления об отношениях, в которые вступают объекты интерференции. Так, контекстуальный синоним связь, по-видимому, может считаться доминантой первого синонимического ряда, поскольку выражает общее для всех входящих в синонимический ряд слов значение в наиболее объективной форме. Действительно, и связь, и отношение, и зависимость предполагают, прежде всего, наличие определенной связности, обусловленности, общности между элементами. При этом, говоря о лексеме отношение, следует иметь в виду взаимную связь, возникающую при непосредственном контакте, общении, тогда как контекстуальный синоним зависимость, отсылает нас, скорее, к обусловленной связности явлений, предполагающей подчиненность чему-либо, отсутствие самостоятельности и ограничение свободы. Сравните:

(58) «Лингвистическая доминанта приводит к относительной зависимости одного языка от другого в лингвистическом сознании билингва, как бы высоко ни были развиты его лингвистические навыки «зависимого» языка. Явление, возникающее из-за отсутствия баланса между языками, получило название лингвистической интерференции» [Григорьев 2005: 11];

(59) «Варьирование формы, физическое многообразие ее реализаций определяется системными отношениями данного языка и потому играет заметную роль при межъязыковой интерференции» [Любимова 1991: 9].

Обращаясь к рассмотрению следующего синонимического ряда, образованного компонентами общение – взаимопонимание – понимание, необходимо отметить, прежде всего, что интегрирующим фактором здесь будет выступать общая для всех трех контекстуальных синонимов сема ‘взаимность’. На самом деле, трудно представить себе какое бы то ни было общение без взаимного участия в нем субъектов, равно как и взаимопонимание и понимание не может быть охарактеризовано

как односторонний процесс, не предполагающий обоюдного усилия, действия, направленного на положительный результат. При этом данные контекстуальные синонимы имеют и дифференцирующий компонент. Например, общение – это отношения, дружеская связь [Ожегов, Шведова 1997: 440], тогда как взаимопонимание – это своего рода успешно реализованное общение, достигнутое взаимное понимание и согласие, то есть результат общения с положительной окраской. При этом, как следует из контекстов отобранного языкового материала, интерференция является тем отрицательным фактором, который препятствует осуществлению полноценного общения и взаимопонимания:

(60)«Возникновение внутриязыковой лингвокультурной интерференции вызывается расхождением когнитивных групп, она препятствует адекватному взаимопониманию партнеров внутри одной лингвокультуры и осложняет процесс перевода в случае присутствия инокультурного партнера или при переводе художественных произведений» [Тимачев 2005: 17];

(61)«В формальном межкультурном общении случаи лингвокультурной интерференции оказывают отрицательное влияние на адекватное понимание передаваемой информации...» [Тимачев 2005: 5].

В этом смысле интересным представляется рассмотрение причин, порождающих неадекватное понимание, а также условий, при которых общение не являет собой акт взаимной связи. Думается, контекстуальные синонимы, образующие синонимический ряд игнорирование – пренебрежение – неприятие, составляют наиболее обобщенное представление о рассматриваемой ситуации в условиях интерференции:

(62)«...необходимо различать экстенсивную интерференцию, при которой единицам и моделям Я2 приписываются характеристики соответствующих элементов в Я1..., интенсивную интерференцию – игнорирование признаков единиц и моделей Я2 под влиянием

ем соответствующих элементов Я1» [Федорова 2005: 9].

Вообще, игнорирование чего-либо подразумевает под собой некоторое умышленное действие, при котором не принимаются во внимание релевантные признаки, важные для реализации той или иной коммуникативной интенции (в данном случае – на иностранном языке). При этом, говоря о пренебрежении как о нежелании считаться с чем-либо, или сделать того, что должно и ожидаемо, по-видимому, следует отметить менее выраженную форму противодействия по сравнению с тем, что включает в себе игнорирование:

(63)«Под функциональной / ономазиологической / интерференцией подразумевается нарушение закономерностей использования элементов одного языка под воздействием другого, т.е. предпочтение или пренебрежение теми или иными формами при их наличии в обоих языках...» [Невмержицкий 1987: 6].

Третий компонент рассматриваемого синонимического ряда – неприятие – стоит несколько в стороне, поскольку предполагает не столько факт невыполнения чего-либо, сколько непосредственный результат, следующий за пренебрежением и игнорированием:

(64)«Межъязыковая интерференция сопутствует межкультурной коммуникации и проявляется во всех ее аспектах. Нарушение одного из них может повлиять на ход всей коммуникации и привести не просто к коммуникативным недоразумениям, но и к более серьезным последствиям таким, как коммуникативный провал, враждебное отношение к другой культуре или ее полное неприятие» [Тимачев 2005: 17].

Представляется, что рассмотрение синонимических рядов, образованных контекстуальными синонимами периферии, в динамическом аспекте стало возможным в силу того, что все они предполагают ход, развитие процесса, а не состояние покоя, свойственное статике.

Первый синонимический ряд, образованный такими контекстуальными синонимами как контактирование – взаимовлияние – взаимопроникновение – переплетение – наложение – накладывание, являет собой пример разнообразных способов вербализации концепта «интерференция» и их распределения внутри слота ‘процесс’.

Так, контактирование может, по-видимому, рассматриваться в качестве доминанты представленного синонимического ряда, поскольку являет собой сам факт непосредственного соприкосновения, соединения и выступает, таким образом, в качестве гиперонима по отношению к остальным контекстуальным синонимам данного ряда. Необходимо отметить тесную связь контекстуального синонима контактирование, относящегося к периферии семантического поля «интерференция», с контекстуальным синонимом контакт, отнесенного к ядру данного семантического поля. Они обнаруживают много общего, поскольку, по сути своей обозначают одно и то же. Разница состоит в том, что контакт – моментальный, точечный акт, не содержит в себе указание на развитие, смену состояний (см. пункт о ядерных компонентах в образовании слота ‘процесс’); а контактирование, напротив, есть процесс в своем непосредственном развитии, предполагающем смену состояний по ходу своего развертывания:

(65) «Большое внимание в теории перевода уделяется проблеме интерференции. Постоянное контактирование двух языков в процессе перевода создает условия для сознательного или бессознательного внесения изменений в язык перевода под влиянием языка оригинала» [Комиссаров 2000: 77].

Вместе с тем взаимовлияние предполагает совершение двустороннего действия, которое должно иметь конкретный результат. Принимая во внимание тот факт, что лексема влияние, рассматриваемая безотносительно определяющих ее слов, не содержит в себе указания на характер влияния (положительный или отрицательный), и тем самым, может пониматься как

нейтральный компонент в составе дефиниции термина «интерференция», который, в свою очередь, является вербальной репрезентацией одноименного концепта. Вместе с тем, в отобранных контекстах, представляющих конкретную репрезентацию концепта «интерференция» в методическом дискурсе, можно обнаружить следующие определения:

(66) «...взаимодействие процессов овладения (в ходе обучения) родным и иностранным языками регулируется, на наш взгляд, не столько по принципу интерференции – вредного, «портящего» взаимовлияния противоборствующих языков, сколько по принципу дополнительности...» [Белова 2003: 118].

В этом смысле контекстуальный синоним взаимопроникновение дает более точную характеристику интерференции, указывая не только на процесс в его развитии, в непосредственном его протекании, но и на то, что является результатом такого процесса, а именно, проникновение вглубь, широкое распространение нового (вторичного) внутри старого (первичного). При этом речь идет не об одностороннем, а двустороннем характере взаимодействия, что, несомненно, делает объекты интерференции «активными», а их функционирование – взаимовекторным:

(67) «Собственно лингвистический аспект рассмотрения двуязычия имеет дело с анализом соотношения структур и структурных элементов двух языков, их взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения на разных уровнях языковой системы...» [Федорова 2005: 8].

Рассматривая контекстуальный синоним переплетение, необходимо подчеркнуть метафорический характер данной лексемы, выражающийся в использовании переносного значения слова. По-видимому, это объясняется сложностью процессов, возникающих при интерференции, когда происходит не просто наложение или накладывание (об этом см. далее), а переплетение, то есть взаимное проникновение одних элементов в другие. Однако при этом речь не идет о растворении одних

элементов в других, об угасании одного языка под действием другого, напротив, можно говорить о непосредственном их сосуществовании в качественно новом, преобразованном виде:

(68) «...рассматривать интерференцию как лингвистическое переплетение, при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно...» [Любимова 1985: 11].

Обращение к анализу дистрибуции и сочетаемости контекстуальных синонимов наложение – накладывание, позволяет определить, что более продуктивным оказывается использование лексемы наложение, факт которого наблюдается между культурными кодами, навыками, языковыми системами, лингвокультурами. В это же время лексема накладывание обнаруживает лишь единичное употребление в сочетании с объектами интерференции, выраженными лексемой язык:

(69) «Происходит своеобразное накладывание языка на язык» [Ахметзянова 2005: 8].

Контекстуальные синонимы перенесение – смещение образуют самостоятельную синонимическую пару в силу существования общей для них семы ‘изменение местоположения, смена локализации’. При этом если лексема перенесение из-за наличия приставки *пере-*, обозначающей в данном случае изменение направленности, предполагает наличие отправной точки (откуда) и конечного пункта (куда) и задает, тем самым, горизонтальный вектор, то лексема смещение, по-видимому, благодаря приставке *с-* может рассматриваться с позиций вертикального вектора, иначе говоря, движения сверху вниз (ср. прыгнуть, слезть, сбросить и т.д.). Однако, думается, что направленность вектора (горизонтальная или вертикальная) в данном случае не является принципиально важной, поскольку более релевантным признаком оказывается факт самого перемещения и смещения, то есть изменения своего прежнего местоположения, а значит, развитие процесса в его динамике:

- (70) «Первую группу составляют ошибки, состоящие в перенесении навыков начертаний русских букв и их соединений. Причиной таких нарушений является графическая интерференция» [Бугаева 1989: 15];
- (71) «Неточное знание объема значений слова русского языка, перенесение их особенностей слов родного языка (первичного) языка на второй язык ведет к речевым ошибкам, именуемым в литературе межъязыковой интерференцией» [Сулейменова 2000: 4];
- (72) «В основе такого стихийного переноса на первом этапе лежит отождествление разноязычных форм, что приводит к смешению в сознании носителя двуязычия дифференциальных признаков родного и русского языков, а затем, на втором этапе – к смещению дифференциальных признаков родного, русского и иностранного языков» [Ахметзянова 2005: 8].

Обратимся к рассмотрению следующего синонимического ряда, представленного контекстуальными синонимами проникновение – вмешательство – столкновение – давление. Данные синонимы объединены в один синонимический ряд, во-первых, вследствие наличия у каждого члена цепочки семы ‘насильственные действия, конфликт’, а, во-вторых, по причине их частичной заменяемости в контекстах. Так, лексема проникновение, отсылает нас к поступательному процессу, который фактом своего развития и постепенного перехода одной стадии в другую, представляет собой динамический процесс, а именно проникновение вглубь, широкое распространение явлений. Из контекста, представленного ниже, становится понятно, что проникновение является сопутствующим условием протекания интерференции, при этом, по сравнению с лексемой взаимопроникновение (см. анализ первого синонимического ряда группы динамика) налицо – односторонний характер оказываемого действия:

(73) «... интерференцию рассматривают как неотъемлемую составную часть процесса медленного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему воспринимающего языка в процессе овладения им» [Ахметзянова 2005: 9].

Вместе с тем, говоря о проникновении как одном из видов взаимодействия, следует отметить особый его характер. Так, очевидно, что речь в данном случае может идти не о добровольном, а, скорее, насильственном воздействии, что предполагает наличие слабого элемента, подвергающегося такого рода воздействию, и элемента доминирующего, это воздействие оказывающего. В этом смысле можно предположить, что проникновение является собой форму, через которую непосредственно выражается вмешательство, составной элемент более широкого по своему охвату понятия. Итак, лексема вмешательство, сосредоточивая в себе понимание некоторого навязанного участия с целью изменения ситуации, может рассматриваться как самовольное действие, отражающее процесс насильственного воздействия, с перспективой его дальнейшего преобразования:

(74) «Она может быть выделена как коммуникативная лингвокультурная интерференция, которую можно определить как вмешательство факторов родной культуры, языка и национального сознания в интерпретацию инокультурного коммуникативного поведения и в собственное поведение при межкультурном общении» [Ларина 2006: 175].

Наконец, третий член рассматриваемого синонимического ряда столкновение также вносит некоторые дополнения в обобщенное представление о характере проявления интерференции, а значит, дает уточнение самого концепта «интерференция». Так, принимая во внимание тот факт, что столкновение – это стычка, бой; спор, ссора [Ожегов, Шведова 1997: 769], можно заключить, что использование данной лексемы в дефиниции интерференции намеренно подчеркивает враждебный характер отношений вступающих во

взаимодействие объектов интерференции, наличие определенного конфликта между ними:

(75) «Ценностный компонент лингвокультурной интерференции связан с различиями в ценностях, присущих контактирующим лингвокультурам, и выражается в их столкновениях и наложениях в ходе межкультурной коммуникации и приводит к разного рода коммуникативным недоразумениям» [Тимачев 2005: 12-13].

Наконец последний член рассматриваемого синонимического ряда давление также вносит специфический оттенок в толкование явления интерференции. Как и у представленных выше членов данной цепочки, в случае употребления лексемы давление можно говорить о принуждении, насилии над определенными объектами интерференции, которые, поддаваясь необходимости, вынуждены испытывать на себе воздействие. В представленном ниже примере в качестве объектов интерференции выступают языки:

(76) «В ситуации языкового контакта именно дестабилизация языковой нормы, испытывающей постоянное давление со стороны другого языка, приводит к тому, что язык получает дополнительный стимул к развитию» [Федорова 2005: 8].

Таким образом, компоненты данного синонимического ряда при вербализации в методическом дискурсе в составе дефиниций методического термина «интерференция» каждый раз вносят специфические оттенки смысла, заключенные в лексическом значении каждого из данных слов. При этом компонентный анализ каждой лексемы дает возможность не просто определить интегрирующие и дифференцирующие признаки данных контекстуальных синонимов и рассмотреть их различную дистрибуцию, но на концептуальном уровне выявить характерные особенности ментальной репрезентации концепта «интерференция».

Компоненты следующего синонимического ряда функционирование – действие – воздействие являются, по-видимому, более нейтральными по сравнению с проанализированными ранее контекстуальными синонимами, репрезентирующими слот **‘процесс’**. Действительно, все три лексемы имеют общую сему ‘совершение действия, протекание процесса’, что и объединяет их в один синонимический ряд. При этом, несомненно, каждый из данных контекстуальных синонимов содержит в себе специфический способ номинации осуществляемой деятельности. Так, лексема функционирование предстает как протекание процесса в его непрерывности:

(77) «Длительное нахождение языков в контакте и устойчивое функционирование в речи билингвов интерферентных структур приводит к дестабилизации нормы контактирующих языков и становится одним из условий, стимулирующих процессы развития языка» [Федорова 2005: 3].

В свою очередь контекстуальный синоним действие, предполагает проявление некоторой деятельности и в этом смысле полностью соотносится по своему значению с контекстуальным синонимом влияние (см. пункт 2.1.3.):

(78) «Рассмотрим некоторые доступные способы борьбы с интерференцией слухопроизносительных навыков. Одним из условий снижения влияния интерферирующего действия навыков родного языка учащихся является образцовое произношение учителя» [Барышникова 1992: 32].

При этом, как и в случае с контекстуальным синонимом влияние, имеющим специфическую вербализацию через сочетание с предлогом (*под влиянием*), контекстуальный синоним действие имеет подобную реализацию посредством сочетания с тем же самым предлогом (*под действием*). В этом случае синонимичными оказываются и данные предложные образования. Сравните:

(79) «*Интерференция – это замена системы правил изучаемого языка другой, построенной под воздействием системы правил родного или ранее изученного иностранного языка*» [Щепилова 2005: 41];

(80) «*Под интерференцией следует понимать те случаи отклонения от нормы, которые возникают в речи двуязычного человека на неродном языке под влиянием родного*» [Айтжанов 1984: 17].

Относительно третьего компонента синонимического ряда воздействие необходимо заключить следующее. Очевидно, воздействие тем отличается от действия, что предполагает не просто функционирование или протекание процесса, а имеет своей целью достижение необходимого результата. Это объясняется прежде всего наличием приставки *воз-*, имеющей значение ‘собственно совершения, предела действия’, и предопределяющей его направленность. Сравните в следующем примере употребление контекстуальных синонимов влияние и воздействие, первый из них просто указывает на наличие отношений, второй конкретизирует ситуацию, четко обозначая результат:

(81) «*На выбор слов оказывают влияние как родной, так и изучаемый язык. Их воздействие может иметь положительный и отрицательный характер. Первый способствует осуществлению переноса, второй выражается в интерференции*» [Гальскова, Гез 2004: 194].

Данный контекстуальный синоним, как и рассмотренный выше синоним действие, также образует предложную конструкцию (*под воздействием*), что позволяет говорить не только об отношениях контекстуальной синонимии между отдельными лексемами, выраженными существительными (*влияние – действие – воздействие*), но и об устойчивых синонимических корреляциях при их сочетании с предлогом:

(82) «*Одной из причин такой сложности является интерференция – нарушение системных норм другого языка под воздействием родного*» [Шаповалов 1989: 3].

Интересным видится сравнение процентных показателей сочетаемости контекстуальных синонимов влияние (см. пункт 2.1.3.) и воздействие. Для обоих синонимов наиболее частотным оказалось употребление в сочетании с предлогом: *под влиянием* – 35%, *под воздействием* – 31%, что, по-видимому, дает право отнести контекстуальные синонимы влияние и воздействие к разряду полных синонимов.

Таким образом, в образовании репрезентации слота ‘**процесс**’ принимают участие контекстуальные синонимы, распределенные не только по принципу ядра-периферии, но и по степени активности (статика/динамика). Поэтому ядро семантического поля «интерференция» представлено следующим образом: статика (1 синонимическая пара и 1 самостоятельный компонент): влияние – контакт и случаи; динамика (1 синонимическая пара): взаимодействие – процесс. Периферия семантического поля «интерференция» обнаруживает следующие компоненты: статика (4 синонимических ряда): связь – отношение – зависимость; общение – взаимопонимание – понимание; игнорирование – пренебрежение – неприятие; факты – проявления – появление – реализация – следы; и динамика (3 синонимических ряда, 1 синонимическая пара): контактирование – взаимовлияние – взаимопроникновение – переплетение – наложение – накладывание; столкновение – проникновение – вмешательство – давление; функционирование – действие – воздействие; перенесение – смещение.

В ходе проведенного анализа между компонентами синонимических рядов было установлено наличие семантических отношений гипогиперонимии, а также отношения включения и смежности.

2.1.4. Репрезентация слота 'механизм' (характер связи объектов)

Ядерные компоненты в образовании слота 'механизм'

Контекстуальные синонимы различие – расхождение обнаруживают общность между собой вследствие наличия общей для них семы, а именно 'несходство, несовпадение, разделение'. Оба рассматриваемых компонента относятся к ядру семантического поля «интерференция» и в процентном отношении составляют соответственно 2,04% и 1,14% от общего числа контекстуальных синонимов интерференции. При этом дифференцирующим компонентом для пары контекстуальных синонимов различие – расхождение, по-видимому, можно считать степень выраженности признака несходства. Так, лексема различие представляет собой некоторую разницу, отличие от образца, тогда как лексема расхождение – это не просто несовпадение, а, скорее, указание на противоречие, полное несоответствие общепринятому образцу:

(83) «При взаимодействии близких языковых явлений или диалектных систем интерференция возникает легче, но наличие большого количества сходных звеньев ограничивает возможности ее широкого развития, т.к. возникает интерференция именно на основе несходства, различия» [Баранникова 1972: 95-96];

(84) «Под источниками интерференции понимаются факторы как лингвистические, экстралингвистические, так и когнитивные, вызывающие интерференцию. Это могут быть расхождения в области структуры и нормы в двух языках, обманчивая близость слов в неродном языке, межкультурные расхождения, лингвистические способности, знание языка, менталитет» [Фомиченко 2005: 90].

Рассматривая сочетаемость данных контекстуальных синонимов с окружающими их словами, можно заметить, что и в случае употребления лексемы различие, и при использовании

лексемы расхождение наиболее частотным для обоих синонимов оказывается их соотнесенность с такими лексемами как *системы (языков/языковые)* – 21% и 26,3% соответственно. Далее по убыванию следуют словоупотребления различие в структурах (12%), расхождение в структурах (21%), а также самостоятельная реализация данных контекстуальных синонимов вне зависимости от их дистрибуции: различие (12%), расхождение (16%).

Кроме того, значимым для дальнейшего рассмотрения концепта «интерференция» представляется учет единичных вербализаций, которые фактом своего существования могут внести весомое дополнение к совокупному представлению изучаемого концепта. При этом они, по-видимому, могут быть условно распределены в две группы: к первой группе относятся указания на то, в чем замечено различие или расхождение, а ко второй – то, каким образом данные различия и расхождения характеризуются. В соответствии с этим разделением, можно констатировать, что в отобранных контекстах лексема различие соотносится по признаку локализации (где имеются различия /расхождения?) с такими лексемами как *знания, правила, культуры, артикуляционные базы*; а лексема расхождение, в свою очередь, с такими вербализованными элементами, как *картины мира, правила, семантика, когнитивные группы*. Что касается специфической качественной характеристики рассматриваемых контекстуальных синонимов (**какие** имеются различия /расхождения?), необходимо отметить такие определяющие слова, как *максимальные, формальные, глубинные, фонематические, фонетические, частные, сочетаемостные* по отношению к контекстуальному синониму различие, и менее широкую гамму определений, относящихся к контекстуальному синониму расхождения, *межкультурные* и *сочетаемостные*. Становится понятно, что в некоторых случаях контекстуальные синонимы различие и расхождение обнаруживают одинаковую сочетаемость:

(85) «...под термином «грамматическая интерференция» понимается нарушение грамматических закономерностей в использовании морфологических и синтаксических единиц Я₃ под влиянием различий в правилах использования соответствующих единиц первого, второго или обоих ранее усвоенных языков» [Попова 1993: 8];

(86) «Интерференцию в речи билингва на Я₂ могут вызывать не только различия в структурах предложений, но и несовпадение закономерностей следования элементов внутри предложений, иначе говоря, расхождения в правилах порядка слов» [Ковылина 1984: 62].

Следует отметить некоторую особенность в репрезентации ядерных компонентов слота ‘механизм’, которая заключается в том, что наряду с рассмотренной выше синонимической парой синонимов различие – расхождение отдельно выделяется лексема сходство, которая, в сущности, оказывается связана с ними отношениями антонимии.

Итак, лексема сходство не образует синонимических рядов с ядерными компонентами семантического поля «интерференция», хотя при соотнесении с компонентами периферийными, можно было бы предположить его объединение с такими контекстуальными синонимами как аналогия – подобие – похожесть. Однако нашей целью не является соотнесение контекстуальных синонимов ядра и периферии, поэтому ограничимся описанием отдельного контекстуального синонима сходство и рассмотрим его сочетаемость с другими лексемами, входящими в дефиниции интерференции, представленные в методическом дискурсе.

Прежде всего, необходимо отметить, что появление лексемы сходство в проанализированных дефинициях вызвано, очевидно, желанием исследователей противопоставить сходство и различие, иначе говоря, показать, что интерференция возникает не только по причине различий/расхождений в системах контактирующих языков, но и вследствие схождения:

- (87) «Однако результат интерференции определяется не только специфическим, но и универсальным, не только максимальным различием, но и сходством» [Любимова 1991: 3];
- (88) «...происходит перенос уже имеющихся навыков, который может быть как положительным (в случаях сходства языков), так и отрицательным (при расхождении между языковыми системами Я1 и Я2)» [Залевская 2000: 294];
- (89) «Основным источником интерференции являются отношения «малого контраста» (=сходства) между соответствующими явлениями двух контактирующих языков, в то время как отношения «сильного контраста» (=различия) в меньшей степени оказываются причиной речевых ошибок на вторичном языке» [Рабинович 1984: 49].

Как видно из представленных выше примеров, говоря о сходстве языковых явлений, исследователи указывают на положительный результат интерференции, а, отмечая различия/расхождения, напротив, определяют результат интерференции как отрицательный. При этом следует заметить, что, как и рассмотренные выше контекстуальные синонимы различие – расхождение, лексема сходство обнаруживает те же тенденции в своей сочетаемости и дистрибуции. Так, можно выделить то, между чем обнаруживается сходство, например, сходство языков (16%), систем языков/языковых (21%), функций (16%). Кроме того, в отдельную группу можно отнести и определяющие лексему сходство слова, например, сходство ассоциативное, типологическое, формальное, функциональное, фонетическое, фонологическое (это единичные употребления, каждое из которых в процентном отношении представлено показателем 5,3%):

- (90) «...важную роль при этом играет типологическое сходство вступающих в контакт языков и степень их генетического родства» [Любимова 1985: 16];

(91) «...ввиду общего фонологического и фонетического сходства и частных фонетических различий при усвоении близкородственного языка следует ожидать интенсификации возможностей положительного переноса и чрезвычайной стойкости явлений интерференции» [Вовк 1976: 26].

Периферийные компоненты в образовании слота 'механизм'

Прежде всего, необходимо отметить, что входящие в синонимический ряд контекстуальные синонимы несоответствие – несовпадение – несходство образованы с помощью приставки *не-*, которая придает каждому из этих слов противоположное значение по сравнению с тем, что означало исходное слово. Иначе говоря, интегрирующим признаком, объединяющим данные контекстуальные синонимы в один синонимический ряд, выступает наличие общей семы 'противопоставление, отрицание, отсутствие того, что заключено в значении слова или основы без «не»'. Представляется, что рассмотрение данных контекстуальных синонимов в различных контекстах позволит установить дифференцирующие компоненты их значений и определить их специфические оттенки:

(92) «...мы предлагаем рассматривать интерференцию с точки зрения ее проявления в межкультурной коммуникации и понимаем под ней полное или частичное несоответствие культурной коннотации языковых единиц английского языка...» [Тимачев 2005: 8];

(93) «Интерференцию в речи билингва на Я₂ могут вызывать не только различия в структурах предложений, но и несовпадение закономерностей следования элементов внутри предложений, иначе говоря, расхождения в правилах порядка слов» [Ковылина 1984: 62];

(94) «...возникает интерференция именно на основе несходства, различия» [Баранникова 1972: 96].

Как видно из приведенных контекстов, во всех трех случаях речь идет об отсутствии согласованности между объектами интерференции, точнее говоря об отступлении от принятого стандарта или эталона. Так, в случае употребления лексемы несоответствие через факт вербализации данного компонента эксплицируется отсутствие равенства между языковыми единицами, что приводит к неосуществимости полноценного межкультурного общения. Вербализация лексемы несовпадение предполагает в данном случае невозможность совмещения существующих закономерностей распределения элементов во взаимодействующих языках, отсутствие общих точек соприкосновения, тождественности, что также как и в первом случае, приводит к невыполнимости коммуникативных задач. Наконец, несходство, понимаемое как непохожесть, несоответствие, по-видимому, предопределяет аналогичный вариант разрешения ситуации межкультурного взаимодействия, а именно, возникновение интерференции.

Следующий синонимический ряд оппозиция – противопоставление – противоречие – разногласие образован контекстуальными синонимами, имеющими общую сему ‘противодействие, сопротивление’, что и определяет их схожую дистрибуцию в представленных контекстах:

(95) «...типичными случаями проявления интерференции мы считаем те часто повторяющиеся в речи билингва нарушения языковых норм, с которыми соотнесены определенные межъязыковые или внутриязыковые оппозиции» [Сулейменова 2000: 23];

(96) «В исследовании интерференции просодических систем английского и русского языков особое внимание должно уделяться нарушениям тональной подсистемы, поскольку именно там реализуются основные смысловозначительные противопоставления как в одном, так и в другом языке» [Кубланова 2003: 7];

(97) «... в условиях действия интерференции, в котором своеобразно проявляется противоречие между универсальным и специфическим, между сходством и различием, присущими первичной и вторичной языковым системам» [Любимова 1991: 3];

(98) «Возникновение просодической интерференции происходит из – за разногласий в (ментальности) менталитете определенных этнических групп» [Фомиченко 2005: 96].

При этом рассматриваемые контекстуальные синонимы представляют собой исходную точку для формирования и функционирования более сложных отношений между объектами интерференции, поскольку само наличие несоответствий и несовпадений еще не говорит о невозможности осуществления общения между представителями разных языковых обществ и культур. В этом смысле более показательным оказывается непосредственный результат такого межъязыкового и межкультурного взаимодействия, что вербализуется посредством следующих контекстуальных синонимов, образующий синонимическую пару: диссонанс – контраст.

Данные контекстуальные синонимы объединены вследствие наличия общей для них семы ‘выраженное противоречие, несогласованность’. Следует отметить, что в проанализированных контекстах оба компонента выступают в качестве своеобразных индикаторов, указывающих на существование не просто различия или несоответствия (как контекстуальные синонимы рассмотренного выше синонимического ряда), а на распространения негармоничного сочетания признаков, что в дальнейшем приводит к возникновению интерференции:

(99) «Просодическая организация ментальных репрезентаций на уровне текста является составным компонентом ментальности и также относится к одной из причин возникновения интерференции в рамках когнитивного диссонанса» [Фомиченко 2005: 97];

(100) «Основным источником интерференции являются отношения «малого контраста» (= сходства) между соответствующими явлениями двух контактирующих языков, в то время как отношения «сильного контраста» (=различия) в меньшей степени оказываются причиной речевых ошибок на вторичном языке» [Рабинович 1984: 49].

Переходя к рассмотрению следующего синонимического ряда, образованного контекстуальными синонимами аналогия – подобие – похожесть, необходимо заметить, что они объединены общей семей 'сходство'. Действительно, каждый из членов цепочки указывает на наличие общих черт, но, думается, что степень сходства по-разному проявляется в каждом отдельном случае. По-видимому, это и можно считать дифференцирующим признаком контекстуальных синонимов рассматриваемого синонимического ряда. Наилучшим образом различия в оттенках значения можно проследить, непосредственно обратившись к языковому материалу:

(101) «Это воздействие трактуется как своеобразная интерференция, происходящая в рамках системы и нормы одного и того же языка или через аналогию с системой и нормой родного языка» [Залевская 2000: 304];

(102) «Дополнительным фактором, усиливающим интерференцию, является факт звукового подобия слов, морфем, словоформ, даже если это звуковое подобие случайно и не связано с семантическими причинами» [Федорова 2005: 16];

(103) «Относительная похожесть явлений облегчает понимание и стимулирует интерференцию в продукции» [Щепилова 2005: 79].

Как становится понятно из представленных контекстов, наибольшая степень сходства в методическом дискурсе вербализуется через лексику аналогия, поскольку при сравнении на основании сходства делается вывод о сходстве системы и нормы в другом языке. Что касается контекстуального синонима

подобие, то в данном случае речь может идти о меньшей степени проявления сходства, поскольку подразумевается сличение с неким идеалом, через содержащий образ объекта сходный элемент (в данном случае в качестве элементов выступают слова, морфемы, словоформы). Относительно лексемы похожесть следует заметить, что, как и остальные два элемента, образующие этот синонимический ряд, данный контекстуальный синоним являет собой указание на наличие сходств, на существование близости между явлениями, что, по-видимому, можно рассматривать как соотнесенность с чем-то общим, родственным.

В этом отношении представляется необходимым обратиться к анализу следующего синонимического ряда, представленного контекстуальными синонимами общность – близость – родство. Данные контекстуальные синонимы объединены в один синонимический ряд, поскольку имеют общую сему ‘единство, родство’. При этом в зависимости от сочетаемости с другими вербализованными компонентами, входящими в состав дефиниции «интерференция», обнаруживаются специфические оттенки выражаемого ими значения:

(104) *«Общность функций, при различиях в использовании формальных средств для их выражения, является основной причиной проникновения элементов родного языка говорящего в иностранный язык» [Кубланова 2003: 8];*

(105) *«Это могут быть расхождения в области структуры и нормы в двух языках, обманчивая близость слов в неродном языке, межкультурные расхождения, лингвистические способности, знание языка, менталитет» [Фомиченко 2005: 90];*

(106) *«...важную роль при этом играет типологическое сходство вступающих в контакт языков и степень их генетического родства» [Любимова 1985: 16].*

Представленные примеры наглядно демонстрируют, что среди данных контекстуальных синонимов в качестве

доминанты синонимического ряда выступает лексема общность, поскольку несет в себе самое общее представление о некоторой совокупности, единстве и целостности. В свою очередь, вербализация данного обобщенного представления посредством лексемы близость вносит уточнение и говорит о непосредственной тесной связи, что, по-видимому, является качественной характеристикой рассматриваемой в контексте целостности. При этом наличие определяющего слова *обманчивая* говорит о том, что данный тип отношений несет в себе потенциально ложную информацию, иначе говоря, дезинформирует носителей языка, что в дальнейшем приводит к неверному отождествлению фактов языка и интерференции. Относительно лексемы родство необходимо отметить, что, заключая в себе представление о близости по общности происхождения (определяющее слово *генетическое*), в данном случае при вербализации такого представления об отношениях между объектами интерференции реализуется указание на непосредственное сходство. Это, по всей вероятности, дает нам право соотнести элементы данного синонимического ряда с рассмотренным выше контекстуальным синонимом сходство, относящимся к ядру семантического поля «интерференция».

Таким образом, в образовании репрезентации слота ‘механизм’ участвуют ядерные компоненты, представленные 1 синонимической парой различие – расхождение и 1 самостоятельным элементом сходство. Что касается периферийных компонентов, следует выделить 4 синонимических ряда: оппозиция – противопоставление – противоречие – разногласие; несоответствие – несовпадение – несходство; аналогия – подобие – похожесть; общность – близость – родство; и одну синонимическую пару диссонанс – контраст.

В ходе проведенного анализа между компонентами синонимических рядов было установлено наличие семантических отношений включения, смежности, тождества и противопоставления.

2.1.5. Репрезентация слота 'результат' (контроль, коррекция, закрепление)

Ядерные компоненты в образовании слота 'результат'

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что при распределении ядерных компонентов семантического поля «интерференция» по слоту 'результат' был выделен один синонимический ряд, образованный контекстуальными синонимами ошибка – нарушение – отклонение, одна синонимическая пара, состоящая из контекстуальных синонимов акцент – искажение, а также две лексемы, не образующие ни синонимических рядов, ни синонимических пар и выступающие в качестве независимо функционирующих единиц, участвующих однако в образовании обобщенного представления об интерференции, иначе говоря, в формировании методического концепта «интерференция»: результат, перенос.

Выделение контекстуального синонима результат вызвано тем, что в проанализированных контекстах, посвященных определению методического термина «интерференция», имплицитно либо эксплицитно содержится указание на определенный результат интерференции, на тот след, который оставляет интерференция. При этом важно отметить тот факт, что непосредственная вербализация этого общего понимания через лексику результат дает возможность напрямую проследить специфические характеристики результата в зависимости от дистрибуции данной лексики. Так, отвечая на вопрос – результат **чего?** – можно отметить, что в 17% случаев это результат *взаимодействия*, в 8% – *интерференции*, *переноса*, *процесса* (каждая лексема в отдельности), далее следуют единичные употребления с процентным показателем 4% – результат *личного знакомства*, *действия*, *некомпетентности*. Качественное определение результата – то есть ответ на вопрос **какой?** – в контекстах, содержащих указание на результат, проявляется в его

характеристике: *отрицательный* (25%), *положительный* (17%).
Приведем некоторые примеры:

(107) «Интерференция может рассматриваться с трех разных точек зрения: как результат взаимодействия двух и более систем, как процесс этого взаимодействия, как предпосылки для него» [Бондарко, Вербицкая 1987: 8];

(108) «В методике обучения языкам интерференция рассматривается как отрицательный результат неосознанного переноса прежнего лингвистического опыта» [Ахметзянова 2005: 9];

(109) «Отрицательный результат переноса называется интерференцией» [Щепилова 2005: 41];

(110) «Такая трактовка не противоречит семантике термина, допускающей не только отрицательный, но и положительный результат взаимодействия» [Любимова 1991: 9].

Таким образом, понимая под результатом итог, завершение какой-либо деятельности, в данном случае – интерференции – можно констатировать, что наиболее частотным в проанализированных контекстах оказывается понимание результата интерференции как *отрицательного*, хотя имеется и противоположное ему рассмотрение результата интерференции как *положительного* явления. Думается, это объясняется тем, что в зависимости от того, что понимается под источником интерференции, то есть, какого рода объекты вступают во взаимодействие, и какого рода отношения между ними наблюдаются (сходство, подобие, различие, противопоставление и т.д.), меняется и характер самого результата. Причем в случае рассмотрения результата интерференции возможен либо положительный, либо отрицательный результат, какого-либо другого варианта его характеристики в проанализированных контекстах не обнаружено.

Перейдем к рассмотрению второго контекстуального синонима, относящегося к ядерным компонентам

семантического поля «интерференция», а именно лексемы перенос, и заметим, что она не образует ни синонимических пар, ни синонимических рядов с другими компонентами ядра. Это, по-видимому, объясняется специфической функцией, которую исполняет при своей вербализации общее представление о результате интерференции. Эта функция предельно конкретна – перемещение одного объекта в другое место, иначе говоря, смена локализации объекта [Ожегов, Шведова 1997: 507]. При этом в проанализированных контекстах обнаруживается разнообразие самих объектов, подвергающихся переносу: *модели, реалии, знания, тактики, стратегии, опыт*:

(111) «Перенос привычных стереотипов поведения, коммуникативных стратегий и тактик на инокультурную среду существенно затрудняет понимание и даже может привести к полному непониманию» [Ларина 2006: 175];

(112) «...интерференция – перенос определенных умений, лингвистических знаний, который также может иметь положительное значение» [Ершова 1972: 139];

(113) «В методике обучения языкам интерференция рассматривается как отрицательный результат неосознанного переноса прежнего лингвистического опыта...» [Ахметзянова 2005: 9].

Вместе с тем наибольшей частотностью употребления обладают такие лексемы, как *умения и навыки* (20%), а также *элементы* (5%) и *стереотипы* (5%). Думается, такие показатели объясняются тем, что в методическом дискурсе, отражающем совокупное представление об интерференции, исследователи рассматривают данное явление в связи с процессом формирования иноязычной компетенции, а значит, среди объектов интерференции вполне оправданно выделяются, прежде всего, знания и умения обучаемых:

(114) «Перенос речевых умений и навыков из родного языка на русский представляет собой стихийный, несознательный процесс» [Ахметзянова 2005: 8].

Важным представляется отметить и то, что лексема перенос употребляется безотносительно указания на объекты, то есть в проанализированных контекстах встречается независимая от окружающих слов реализация лексемы перенос (32,5%), что является наибольшим показателем среди всех отобранных единиц анализа из контекстов, содержащих данную лексему.

Кроме указания на объекты переноса, необходимо отдельно обратить внимание на качество переноса, то есть на то, какая преобладающая характеристика обнаруживается в проанализированных контекстах. При описании переноса как результата превалирует употребление лексемы отрицательный (20%), тогда как определение положительный встречается лишь в 2,5% случаев, то есть практически в 10 раз реже, чем негативное понимание переноса.

(115) «... происходит перенос уже имеющихся навыков, который может быть как положительным (в случаях сходства языков), так и отрицательным (при расхождении между языковыми системами Я1 и Я2)» [Залевакая 2000: 294].

Как видно из представленного контекста, отрицательным перенос оказывается в том случае, когда отношения между объектами рассматриваются сквозь призму расхождений, в противном случае речь идет о положительной роли переноса. В этом смысле, по-видимому, можно констатировать наличие причинно-следственной связи между контекстуальными синонимами, входящими в слот ‘механизм’ различие – расхождение; сходство (см. пункт 2.1.4.) – и контекстуальным синонимом перенос. Примечателен тот факт, что все нижеследующие компоненты, входящие в ядро семантического поля «интерференция» и образующие самостоятельные синонимические ряды, говорят именно об отрицательном характере переноса, а значит, представляют результат интерференции с негативной стороны.

Так, выделение синонимического ряда, представленного контекстуальными синонимами ошибка – нарушение – отклонение, становится возможным, поскольку компоненты

ряда содержат общую сему ‘несоответствие стандарту’, при этом лексема ошибка указывает, скорее, на неправильность действия, лексема нарушение – на несоблюдение правил, а лексема отклонение, в свою очередь, – на ненормальность, несоответствие эталону. Данные дифференцирующие признаки каждого из представленных контекстуальных синонимов реализуются в проанализированном языковом материале:

(116) «Тот отрицательный языковой материал (ошибки) в речи учащихся, который всегда присутствует в процессе обучения языку» [Сулейменова 2000: 11];

(117) «Межъязыковая интерференция сопутствует межкультурной коммуникации и проявляется во всех ее аспектах. Нарушение одного из них может повлиять на ход всей коммуникации» [Тимачев 2005: 17];

(118) «Основные отклонения в использовании английской интонационной системы русскоговорящими под воздействием интонационной системы русского языка проявляются двумя способами: 1) не использованием специфически английских сложных тонов 2) подменой английских тонов сходными по форме и функции русскими» [Кубланова 2003: 10].

Различной для данных контекстуальных синонимов оказывается и сочетаемость с другими словами, образующими дефиницию методического термина «интерференция». Так, рассматривая контексты, содержащие в себе лексему ошибка, можно констатировать различную соотношенность с определяющими ее словами. Во-первых, можно рассматривать лексему ошибки как ошибки, относящиеся к разным языковым уровням (28,3%) – *интонационная, лексико-семантическая, фонетическая, речевая* и т.д. Во-вторых, дать качественную характеристику лексеме ошибка, проявляющуюся в разнообразных способах вербализации (42%) – *бесчисленные, стойкие, конкретные, регулярные, типичные, трудноискоренимые, прогнозируемые* и т.д. В-третьих, важно отметить независимое употребление данного контекстуального

синонима без соотнесения с каким-либо определяемым словом (28,3%). Стоит также отдельно выделить единичный случай соотнесения лексемы ошибка с субъектом деятельности (1,5%):

(119) «Изучение особенностей языка переводов с различных исходных языков представляет большой теоретический и практический интерес, давая возможность отличать вызванные интерференцией ошибки переводчика от вполне оправданных способов достижения эквивалентности перевода» [Комиссаров 2000: 79].

Относительно дистрибуции следующего члена синонимического ряда, лексемы нарушение, необходимо отметить, что в отличие от рассмотренного выше контекстуального синонима ошибка, самостоятельное употребление данной лексемы не обнаруживает высокой частотности, а составляет всего 5,2%. В этом смысле принципиально важным оказывается соотнесение лексемы нарушение с другим вербализованным элементом, а именно с лексемой норма, что обнаруживается в 37% контекстов, содержащих указание на нарушение. При этом лексема норма соотносится не только с указанием на ее принадлежность к языку или речи – (языковая/языка – 52,3%; речевая/речи – 14,2%), но и с распределением по определенным языковым уровням: синтаксическая (4,7%), произносительная (4,7%) и т.д. Лексема нарушение, в свою очередь, в некоторых контекстах обнаруживает соотнесенность с тем или иным уровнем языка, что реализуется через следующие определяющие слова: фонетическое, фонемно-графическое, орфографическое, фонетическое и т.д. Приведем некоторые примеры:

(120) «...билингвы допускают существенные нарушения нормы речевой реализации английских слов, выражающихся в деформации акцентной структуры существительного и глагола» [Исаев 1989: 161];

(121) «...в определении орфоэтических, графических и орфографических нарушений в условиях взаимодействия

языков с разной графической основой» [Бугаева 1989: 5].

Аналогичная ситуация наблюдается и с контекстуальным синонимом отклонение, поскольку 79% от общего количества контекстов, содержащих данную лексику представлено фактом ее соотнесения с лексемой норма. Самостоятельное функционирование контекстуального синонима отклонение встречается лишь единожды (3%), тогда как указание на качественную характеристику оказывается более частотным явлением (12%) – *основное, различное, типичное* и т.д. Относительно факта соотнесенности контекстуального синонима отклонение с лексемой норма, следует отметить преобладание определения *языковая/языка* (54%), далее по убыванию следует самостоятельное употребление лексики норма безотносительно ее принадлежности к языковому уровню (19%). Кроме того, в проанализированных контекстах имеется указание на существование *отклонений* в *норме речевой/речи* (16%), и, наконец, рассматриваются единичные употребления (по 3,8%), относящие норму к уровневой организации языка: *произносительная, орфоэпическая, просодическая*.

(122) *«Интерференция представляет собой отклонение от нормы в речи на вторичном языке (Я₂), возникшее под влиянием первичного языка (Я₁)» [Рутковская 1984: 78];*

(123) *«Под интерференцией следует понимать те случаи отклонения от нормы, которые возникают в речи двуязычного человека на неродном языке под влиянием родного» [Айтжанов 1984: 17];*

(124) *«Под интерференцией мы понимаем любое отклонение от орфоэпической нормы, наблюдаемое в речи билингва (или трилингва) под влиянием другого, ранее усвоенного языка» [Грачева 1984: 21].*

Таким образом, кратко представив анализ сочетаемости контекстуальных синонимов ошибка – нарушение – отклонение,

можно заключить, что каждый из них, сосредотачивая в себе интегрирующий для всех компонентов данного синонимического ряда признак, отличается оттенками значения, иначе говоря, содержит в себе дифференцирующий признак, отличающий один элемент синонимического ряда от другого. По-видимому, можно говорить о некоторой градации в зависимости от степени выраженности интегрирующего признака 'несоответствие стандарту'. Так, контекстуальный синоним ошибка выступает в данном случае как более самостоятельный элемент, поскольку не имеет причинно-следственной связи с лексемой норма, являющейся стандартом, эталоном, с которым происходит сличение. Кроме того, именно контекстуальный синоним ошибка обнаруживает наибольшее количество определяющих его слов, которые указывают на широкий диапазон (42%) при выборе качественной характеристики ошибки. В свою очередь, контекстуальный синоним нарушение соотносится с различными лексемами, обозначающими непосредственно то, что не соблюдается, и обнаруживает тем самым разнообразные способы вербализации при соотнесенности с другими лексемами (от 1,7% *подсистема, структура языка* до 37% *норма*). Наконец, контекстуальный синоним отклонение по сравнению с остальными элементами синонимического ряда является самым «зависимым» от нормы, поскольку в 79% от подвергнутых анализу контекстов, содержащих в себе указание на отклонение, неизменно присутствует лексема норма; это и предопределяет, какого рода отклонения (качество, степень выраженности и т.д.) имеют место, и на каком языковом уровне они наблюдаются.

Синонимическая пара, образованная контекстуальными синонимами акцент – искажение, фактом своего существования вносит немаловажное дополнение в репрезентацию слота 'результат' в его ядерной части. Интегрирующим признаком, объединяющим данные контекстуальные синонимы в пару, является, по-видимому, наличие общей семы 'отклонение от образца'. При этом лексема акцент сразу ограничивает сферу своего употребления, поскольку становится понятно, что речь идет об особенностях произношения, тогда как лексема

искажение подразумевает лишь неправильность, наличие ошибки, но не указывает на конкретную область распространения. Это можно проследить, обратившись к проанализированным контекстам:

(125)«Говоря о различных отклонениях от нормы в реализации словесного ударения в условиях интерференции, важным является вопрос, насколько правильной в фонетическом смысле может быть порожденная билингом речь, иными словами, насколько допустимым может быть акцент в иноязычном произношении» [Лаврентьева 2001: 57];

(126)«Иноязычный акцент в произношении также может служить «помехой» в процессе общения билинга с носителем языка» [Вишневская 1993: 7];

(127)«...характерным представляется понимание сущности синтаксической интерференции как типичных отклонений от нормы словосочетаемости в речи того или иного индивида или языкового коллектива, выражающихся в произвольном искажении смысловой структуры синтаксических единиц под влиянием ассоциативных связей слов родного языка» [Григорьев 2005: 13].

Вместе с тем, во многих контекстах, содержащих в себе рассматриваемые синонимы, и лексема акцент, и лексема искажение, следуют друг за другом, как будто уточняя друг друга:

(128)«Акцент как «искажение», нарушение нормы особенно заметен на фоне общей грамматической и стилистической правильности речи» [Фомиченко 2005: 121];

(129)«Интерференция в центре контура не только приводит к акцентным искажениям, но и затрагивает смысловую сторону высказывания» [Кубланова 2003: 13].

Однако необходимо отметить существующие различия в сочетаемости. Так, контекстуальный синоним акцент оказывается более независимым (в 24 % случаев употребляется без определяющих слов), что, по-видимому, объясняется а priori заложенной отнесенностью к фонетическому уровню языка. В свою очередь контекстуальный синоним искажение, не репрезентируя фактом своей вербализации отнесенность к какому-либо уровню языка, все же в равном количестве (по 16%) выступает как без определяющих его слов, так и с определяющим словом *фонетическое*, что, несомненно, еще больше сближает рассматриваемые контекстуальные синонимы, образующие пару:

(130) «Процессы интерференции, механизмы ее появления можно отнести к скрытым явлениям, протекающим на фоне когнитивных структур и реализуемым в речи в виде наблюдаемого феномена – фонетического акцента» [Фомиченко 2005: 116];

(131) «... говоря о фонетической интерференции, нельзя не учитывать особенности звуковой системы самого изучаемого языка (вторичная языковая система), которые в свою очередь также могут провоцировать появление фонетических искажений» [Любимова 1985: 18].

При этом следует отметить, что наиболее частотным вариантом сочетаемости для лексемы акцент, является ее соотнесенность с определяющим словом *иноязычный/иностраннный* (33%), тогда как лексема искажение не участвует в образовании такого рода словосочетаний.

Периферийные компоненты в образовании слота 'результат'

Контекстуальные синонимы следствие – последствие объединены в пару, так как имеют общую сему 'результат, итог'. Следует отметить, что данные синонимы могут быть определены как синонимы абсолютные, поскольку они

обнаруживают не только одинаковую сочетаемость, но и полностью взаимозаменяемы. Поэтому в представленных контекстах, содержащих дефиниции методического концепта «интерференция», контекстуальный синоним следствие может заменяться контекстуальным синонимом последствие и наоборот:

(132) «Негативные последствия переноса также более значительны у старших школьников. На уровне навыков... у них наблюдается более сильная и стабильная интерференция...» [Щепилова 2005: 45];

(133) «Межъязыковая интерференция сопутствует межкультурной коммуникации и проявляется во всех ее аспектах. Нарушение одного из них может повлиять на ход всей коммуникации и привести не просто к коммуникативным недоразумениям, но и к более серьезным последствиям» [Тимачев 2005: 17];

(134) «Наиболее существенным лингвистическим следствием интерференции в области словосочетания является переосмысление синтаксических связей внутри предложения...» [Федорова 2005: 5];

(135) «Лексическая интерференция – это следствие расхождений в семантической структуре и сочетаемости соотносительных пар двух языков» [Абдигалиев 1984: 31].

Следующий синонимический ряд представлен контекстуальными синонимами изменение – видоизменение – модификация, объединение которых в один ряд продиктовано наличием у них общей семы ‘преобразование, перемена’. При этом контекстуальный синоним изменение предполагает поправку, смену чего-либо, что изменяет существовавшее прежде [Ожегов, Шведова 1997: 241]. В свою очередь, контекстуальный синоним видоизменение характеризуется большей экспликативной точностью, поскольку обозначает не просто изменение, а возникновение некоторой разновидности, которая предстает в ином качестве, «сохраняя свою основу,

сущность» [там же: 82]. Наконец, контекстуальный синоним модификация представляет собой то же самое, что указанные выше элементы синонимического ряда, но с той лишь разницей, что для вербальной репрезентации выбирается слово заимствованное, иностранного происхождения. Обратившись к словарю иностранных слов, мы находим следующее его определение: модификация [фр. modification < лат. modificatio] – видоизменение, преобразование чего-л., характеризующееся появлением новых свойств [Современный словарь иностранных слов 1993: 389]. Таким образом, становится понятно, что употребление данных контекстуальных синонимов в проанализированных контекстах продиктовано стремлением исследователей как можно более разнообразно представить явление интерференции и использовать для этого различные языковые средства выражения. Приведем примеры:

(136) «*Интерференция – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка*» [Баранникова 1972: 88];

(137) «*Известно, что процесс взаимодействия двух или более языков не проходит для них бесследно: возникают определенные изменения, не зависящие от внутренних закономерностей данных систем*» [Бугаева 1989: 3];

(138) «*С лингвистической точки зрения понятие «интерференция» используется в связи с изучением проблемы контактирования языков для обозначения тех видоизменений, которые наблюдаются в речи носителей двуязычия (многоязычия)...*» [Ахметзянова 2005: 9];

(139) «*Следствием бытового билингвизма является так называемая интерференция – модификация модели вторичного языка или перенос модели сочетания слов и строения предложения с родного на вторичный язык*» [Бертогаев 1972: 85].

Как видно из представленных примеров, контекстуальные синонимы изменение – видоизменение – модификация не только

обнаруживают общую сочетаемость, но и могут заменять друг друга в отдельных контекстах, что ни в коей мере не отражается на общем его содержании. При этом взятый в отдельности, вне контекста, каждый из данных контекстуальных синонимов содержит в себе некоторое уточнение элемента, следующего за ним в синонимическом ряду.

Следующие контекстуальные синонимы переосмысление–пересмотр одним лишь фактом наличия приставки *пере-*, как известно, образующей существительные со значением повторности, вторичности, объединяются в пару синонимов. При этом, по-видимому, релевантным оказывается то, что оба контекстуальных синонима содержат общую сему ‘осуществление действия заново’. Так, исходя из следующего контекста, становится понятно, что лексема переосмысление указывает на дальнейший ход деятельности, на то, что открываются новые перспективы сравнения и сопоставления систем двух языков, что, в свою очередь может способствовать снижению интерферирующего влияния:

(140) «Наиболее существенным лингвистическим следствием интерференции в области словосочетания является переосмысление синтаксических связей внутри предложения и выделение в нем таких моделей словосочетания, которые нехарактерны для синтаксической системы русского языка» [Федорова 2005: 5].

В то же время контекстуальный синоним пересмотр, имея, в сущности, подобное толкование, несколько меняет смысловую окраску контекста, так как указывает не столько на перспективы дальнейшей деятельности, сколько на предпосылки к ней, то есть отсылает к прошлым событиям:

(141) «Ошибочное программирование речи влечет «типичные» ошибки – весьма стойкие, избавление от которых требует пересмотра сформированных представлений о лингвистическом явлении» [Щетилова 2005: 54].

В связи с этим, по-видимому, можно заключить, что контекстуальные синонимы переосмысление – пересмотр,

посредством своей репрезентации в вербальной форме реализуют общее, совокупное представление о разных формах существования и протекания познавательной деятельности. Так, пересмотр не всегда предполагает дальнейшее переосмысление, хотя переосмысление неосуществимо без предварительного пересмотра. Поэтому, думается, можно говорить об односторонней связи, существующей между данными лексемами, при которой одно предопределяет другое, но не является его следствием.

Еще один синонимический ряд представлен контекстуальными синонимами перестройка – переустройство – перераспределение, которые имеют интегрирующий признак, сосредоточенный в семе ‘создание заново, видоизменение’. При этом если перестройка и переустройство предполагают создание чего-либо нового, отличного от того, что существовало до того, то перераспределение указывает, скорее, на изменение внутри старого, на перемещение каких-либо составных элементов, что, в конечном итоге может привести или не привести к перестройке или переустройству. Проиллюстрируем вышесказанное примерами:

(142) «...проявление семантической интерференции, связанной прежде всего со значением слова, заслуживает, очевидно, более пристального внимания. В частности, перенесение семантических норм своего языка на изучаемый приводит к перестройке речевых моделей» [Шаповалов 1989: 3];

(143) «Понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющихся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией...» [Вайнрайх 1979: 22];

(144) «...необходимо различать пермутационную интерференцию – перераспределение признаков языковых единиц, элементов моделей и их частотностей в речи на Я2 под влиянием Я1» [Федорова 2005: 9].

Заметим, что и лексема перестройка, и лексема переустройство своей вербализацией реализуют общее представление о внесении изменений в порядок функционирования объектов, создавая тем самым новые основания для дальнейшего развертывания деятельности. А лексема перераспределение составляет один из начальных этапов этой деятельности.

Представляется, что контекстуальные синонимы несоблюдение – девиация – отступление – неточность, образующие синонимический ряд, на полном основании могли бы быть логическим продолжением синонимического ряда, представленного ядерными компонентами семантического поля «интерференция ошибка – нарушение – отклонение (см. пункт 2.1.5.). Правомерность такого заявления подтверждается, очевидно, наличием общей семы ‘несоответствие стандарту, норме’. Кроме того, следует отметить, что, как и в случае с предыдущим синонимическим рядом, здесь также имеет место использование заимствованного слова, а именно, контекстуального синонима девиация (от лат. deviation отклонение <de от + via дорога>) [Современный словарь иностранных слов 1993: 181] обозначает или в данном случае, точнее сказать, переводится как ‘отклонение’. Обратимся к языковому материалу и проследим, каким образом посредством вербализации данных лексем происходит составление целостной картины об отклонении от нормы:

(145) «... нарушения фонемного состава слова связаны чаще всего с несоблюдением правил дистрибуции фонем, ... Фонемные замены, определяемые отсутствием той или иной оппозиции фонем, встречаются редко» [Бондарко, Вербицкая 1987: 117];

(146) «При сравнении допущенных билингвами девиаций в речи на Я₂ с эквивалентами между ними были отмечены следующие расхождения: 1) увеличение объема, 2) уменьшение объема, 3) субституция элементом, 4) коммутация элементов, 5) отклонения

от нормы Я₂ в размещении элементов» [Невмержицкий 1987: 14];

(147) «Структурные модификации слова отражаются на степени коммуникативной релевантности/ нерелевантности тех или иных просодических отступлений в речи на Я₂. Последние приводят к нарушениям речевых норм на Я₂, которые могут быть связаны с нарушением правил языковой системы или языковой нормы» [Исаев 1989: 156];

(148) «В процессе общения с представителями других лингвокультур допускаемые ошибки и неточности часто бывают вызваны не только влиянием родного языка, но также влиянием родной культуры и национального сознания. Здесь мы имеем дело с явлением более широкого плана – лингвокультурной интерференцией» [Ларина 2006: 174].

Как видно из данных контекстов, лексемы, составляющие рассматриваемый синонимический ряд, не встречаются обособленно, напротив, они оказываются тесно связаны отношениями сочетаемости и взаимозаменяемости с другими рассмотренными в предыдущих пунктах контекстуальными синонимами. Например, это контекстуальный синоним расхождение, входящий в слот ‘механизм’ (пункт 2.1.4.); контекстуальный синоним влияние, относящийся к слоту ‘процесс’ (пункт 2.1.3.), а также контекстуальные синонимы, относящиеся к данному слоту ‘результат’ – отклонение, модификация, нарушение.

Продолжим рассмотрение периферийных компонентов, участвующих в образовании слота ‘результат’ и остановимся на анализе контекстуальных синонимов дефект – недоразумение, объединенных в один синонимический ряд, поскольку между ними обнаруживается общность благодаря наличию общей семы ‘неестественное, ненормальное, недостаток’. Действительно, понимая лексему дефект как изъян, как нечто, обнаруживающие фактом своего появления недочет [Ожегов, Шведова 1997: 163], а недоразумение как ошибочное или неполное понимание [там же: 404] можно констатировать

наличие отрицательной окраски контекстов, где встречаются данные лексемы:

(149) «Внимательные и многочисленные наблюдения за речью билингов убеждают в том, что интерференция как дефект речи вполне может быть устранена окончательно» [Михайлов 1972: 202];

(150) «...в процессе живой и художественной коммуникации на английском языке происходят различные коммуникативные недоразумения, объясняемые отсутствием необходимой коммуникативной компетенции у партнеров по общению и вызываемой этим лингвокультурной интерференцией» [Тимачев 2005: 1];

(151) «Это приводит к разнообразным ошибкам, а порой и к недоразумению при общении, что свидетельствует о несформированной перцептивной базе вторичной языковой системы» [Любимова 1985: 19].

Вместе с тем, следует отметить, что данные контекстуальные синонимы не являются синонимами точными, и, пожалуй, их с трудом можно отнести к неточным синонимам. Дело в том, что именно реализуясь в сходных контекстах посредством языковой репрезентации обобщенного представления об интерференции, синонимы могут быть определены как контекстуальные, поскольку в этом случае они, по замечанию А.И. Ивановой, трактуются в качестве вариативных обозначений одного и того же смысла, а дифференциальные признаки синонимов рассматриваются как проекции различных точек зрения на обозначаемый объект [Иванова 2006].

Следующий синонимический ряд образован контекстуальными синонимами помеха – препятствие – трудность – сложность, имеющими в качестве интегрального признака общую сему ‘преграда, осложняющее обстоятельство’. Действительно, практически в каждой дефиниции методического термина «интерференция» присутствует

указание на результат данного явления, и в подавляющем большинстве, это результат получает отрицательную оценку. Контекстуальные синонимы данного синонимического ряда в самом общем виде свидетельствуют о причинах такого отрицательного результата:

(152) «...проявление интерференции в максимальной степени может помешать выполнению языком даже минимального количества социальных функций. В этом случае сильная интерференция на всех уровнях структуры как бы «глушит» содержание, делает его недоступным для слушателей. «Помехи», обусловленные интерференцией, не позволяют понять содержание речи» [Дешериев, Протченко 1972: 33];

(153) «...в результате неправильно осмысленные формы иностранного языка фоссилзируются и составляют интеръязык, который представляет собой серьезное препятствие на пути к свободному владению языком» [Цветкова 2001: 77];

(154) «...в 4-5-ых классах при обучении чтению на русском языке имеются трудности, возникающие вследствие интерференции родного языка учащихся» [Новикене 1986: 2];

(155) «Функционирование имплицитной и эксплицитной культурной коннотации как в межкультурном художественном общении, так и в живой коммуникации создает сложность для восприятия информации и приводит к интерференционным потерям при понимании ее смысла» [Тимачев 2005: 15].

Таким образом, репрезентация обобщенного представления об интерференции как об отрицательном процессе, приводящем к отрицательному результату, через вербализацию лексем помеха – препятствие – трудность – сложность наглядно демонстрирует «преграды», которые задерживают осуществление межкультурного общения и замедляют процесс овладения иностранным языком.

Наконец, последний синонимический ряд, образованный контекстуальными синонимами сбой – провал – неудача, в самом общем виде репрезентирует последствия интерференции. В качестве интегрирующего признака можно, по-видимому, рассматривать наличие у каждого из них семы ‘неосуществление, нереализация задуманного’, в данном случае, либо при попытке вступить в межкультурное общение, либо в процессе овладения иностранным языком. По-видимому, наилучшим образом это можно проследить в представленных контекстах:

(156) «Ее возникновение [интерференции] вызвано лакунарностью культурной коннотации и всегда приводит к коммуникативным сбоям» [Тимачев 2005: 18];

(157) «Межъязыковая интерференция <...> может привести не просто к коммуникативным недоразумениям, но и к более серьезным последствиям таким, как коммуникативный провал, враждебное отношение к другой культуре или ее полное неприятие» [Тимачев 2005: 17];

(158) «Интерференция, непосредственно воздействующая на коммуникативное поведение серьезно затрудняет процесс общения, приводит к коммуникативным неудачам и даже конфликтам» [Ларина 2006: 174-175].

Таким образом, в образовании репрезентации слота ‘**результат**’ (ядерная часть) участвует 1 синонимический ряд ошибка – нарушение – отклонение; 1 синонимическая пара акцент – искажение и 2 независимых формы репрезентации концепта результат и перенос. К периферийным компонентам данного слота относятся 5 синонимических рядов: изменение – видоизменение – модификация; перестройка – переустройство – перераспределение; несоблюдение – девиация – отступление – неточность; помеха – препятствие – трудность – сложность; сбой – провал – неудача – потеря и 3 синонимические пары

следствие – последствие; переосмысление – пересмотр; дефект – недоразумение.

В ходе проведенного анализа между компонентами синонимических рядов было установлено наличие семантических отношений гипогиперонимии, а также отношения включения, смежности и тождества.

2.1.6. Синонимическая схема фрейма «интерференция»

Проанализировав контекстуальные синонимы, репрезентирующие совокупное представление об интерференции в методическом дискурсе, то есть участвующие в организации самого концепта «интерференция», и, распределив их по слотам фрейма, стало очевидным наличие не отдельно существующих синонимических пар/синонимических рядов (семантические отношения по горизонтали), но и взаимодействие составляющих их ядерных и периферийных компонентов, распределенных по разным слотам фрейма (семантические отношения по вертикали).

Думается, вышесказанное позволяет предположить наличие специфической синонимической схемы фрейма «интерференция», которая наглядным образом репрезентирует структуру рассматриваемого концепта и дает возможность сделать вывод о количественном соотношении синонимов, формирующих внутриотраслевую синонимию в методическом дискурсе.

Так, становится понятным, что наиболее проработанным оказывается слот **‘результат’**, поскольку для репрезентации данного слота было использовано наибольшее количество синонимов, тогда как наименьшее количество вербальных репрезентаций, полученных вследствие образования внутриотраслевой синонимии, сконцентрировано в слоте **‘локализация’**.

2.2. Вербальная репрезентация концепта «интерференция» во французском и испанском языках

В качестве источников практического материала на французском языке использовались статьи и тезисы по проблеме интерференции, опубликованные в электронных периодических изданиях (Интернет ресурсы), а также ряд монографий по данной теме, опубликованных в Интернете в формате .pdf (всего 800 контекстов). В частности были проанализированы материалы Международного коллоквиума «Родственные языки», Амьен, 21-24 ноября 2001 г. (Colloque international «Des Langues Collatérales" Amiens, 21 au 24 novembre 2001»), Коллоквиума U.R.L.D, Касабланка, 5-6 апреля 2001 г. (Colloque U.R.L.D. Casablanca, 5-6 avril 2001), 6-го Международного европейского конгресса CPLOL, Берлин, 15-17 сентября 2006 г. (6-ième Congrès CPLOL Européen, Berlin 15-17 septembre 2006); изучены материалы, опубликованные в педагогических изданиях: «Педагогические журналы» (Cahiers pédagogiques N° 381, 2000; Cahiers pédagogiques N°408, 2002; Cahiers pédagogiques N°450, 2007); Журнал исследований Африки «Многоязычие и творчество», 2001 г. (Cahiers d'études africaines «Plurilinguisme et création», 2001); статьи из Журнала Rifal «Языковое развитие: цели и перспективы», декабрь 2001 г. (Cahiers du Rifal «Développement linguistique: enjeux et perspectives», décembre 2001). Кроме того, были просмотрены статьи из энциклопедии Wikipédia по проблеме интерференции, а также проанализирован ряд монографий, среди которых были следующие: «Овладение языком в процессе изучения второго (французского)» / Жерар Винье (La maîtrise de la langue seconde dans les apprentissages du français /Gérard Vigner/IA-IPR de Lettres Académie de Versailles); «Метафонологическое развитие: сравнительное исследование, проведенное с детьми-билингвами и детьми-монолингвами» / Лоран Анжелик / Лаборатория «Познание, Коммуникация и Развитие» (Le développement métaphonologique: une étude comparative chez les enfants bilingues et monolingues / Laurent Angélique / Laboratoire «Cognition, Communication et Développement»); «Существование языков в

школах Квебека» / Эдит Бедар, Клод Сан-Жермен (La cohabitation linguistique en milieu scolaire au Québec / Édith Bédard, Claude St-Germain); «Многоязычное общение на фоне подготовки к пониманию романских языков» / Кристиан Дегаш, Моника Маспери (La communication plurilingue en toile de fond de l'entraînement à la compréhension des langues romaines / Christian Degache, Monica Masperi) и др.

Практическим материалом на испанском языке послужили публикации по проблемам интерференции, отобранные из электронных периодических изданий (всего 800 контекстов). В частности, были проанализированы статьи и тезисы, представленные в материалах I Международного симпозиума по проблемам билингвизма (Actas do I simposio Internacional sobre o Bilingüismo), Регионального Конгресса по науке и технологии NOA 2002, организованного Национальным Университетом г. Катамарка (Congreso regional de ciencia y tecnología NOA 2002 Universidad Nacional de Catamarca), Электронного журнала филологических исследований, № 2 за ноябрь 2001 г. (Revista electrónica de estudios filológicos, nov.2001, № 2), сборника V-ой Встречи по проблемам коренных и иностранных языков (Vº Encuentro de lenguas aborígenes y extranjeras), Ведомости IFP № 6, май 2004 (Boletín IFP, mayo 2004 № 6), а также ряд монографий и энциклопедических ссылок, например, «Билингвизм и образование в Каталунии / Рамон Сэрда (Bilingüismo y educación en Cataluña / Ramon Cerdà); «Анализ грамматических ошибок итальянских студентов, изучающих испанский язык» / Гутьеррес Кинтана Эстер (Análisis de errores gramaticales de italianos estudiantes de español / Gutierrez Quintana Esther); «Овладение иностранным языком (Я-2) и модели двуязычного образования в Сьерра Сур, Перу» / Сэсар Хаара Луна (Apropiación de la lengua extranjera (L-2) y modelos de educación bilingüe en la Sierra Sur del Perú / César Jara Luna); «От теории к практике: трудности выявления лингвистической интерференции и прочие явления контакта / Кармен Эрнандес Гарсия (De la teoría a la práctica : dificultades para la identificación de la interferencia lingüística y otros fenómenos de contacto / Carmen Hernández García).

Отобранные контексты, содержащие не только вербализацию концепта «интерференция» (*interférence/interferencia*), но и указание на определенные составляющие, относящиеся к слотам построенного ранее фрейма, были подвержены анализу с целью выявления контекстуальных синонимов концепта «интерференция» в методическом дискурсе на французском и испанском языках. Затем данные контекстуальные синонимы были распределены по принципу поля: ядро и периферия семантического поля «*interférence*» (французский язык) и семантического поля «*interferencia*» (испанский язык). К ядру семантического поля были отнесены контекстуальные синонимы, которые в количественном отношении составляют не менее 1% от общего числа всех контекстов, а к периферии, соответственно, все те единицы, процентный показатель которых не превышает 1%.

Проведя квантитативный анализ представленных в таблицах контекстуальных синонимов «*interférence*» (французский язык), можно заключить, что в ядре семантического поля «*interférence*» представлено 51,2% от общего количества синонимов, а в периферии поля – 49,6%. Количественный анализ контекстуальных синонимов «*interferencia*» (испанский язык), показал, что к ядру семантического поля «*interferencia*» относится 58,3% от общего количества синонимов, к периферии – 42% .

2.2.1. Синонимическая схема фрейма «интерференция» (французский язык)

В *Схеме 4.* представлен корпус контекстуальных синонимов семантического поля ‘*interférence*’ (ядерные компоненты) в соответствии с выделенными слотами фрейма концепта «интерференция».

Схема 4. Контекстуальные синонимы ядра

<i>ОБЪЕКТЫ</i>	<i>ЛОКАЛИЗАЦИЯ</i>	<i>ПРОЦЕСС</i>	<i>МЕХАНИЗМ</i>	<i>РЕЗУЛЬТАТ</i>
<i>langue</i> язык	<i>bilinguisme</i> двуязычие	<i>contact</i> контакт	<i>différence</i> различие	<i>transfert</i> перенесение
<i>forme</i> форма	<i>plurilinguisme</i> многоязычие	<i>cohabitation</i> сосуществование	<i>rapport à</i> отношение	<i>emprunt</i> заимствование
<i>structure</i> структура	<i>individu</i> индивид	<i>influence</i> влияние	-	<i>changement</i> изменение
<i>éléments</i> элементы	-	<i>cas</i> случай	-	<i>erreur</i> ошибка
<i>phénomène</i> явление	-	<i>immersion</i> погружение	-	<i>problème</i> проблема
-	-	-	-	<i>enjeu</i> цель, смысл

Далее представлены образовавшиеся синонимические ряды/пары, выделяемые на основе компонентного анализа контекстуальных синонимов.

Синонимические ряды ядра

Слот ‘объекты’:

- langue* (язык) – *structure* (структура) – *éléments*
(элементы)
- phénomène* (явление) – *forme* (форма)

Слот ‘локализация’:

- bilinguisme* (двуязычие/билингвизм) – *plurilinguisme*
(многоязычие)
- individu* (индивид)

Слот ‘процесс’:

- contact* (контакт) – *influence* (влияние)
- cas* (случай)
- cohabitation* (сосуществование) – *immersion*
(погружение)

Слот ‘механизм’:

1. *différence* (различие)
2. *rapport à* (отношение к...)

Слот ‘результат’:

1. *transfert* (перенесение) – *emprunt* (заимствование)
2. *changement* (изменение)
3. *erreur* (ошибка) – *problème*(проблема)
4. *enjeu* (цель, смысл)

В Схеме 5. представлен корпус контекстуальных синонимов семантического поля ‘*interférence*’ (периферийные компоненты) в соответствии со слотами фрейма концепта «интерференция».

Схема 5. Контекстуальные синонимы периферии

ОБЪЕКТЫ	ЛОКАЛИЗАЦИЯ	ПРОЦЕСС	МЕХАНИЗМ	РЕЗУЛЬТАТ
<i>item</i> единица	<i>communauté</i> общность	<i>concurrence</i> соперничество	<i>similitude</i> подобие	<i>obstacle</i> препятствие
<i>système</i> система	<i>monolinguisme</i> однойзычие	<i>passage</i> переход	<i>analogie</i> сходство	<i>calque</i> копия
<i>facteur</i> фактор	<i>bilingualité</i> двуязычность	<i>insertion</i> включение	<i>coïncidence</i> совпадение	<i>incorporation</i> включение
<i>catégories</i> категории	-	<i>interaction</i> взаимодействие	<i>ensemble</i> целостность	<i>intégration</i> включение
<i>idiome</i> язык	-	<i>intervention</i> вмешательство	<i>ressemblance</i> сходство	<i>effet</i> последствие
<i>standard</i> стандарт	-	<i>coexistence</i> сосуществование	<i>altérité</i> различие	<i>danger</i> опасность
-	-	<i>compétition</i> соперничество	<i>ambiguïté</i> двусмысленность	<i>risque</i> риск
-	-	<i>osmose</i> взаимовлияние	<i>déficit</i> нехватка	<i>assimilation</i> уподобление

ОБЪЕКТЫ	ЛОКАЛИЗАЦИЯ	ПРОЦЕСС	МЕХАНИЗМ	РЕЗУЛЬТАТ
-	-	<i>passerelle</i> переход	<i>opposition</i> противостояние	<i>écart</i> отклонение
-	-	-	<i>rappports</i> отношения	<i>menace</i> угроза
-	-	-	<i>adéquation</i> соответствие	<i>accent</i> акцент
-	-	-	<i>antipode</i> антипод	<i>conséquence</i> последствие
-	-	-	<i>carence</i> недостаток	<i>conversion</i> преобразование
-	-	-	<i>contraste</i> контраст	<i>déformation</i> искажение
-	-	-	<i>convergence</i> совпадение	<i>échange</i> обмен
-	-	-	<i>corrélation</i> соотношение	<i>métissage</i> смешение
-	-	-	<i>décalage</i> расхождение	<i>adversité</i> бедствие
-	-	-	<i>divergence</i> расхождение	<i>contamination</i> искажение
-	-	-	<i>diversification</i> разнообразие	<i>échec</i> провал
-	-	-	<i>gémiation</i> подобие	<i>écueil</i> препятствие
-	-	-	<i>homogénéité</i> однородность	<i>faute</i> ошибка
-	-	-	-	<i>modification</i> видоизменение
-	-	-	-	<i>piège</i> ловушка

Ниже представлены синонимические ряды/пары, выделяемые на основе компонентного анализа контекстуальных синонимов.

Синонимические ряды периферии

Слот 'объекты':

1. *item* (единица) – *catégories* (категории)
2. *système* (система) – *idiome* (язык)
3. *standard* (стандарт)
4. *facteur* (фактор)

Слот 'локализация':

1. *communauté* (общность)
2. *bilingualité* (билингвальность/ двуязычность)
3. *monolinguisme* (однойзычие/ монолингвизм)

Слот 'процесс':

1. *concurrency* (соперничество) – *compétition*
(соперничество)
2. *passage* (переход) – *passerelle* (переход)
3. *insertion* (включение, интеграция) – *intervention*
(вмешательство)
4. *interaction* (взаимодействие) – *osmose* (взаимовлияние)
5. *coexistence* (сосуществование)

Слот 'механизм':

1. *similitude* (подобие, сходство) – *analogie* (сходство) –
ressemblance (сходство) – *génération* (подобие);
2. *coïncidence* (совпадение) – *adéquation* (соответствие) –
convergence (совпадение) – *homogénéité* (однородность)
– *ensemble* (целостность);
3. *corrélation* (соотношение, связь) – *rapports*
(отношения);
4. *déficit* (нехватка) – *carence* (недостаток);
5. *opposition* (противоположность) – *contraste* (контраст) –
antipode (противоположность);
6. *décalage* (расхождение) – *divergence* (расхождение);
7. *ambiguïté* (двусмысленность)
8. *diversification* (разнообразие)

Слот 'результат':

1. transformation (преобразование) – conversion (преобразование) – modification (видоизменение);
2. transposition (перенос, преобразование) – variation (перемена, изменение) – revirement (полная перемена);
3. métissage (смешение) – assimilation (уподобление);
4. danger (опасность) – risque (риск) – menace (угроза);
5. obstacle (препятствие) – écueil (препятствие) – piège (ловушка);
6. faute (ошибка) – écart (отклонение) – accent (акцент);
7. effet (последствие) – conséquence (последствие);
8. adversité (несчастье, бедствие) – échec (провал);
9. déformation (искажение) – contamination (искажение);
10. incorporation (включение, смешивание) – intégration (включение);
11. échange (обмен) – remplacement (замена)
12. calque (калька, копия)

2.2.2. Синонимическая схема фрейма «интерференция» (испанский язык)

В Схеме 6. представлен корпус контекстуальных синонимов семантического поля ‘*interferencia*’ в соответствии с выделенными слотами фрейма концепта «интерференция». При этом сначала дается наполнение слотов фрейма ядерными компонентами, а затем – периферийными.

Схема 6. Контекстуальные синонимы ядра

ОБЪЕКТЫ	ЛОКАЛИЗАЦИЯ	ПРОЦЕСС	МЕХАНИЗМ	РЕЗУЛЬТАТ
<i>lengua</i> язык	<i>bilingüe</i> двуязычный	<i>contacto</i> контакт	<i>diferencia</i> различие	<i>error</i> ошибка
<i>fenómeno</i> явление	<i>bilingüismo</i> двуязычие	<i>caso</i> случай	<i>diferente</i> различный	<i>calco</i> калька, копия
<i>estructura</i> структура	<i>monolingüe</i> одноязычный	<i>alternancia</i> чередование	<i>variedad</i> разнообразие	<i>préstamo</i> заимствование
<i>código</i> правило	<i>comunidad</i> общность сообщество	<i>influencia</i> влияние	-	<i>transferencia</i> перенос
<i>norma</i> норма	-	<i>integración</i> интеграция	-	-
<i>elemento</i> элемент	-	-	-	-
<i>factor</i> фактор	-	-	-	-

Далее приводятся образовавшиеся синонимические ряды/пары, выделяемые на основе компонентного анализа контекстуальных синонимов.

Синонимические ряды ядра

Слот ‘объекты’:

1. *lengua* (язык) – *estructura* (структура) – *elemento*
(элемент)
2. *código* (правило) – *norma* (норма)
3. *fenómeno* (явление) – *factor* (фактор)

Слот ‘локализация’:

1. *bilingüe* (двуязычный/ билингв) – *bilingüismo*
(двуязычие/билингвизм)
2. *monolingüe* (одноязычный/монолингв)
3. *comunidad* (общность, сообщество)

Слот ‘процесс’:

1. *contacto* (контакт) – *influencia* (влияние)
2. *caso* (случай)
3. *alternancia* (чередование) – *integración* (интеграция)

Слот ‘механизм’:

1. *diferencia* (различие) – *variedad* (разница, разнообразие)

Слот ‘результат’:

1. *error* (ошибка)
2. *calco* (калька, копия)
3. *préstamo* (заимствование) – *transferencia* (перенос)

Схема 7. Контекстуальные синонимы периферии

ОБЪЕКТЫ	ЛОКАЛИЗАЦИЯ	ПРОЦЕСС	МЕХАНИЗМ	РЕЗУЛЬТАТ
<i>formas</i> формы	<i>diglosia</i> диглоссия	<i>proceso</i> процесс	<i>convergencia</i> совпадение	<i>cambio</i> изменение
<i>sistema</i> система	<i>plurilingüe</i> многоязычный	<i>interacción</i> взаимодействие	<i>equivalencia</i> равноценность	<i>desviación</i> отклонение
<i>reglas</i> правила	<i>monolingüismo</i> одноязычие	<i>transposición</i> перемещение	<i>falta</i> нехватка, ошибка	<i>conflicto</i> конфликт
<i>estándar</i> стандарт	<i>plurilingüismo</i> многоязычие	<i>fosilización</i> фоссилизация	<i>carencia</i> нехватка	<i>dificultad</i> трудность
<i>modelo</i> модель	<i>hablante</i> говорящий	<i>incidencia</i> пересечение	<i>divergencia</i> расхождение	<i>inadecuación</i> несоответствие
<i>idioma</i> язык	<i>polifonía</i> многоголосие	<i>influjo</i> влияние	<i>incoherencia</i> несоответствие	<i>intercambio</i> обмен
<i>pauta</i> образец	-	<i>invasión</i> вторжение	<i>ausencia</i> отсутствие	<i>trampa</i> ловушка
<i>trozo</i> фрагмент	-	<i>penetración</i> проникновение	<i>contraste</i> разница	<i>escollo</i> затруднение
<i>unidad</i> единица	-	<i>presión</i> давление	<i>deficiencia</i> недостаток	<i>fracaso</i> провал
-	-	-	<i>parentesco</i> общность	<i>peligro</i> опасность
-	-	-	<i>semejanza</i> сходство	<i>secuencia</i> (следствие)
-	-	-	<i>similitud</i> сходство	<i>anomalía</i> отклонение
-	-	-	<i>yuxtaposición</i> соположение	<i>consecuencia</i> последствие
-	-	-	-	<i>mezcla</i> смешение
-	-	-	-	<i>alteración</i> нарушение
-	-	-	-	<i>confluencia</i> слияние
-	-	-	-	<i>contaminación</i> искажение
-	-	-	-	<i>desliz</i> промах
-	-	-	-	<i>estrago</i> вред
-	-	-	-	<i>inexactitud</i> неточность
-	-	-	-	<i>irregularidad</i> отклонение
-	-	-	-	<i>modificación</i> изменение
-	-	-	-	<i>riesgo</i> риск

Синонимические ряды периферии

Слот ‘объекты’:

1. *formas* (формы) – *trozo* (фрагмент) – *unidad* (единица)
2. *sistema* (система) – *idioma* (язык)
3. *estándar* (стандарт) – *modelo* (модель) – *pauta* (образец)
– *reglas* (правила)

Слот ‘локализация’:

1. *hablante* (говорящий)
2. *monolingüismo* (однойзычие)
3. *diglosia* (диглоссия)
4. *plurilingüe* (многоязычный) – *plurilingüismo*
(многоязычие) – *polifonía* (многоголосие)

Слот ‘процесс’:

1. *proceso* (процесс) – *interacción* (взаимодействие) –
influjo (влияние)
2. *penetración* (проникновение) – *invasión* (вмешательство)
– *presión* (давление)
3. *transposición* (перемещение)
4. *fosilización* (фоссилизация)
5. *incidencia* (пересечение)

Слот ‘механизм’:

1. *convergencia* (совпадение) – *equivalencia*
(равноценность) – *yuxtaposición* (соположение);
2. *parentesco* (общность) – *semejanza* (сходство) –
similitud (сходство);
3. *falta* (нехватка, ошибка) – *carencia* (нехватка) –
ausencia (отсутствие) – *deficiencia* (недостаток);
4. *divergencia* (расхождение) – *incoherencia*
(несоответствие) – *contraste* (разница)

Слот ‘результат’:

1. *cambio* (изменение) – *intercambio* (обмен) – *modificación* (изменение);
2. *desviación* (отклонение) – *anomalía* (отклонение) – *irregularidad* (отклонение) – *contaminación* (искажение) – *inadecuación* (несоответствие);
3. *conflicto* (конфликт) – *peligro* (опасность) – *riesgo* (риск) – *estrago* (вред);
4. *dificultad* (трудность) – *escollo* (затруднение) – *trampa* (ловушка);
5. *fracaso* (провал) – *desliz* (промах) – *inexactitud* (неточность);
7. *secuencia* (следствие) – *consecuencia* (последствие);
8. *mezcla* (смешение) – *confluencia* (слияние)

2.2.3. Сравнительно-сопоставительная характеристика синонимии в методическом дискурсе (русский, французский, испанский языки)

Обращение к вербальной репрезентации концепта «интерференция», а именно изучение контекстуальных синонимов, преобразующихся во внутриотраслевую синонимию в каждом из представленных языков (русский, французский, испанский) позволило нам составить представление о самом концепте «интерференция», который в совокупности разноязычных типов дискурса предстает в виде обширной семантико-синонимической парадигмы. При этом составляющие ее отдельные компоненты (контекстуальные синонимы) объединяются в синонимические ряды/пары и вступают во взаимодействие как с компонентами одного порядка (внутри ядра или внутри периферии), так и с компонентами, относящимися к разным зонам семантического поля (отношения между ядром и периферией). Кроме того, было обнаружено, что в каждом из представленных языков имеются

«ключевые слова» суть вербализованные элементы концепта «интерференция», которые в большинстве случаев оказываются эквивалентными друг другу.

В связи с этим, следуя заявленной логике изложения материала, в 5 схемах (*схемы 8, 9, 10, 11, 12*, см. Приложения) представлены слоты фрейма концепта «интерференция», наполненные контекстуальными синонимами на трех языках (русский, французский, испанский).

2.3. Особенности репрезентации концепта «интерференция» в методическом дискурсе

Выявление общих и специфических закономерностей репрезентации концепта «интерференция» производилось в ходе сравнительного анализа синонимических схем методического дискурса русского, французского и испанского языков.

Как свидетельствуют результаты проведенного анализа, наиболее репрезентативным в методическом дискурсе всех трех языков оказался слот **‘результат’**. Во всех языках синонимы, участвующие в репрезентации данного слота, составляют доминантную часть как ядра, так и периферии семантического поля, но в то же время следует отметить значительное возрастание доли данного синонимического ряда в периферии поля. Кроме того, для методического дискурса всех языков характерно наличие отрицательной оценки у синонимов, репрезентирующих слот **‘результат’** концепта «интерференция», за исключением ядерной зоны в испанском языке, в которой доминируют синонимы с нейтральной оценкой.

Самым слабо репрезентированным является слот **‘локализация’**, поскольку количество синонимов репрезентирующих данный слот является минимальным во всех трех языках. Соотношение ядра и периферии семантического поля при репрезентации слота локализация аналогично во всех языках.

Слот **‘объекты’** умеренно репрезентирован во всех языках, однако при этом обнаруживается специфика репрезентации на уровне ядра и периферии поля. Ядро семантического поля является наибольшим в испаноязычном дискурсе, а наименьшим – в русскоязычном. Что касается структуры периферии поля, то характерным для репрезентации данного слота является присутствие в периферийной зоне французского и испанского языков ядерных компонентов русского языка (*система*) и, наоборот, в ядерной зоне русского языка компонентов семантического поля французского и испанского языков (*компонент*, *структура* и др.).

Тенденции репрезентации слота **‘процесс’** являются аналогичными во всех языках, что проявляется в стойком преобладании периферийных компонентов семантического поля над ядерными. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в русскоязычном дискурсе.

Репрезентация слота **‘механизм’** характеризуется еще более выраженной тенденцией к диспропорции периферийных и ядерных компонентов, что проявляется в преобладании периферийных компонентов поля в материале всех языков. Более того, для данного семантического поля характерно наличие множественных связей между ядерными и периферийными компонентами, в том числе антосинонимических³.

Подводя итоги, следует выделить общие и специфические черты репрезентации концепта «интерференция» в разных языках. Общие закономерности проявляются в том, что во всех языках доминируют компоненты, репрезентирующие слот **‘результат’**. В то же время самым слабо репрезентативным во всех языках оказался слот **‘локализация’**. В репрезентации слотов **‘процесс’** и **‘механизм’** во всех языках наиболее активными являются периферийные компоненты семантического поля. Специфическими являются тенденции максимальной активности ядра семантического поля в репрезентации слота **‘объекты’** в испанском языке и его минимальной активности – в русском, наличием преимущественно нейтрально окрашенных синонимов, репрезентирующих слот **‘результат’** в испанском языке в сравнении с тенденцией к отрицательной оценке, проявляющейся при репрезентации данного слота, в других языках. Специфичным является усиление репрезентации слота **‘процесс’** в русскоязычном дискурсе за счет активизации периферии семантического поля. Заслуживает особого внимания и перераспределение компонентов между ядром и

³ Антосинонимы - "лексемы, которые в контексте могут выступать по отношению друг к другу одновременно как антонимы и как синонимы" [Лабутина 2007: 156].

периферией поля в русскоязычном дискурсе по сравнению с французским и испанским.

Полученные результаты позволяют предположить, что максимальная репрезентация слота **‘результат’** обусловлена господством узкого и, по-видимому, устаревшего понимания феномена интерференции в методической науке, сводящегося к определению интерференции как явления негативного, как ошибки. Слабая репрезентация слота **‘локализация’** во всех языках указывает на так называемую концептуальную лакуну, возникающую при недостаточном научном интересе и слабой изученности данной проблемы, особенно в когнитивном аспекте.

В целом синонимия в методическом дискурсе представляется универсальным явлением, источником которого, по всей вероятности, следует признать концептуализацию научного знания в ходе развития методики преподавания иностранных языков как науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когнитивное направление современной лингвистики, характеризующееся обращенностью к человеку, ставит одной из своих главных целей проникновение в механизмы языковых явлений, с учетом не только собственно языковой, но и внеязыковой информации. В этом отношении чрезвычайно значимыми оказываются механизмы познания окружающего мира в целом, и познавательная деятельность человека в частности.

Обращение к центральным категориям когнитивной лингвистики, таким как дискурс, концепт, фрейм, позволяет использовать в исследовательской работе принципы междисциплинарности и интегративности, что, несомненно, открывает широкие перспективы изучения традиционных языковых явлений с качественно новых позиций. Так, принимая во внимание тот факт, что в процессе профессиональной деятельности происходит концептуализация прошлого опыта, репрезентируемая через вербальные языковые единицы, можно составить целокупную картину о специфическом дискурсе, в данном случае – дискурсе методическом, или дискурсе методики преподавания иностранных языков. Специфика данного типа дискурса связана с самой историей развития методики как науки, рассматривавшейся долгое время в качестве прикладной отрасли психологии, лингвистики, дидактики, и заключена в интегративности и открытости методического дискурса к новым направлениям исследования, а значит, к установлению междисциплинарных связей и соответствий.

В данной монографии была предпринята попытка исследования методического дискурса с позиций концептуально-дискурсивного анализа, при котором в качестве предмета изучения выступала внутриотраслевая синонимия, обнаруживаемая в дискурсе методики обучения иностранным языкам. Было установлено, что внутриотраслевая синонимия является продуктом сложного многоступенчатого когнитивного преобразования, в основе которого лежат процессы концептуальной интеграции, обусловленные в свою очередь концептуа-

лизацией и развитием специального знания в дискурсе. Обращение к последним достижениям когнитивного терминоведения, в рамках которого применяются категории когнитивной лингвистики (дискурс, концепт, фрейм), позволило рассмотреть динамику развития явления синонимии в специальной сфере. Так, отталкиваясь от того, что концептуальная интеграция лежит в основе контекстуальной синонимии, которая при непосредственной вербализации в дискурсе свидетельствует о динамическом характере развития науки, и при упорядочивании преобразуется в синонимию внутриотраслевую, по-видимому, можно констатировать существование и функционирование универсального механизма концептуализации научного знания. При этом об указанной концептуализации можно судить только на основе рассмотрения вербальных репрезентаций отдельных сторон концепта, которые фактом своей реализации и закрепления в дискурсе фиксируют и хранят совокупное знание специальной сферы языка, образуя тем самым его концептосферу. Таким образом, обозначив триаду «дискурс – концепт – фрейм», под которыми в настоящем исследовании понимается, соответственно, вербально опосредованная деятельность в специальной сфере – совокупность всех видов знания по определенному вопросу – способ структурирования концепта, можно выйти на качественно новый уровень анализа традиционных языковых явлений.

Указанные выше теоретические предпосылки формирования процессов концептуализации навели на мысль о том, что существует как «идеальное» представление научного знания суть научный концепт, так и «реальная» его репрезентация, то есть реализованные в языковой форме представления. Причем совсем не обязательно имеющиеся вербализованные единицы концепта полностью отражают всю его многослойную структуру, в связи с чем принципиально важным видится применение концептуального анализа вербализованных компонентов, поскольку за каждым из них в зависимости от той или иной дистрибуции, различной сочетаемости, скрывается указание на ту или иную грань научного концепта. Так, можно констатировать, что «не случайно в языке существует большое количество синонимов, употребление которых детерминировано разными струк-

турными схемами предложений. Другими словами, структурная схема является своеобразным фильтром для употребления в той или иной модели» [Прохорова 2005: 138]. В проведенном исследовании был рассмотрен процесс перехода контекстуальной синонимии (не упорядоченной, зависимой от контекста, стихийной) во внутриотраслевую синонимию, упорядоченную в соответствии с разработанной пятикомпонентной моделью репрезентации концепта, которая и явилась своеобразным «фильтром», при составлении синонимических рядов.

Построенные синонимические ряды позволили выявить специфику семантических отношений, существующих как между компонентами каждого синонимического ряда, так и между синонимическими рядами внутри контекстно-синонимического поля «интерференция». Оно, в свою очередь, оказывается внешней репрезентацией (через вербализованные компоненты) многообразия внутренней организации методического концепта «интерференция». Было установлено, что наиболее продуктивной оказалась репрезентация слота **‘результат’**, а наименее продуктивной – слота **‘локализация’**, что, по нашему мнению, можно объяснить следующим образом. В проанализированном корпусе методического дискурса, под которым помимо вербально опосредованной деятельности в специальной сфере, понимается и «интегративная совокупность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в коммуникативном и функционально-стилевом отношении» [Чернявская 2004: 21] в наибольшей степени отражен непосредственный результат интерференции, репрезентируемый в слоте **‘результат’**. Это проявляется в разнообразии его вербальных репрезентаций (в образовании слота **‘результат’**, например, участвует 6 синонимических рядов, 4 синонимические пары, 2 самостоятельные вербальные единицы, не образующие синонимических объединений) и говорит об очевидности результата интерференции как процесса взаимодействия языковых систем.

Вместе с тем, наименьшее количество вербализованных элементов выявлено при распределении контекстуальных синонимов по слоту **‘локализация’** - 1 синонимическая пара,

2 независимых вербальных единицы, одна из которых относится к ядру семантического поля «интерференция», а другая к периферии. При этом между контекстуальными синонимами, не входящими в синонимические объединения, можно установить семантические отношения тождества и взаимозаменяемости, что говорит о возможности использования в методическом дискурсе одного вместо другого.

На основе такого неравномерного распределения контекстуальных синонимов по слотам разработанной пятикомпонентной структуры, делается вывод о наличии концептуальных лакун в структуре методического концепта. Так, например, можно констатировать отсутствие исследований по проблеме интерференции, где за точку отсчета брался бы человек как активный деятель познания, а не производился бы механический контрастивный анализ языковых систем. Думается, что в свете современной антропоцентрической лингвистики изучение механизмов интерференции должно вестись с позиций когнитивной науки с обязательным применением методов концептуализации и категоризации знания, что позволит составить представление о прямой связи языка с человеком, его деятельностью и познанием.

Выявление общих и специфических закономерностей репрезентации концепта «интерференция» производилось в ходе сравнительного анализа синонимических схем методического дискурса русского, французского и испанского языков. Общие закономерности проявляются в том, что во всех языках доминируют компоненты, репрезентирующие слот **‘результат’**. В то же время самым слабо репрезентативным во всех языках оказался слот **‘локализация’**. В репрезентации слотов **‘процесс’** и **‘механизм’** во всех языках наиболее активными являются периферийные компоненты семантического поля.

Специфическими являются тенденции максимальной активности ядра семантического поля в репрезентации слота **‘объекты’** в испанском языке и его минимальной активности – в русском, наличием преимущественно нейтрально окрашенных синонимов, репрезентирующих слот **‘результат’** в испанском языке в сравнении с тенденцией к отрицательной оценке, проявляющейся при репрезентации данного слота, в других

языках. Специфичным является усиление репрезентации слота **‘процесс’** в русскоязычном дискурсе за счет активизации периферии семантического поля. Заслуживает особого внимания и перераспределение компонентов между ядром и периферией поля в русскоязычном дискурсе по сравнению с французским и испанским.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод о том, что при изучении методического дискурса и формирующихся в нем концептов следует применять последние достижения когнитивной лингвистики и интерпретировать полученные результаты с позиций когнитивного знания. В связи с этим рассмотренная в данном исследовании внутриотраслевая синонимия, возникающая на основе концептуализации, предстает как лингвокогнитивный феномен, позволяющий судить об уровне развития специального знания в дискурсе. Перспективы дальнейшего изучения процессов концептуализации и их роли в формировании методического дискурса видятся в обращении к исследованию других основополагающих концептов методики преподавания иностранных языков, что позволит обосновать и изучить когнитивные процессы, происходящие в сознании языковой личности, с когнитивно-дискурсивной точки зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдигалиев, С.А.* Интерференция на уровне лексического сочетания / С.А. Абдигалиев // Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984. – С.30-38.
2. *Абиева, Н.А.* Значение образных ментальных репрезентаций для эволюции сознания / Н.А. Абиева // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. ст. к юбилею проф. Н.А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 80-92.
3. *Айтжанов, Т.Б.* Языковые контакты и интерференция / Т.Б. Айтжанов // Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984. – С.17-19.
4. *Аксенова, Г.Н.* Интерпретация смысла учебного рифмованного дискурса как одно из средств минимизации иноязычной интерференции / Г.Н. Аксенова // Билингвизм, интерференция, акцент: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Иван. гос. ун-т. 2001. – С. 13-18.
5. *Александрова, О.В.* Проблема дискурса в современной лингвистике / О.В. Александрова // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1999. – С. 9-13.
6. *Александрова, О.В.* Общие и частные проблемы филологии и когнитивной лингвистики / О.В. Александрова // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 40-46.
7. *Алексеева, Л.М.* Проблемы термина и терминообразования / Л.М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. – 120 с.
8. *Алексеева, Л.М.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.

9. *Алексеева, Л.М.* О тенденциях развития современного терминоведения / Л.М.Алексеева, С.Л. Мишланова // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: междунар. сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2007. – С. 8-11.
10. *Алефиренко, Н.Ф.* Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003.
11. *Алефиренко, Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
12. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
13. *Арутюнова, Н.Д.* Дискурс / Арутюнова Н.Д. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов.энциклопедия, 1990. С.136-137.
14. *Архипов, И.К.* «Знак-предмет» и «знак-ситуация»: текст и дискурс / И.К. Архипов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. – СПб., 2001. – С. 46-58.
15. *Ахметзянова, Ф.С.* Интерференция родного и русского языков при контакте с немецким в условиях национально-русского двуязычия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Ф.С. Ахметзянова. – Тобольск, 2005. – 19 с.
16. *Бабина, Л.В.* Концептуальная деривация и ее проявление на языковом уровне / Л.В. Бабина // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 141-149.
17. *Бабурина, Е.В.* Явление интерференции в создании и переводе метафоры (на материале англоязычных и русскоязычных художественных текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Е.В. Бабурина: – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2001. – 22 с.

18. *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. / А.П. Бабушкин – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 41 с.
19. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
20. *Баранникова, Л.И.* Сущность интерференции и специфика ее проявления / Л.И. Баранникова // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. – М., 1972. – С.88-89.
21. *Баранов, А.Г.* Когнитивность текстовой деятельности / А.Г. Баранов // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. – М., 1997. – С.20-21.
22. *Баранов, А.Г.* Уровни когнитивности в текстовой деятельности / А.Г. Баранов // Когнитивная парадигма. – Пятигорск, 2000. – С.24-27.
23. *Баранов, А.Н.* Концептуальная модель значения идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики. Немецкий яз: сб. науч. тр. – Тверь, 1991. – С. 3-13.
24. *Барышников, Н.В.* Обучение французскому языку в средней школе: вопросы и ответы / Н.В. Барышников: кн. для учителя. – М., 1992. – 128 с.
25. *Белова, Т.И.* Владение родным языком и обучение иностранному как единый процесс речевого развития / Т.И. Белова // Лингвистические и психолингвистические проблемы усвоения второго языка: материалы межвуз. науч. конф., 25-28 ноября 2002 г., Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2003. – С. 118-121.
26. *Белявская, Е.Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова / Е.Г. Белявская // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994. – С.87-111.

27. *Бенвенист, Э.* Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 4. – М.: Прогресс, 1965. – С.434-449.
28. *Бережан, С.Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц / С.Г. Бережан: монография. – Кишинев: Штиница, 1973. – 372 с.
29. *Берестнев, Г.И.* Семантика русского языка в когнитивном аспекте / Г.И. Берестнев; Калинингр. гос. ун-т. – Калининград, 2002. – 156 с.
30. *Бертогаев, Т.А.* Билингвизм и его разновидности в системе употребления / Т.А. Бертогаев // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. – М., 1972. – С. 82-88.
31. *Бершадская, Г.В.* Фонетическая интерференция на слоговом уровне (Экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дисс.... канд. филол. наук. / Г.В. Бершадская: – М., 1981. – 22 с.
32. *Болдырев, Н.Н.* Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. С. 23-27.
33. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 18-36.
34. *Болдырев, Н.Н.* Модусные категории в языке / Н.Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. ст. к юбилею проф. Н.А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 31-46.
35. *Бондарко, А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка / А.В. Бондарко; Ин-т лингв. исслед. РАН. – М.: Языки слав. культуры, 2002. – 736 с.

36. *Бондарко, Л.В.* Интерференция звуковых систем / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая. – Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 280 с.
37. *Бугаева, И.В.* Фонемно-графемная интерференция при языковом контакте (в условиях англо-русского билингвизма): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / И.В. Бугаева. – Л., 1989. – 16 с.
38. *Бухаров, В.М.* Межкультурная коммуникация и преподавание лингвистических дисциплин / В.М. Бухаров // Проблемы межкультурной коммуникации. – Нижний Новгород, 2000. – Ч.1. – С. 16-19.
39. *Вайнрайх, У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. яз. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
40. *Васильева, Н.В.* Термин / Н.В. Васильева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. – 685 с.
41. *Виленская, Н.Е.* Роль языковой интерференции в формировании словообразовательных рядов заимствованными элементами в английский язык / Н.Е. Виленская // Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984. – С.89-96.
42. *Виллюман, В.Г.* Английская синонимика / В.Г. Виллюман: учеб. пособие для вузов – М.: Высш. шк., 1980. – 128 с.
43. *Виноградов, В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В.В. Виноградов. – М., 1956.
44. *Виноградов, В.В.* Избранные труды: лексикология и лексикография. / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
45. *Виноградов, В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 649 с.
46. *Вшневская, Г.М.* Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка):

автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Г.М. Вишневская. – СПб: 1993. – 32 с.

47. *Волкова, И.Н.* Моделирование определений в терминологических стандартах // Современные проблемы русской терминологии. / И.Н. Волкова – М.: Наука, 1986. – С.140-162.
48. *Володина, М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.
49. *Володина, М.Н.* Термин как средство специальной информации / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 80 с.
50. *Воркачев, С.Г.* Концепт как «зонтиковый» термин / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – Вып. 24. – С. 5-12.
51. *Воркачев, С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002.– Вып.3.
52. *Воркачев, С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
53. *Гак, В.Г.* Сопоставительная лексикология: на материале франц. и рус. яз. / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
54. *Гак, В.Г.* Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии / В.Г. Гак // Семиотические проблемы языков науки и информатики.– М., 1971. – Ч.1. – С.68-71.
55. *Гальскова, Н.Д.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин.яз. высш. пед. учеб. заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 336 с.

56. *Гарбовский, Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 144 с.
57. *Гвоздев, А.Н.* Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев. – М., 1965.
58. *Герд, А.С.* Формирование терминологической структуры русского биологического текста / А.С. Герд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 112с.
59. *Гируцкий, А. А.* Лексическая интерференция при переводе как особом виде билингвизма (на материале переводов белорусской поэзии на русский язык): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Гируцкий. – Минск, 1981. – 22 с.
60. *Головин, Б.Н.* Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин – М.: Высш. шк., 1987. – 103 с.
61. *Грачева, Л.Е.* Изучение фонетической интерференции в условиях искусственного триязычия /Л.Е. Грачева // Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984 – С.19-30.
62. *Гречко, В.А.* Лексическая синонимика современного русского литературного языка / В.А. Гречко. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 151 с.
63. *Григорьев, И.Н.* Литературный билингвизм В.Набокова: синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя: автореф. дисс... канд. филол. наук / И.Н. Григорьев. – Пермь, 2005. – 35 с.
64. *Громова, И.А.* Когнитивные аспекты семантики юридического термина (на материале английской юридической терминологии) / И.А. Громова // Когнитивно-прагматические особенности лингвистических исследований: сб. науч. тр. Калинингр. ун-та. – Калининград, 1999. – С. 62-69.
65. *Грузберг, Л.А.* Концепт как культурно-ментально-языковое образование / Л.А. Грузберг // Изменяющийся языковой

мир: материалы междунар. науч. конф. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.

66. *Гуреев, В.А.* Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В.А. Гуреев // *Вопр. языкознания.* – 2004. – № 2. – С.57-67.
67. *Данеш, Ф.* Экология языка малого народа / Ф. Данеш, С. Чмейркова // *Язык, культура, этнос.* – М., 1994.
68. *Даниленко, В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 127 с.
69. *Демьянков, В.З.* Доминирующие лингвистические теории во второй половине XX века / В.З. Демьянков // *Язык и наука конца 20 века.* – М., 1995. С. 239-320.
70. *Демьянков, В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В.З. Демьянков // *Вопросы филологии.* – 2001. – № 1. – С. 35-47.
71. *Дешериев, Ю.Д.* Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко // *Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст.* – М.: Наука, 1972. – С. 26-42.
72. *Дугашева, К.К.* Изучение фонетической интерференции в методических целях в условиях искусственного триязычия / К.К. Дугашева // *Сравнительно- сопоставительное изучение языков и интерференция: сб.науч. трудов.* – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1989. – С. 17-22.
73. *Ельцова, Л.Ф.* Термин в научной коммуникации / Л.Ф. Ельцова // *Научно-техническая терминология: научно-технический реферативный сборник.* – М.: ВНИИКИ, 2002. – Вып. 2. – С.26-27.
74. *Ершова, Е.Н.* О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможностях их использования в методике преподавания языков / Е.Н. Ершова // *Проблемы двуязычия и многоязычия: сб.ст.* – М., 1972. – С. 130-139.

75. *Жарковская, И.В.* Когнитивно-дискурсивный подход к определению семантических синонимов / И.В. Жарковская // Культура народов Причерноморья: науч. журн. / Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. – 2006. – № 82, т. 1.– С. 143-145.
76. *Жилин, И.М.* Синонимика в синтаксисе современного немецкого языка / И.М. Жилин. – Краснодар, 1974.
77. *Залевская, А.А.* Введение в психолингвистику: учеб. для вузов / А.А. Залевская. – М: Рос. гуманитар. ун-т, 2000. – 382 с.
78. *Зацепина, О.С.* Диахроническое исследование синонимии в химической терминологии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О.С. Зацепина. – М., 1993. – 26 с.
79. *Зенчук, В.Н.* Интерференция близкородственных языков как причина некоторых устойчивых синтаксических ошибок / В.Н. Зенчук // Психология и методика обучения второму языку. Механизм переноса речевых навыков и умений: сб. статей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – С.41-42.
80. *Зусман, В.* Концепт в межкультурной коммуникации / В. Зусман // Проблемы межкультурной коммуникации. Нижний Новгород, 2000. – Ч.1. – С. 10-15.
81. *Иванова, А.И.* Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте (на материале журнальных статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.И. Иванова. – Тверь, 2006. – 19 с.
82. *Ивина, Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учеб.-метод. пособие / Л.В. Ивина. – М.: Академич. проект, 2003. – 304 с.
83. *Исаев, М.К.* Акцентная структура английского слова в интерферированной речи /М.К. Исаев // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция: сб. науч. тр. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1989. – С. 155-161.

84. *Канделаки, Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
85. *Карасик, В.И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. – Воронеж, ВГУ, 2001. – С. 75-80.
86. *Карасик, В.И.* Здравый смысл как лингвокультурный концепт / В.И. Карасик // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 184-203.
87. *Караулов, Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М.: 1989. С. 3-8.
88. *Карлинский, А.Е.* Экспериментальное изучение лексической интерференции в прикладных целях // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. сб. науч. тр. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1989. – С. 51-60.
89. *Кашкин, В.Б.* Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 337-353.
90. *Кибрик, А.Е.* Современная лингвистика: откуда и куда? / А.Е. Кибрик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 1995. – С. 84-92.
91. *Кобозева, И.М.* Лингвистическая семантика: учебник / И.А. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
92. *Кобрин, Н.А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации / Н.А. Кобрин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 77-94.
93. *Ковылина, Л.Н.* Различия в порядке следования элементов предложения как источник интерференции /Л.Н. Ковылина

// Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984. – С. 62-71.

94. *Колесникова, И.Л.* Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. – СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информ. центр «Блиц»; «Cambridge University Press», 2001. – 224 с.
95. *Комарова, З.И.* Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 155с.
96. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение. Курс лекций / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 2000. – 192 с.
97. *Кощей, Л.А.* Ното loquens как исходная реальность и объект филологии / Л.А. Кощей, А.А. Чувакин // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. – Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»). – С. 158-160.
98. *Красавский, Н.А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 35 с.
99. *Краснова, Т.А.* Просодическая интерференция при взаимодействии лексико-грамматических и интонационных средств (экспериментально-фонетическое исследование на материале вопросительных предложений удмурдского, русского и английского языков: автореф. дис... кан. филол. наук / Т.А. Краснова. – Л., 1985. – 14 с.
100. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
101. *Красных, В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В.В. Красных. – М., 2001.
102. *Кубланова, М.М.* Языковая интерференция на уровне интонации (на материале английского языка: автореф.

дисс... канд. филол. наук / М.М. Кубланова. – М., 2003. – 24 с.

103. *Кубрякова, Е.С.* Когнитивный аспекты в исследовании семантики слова /Е.С. Кубрякова // Семантика языковых единиц. – М., 1998. – Т.1. – С.47-50.
104. *Кубрякова, Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) /Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995₁. – С. 144-238.
105. *Кубрякова, Е.С.* Номинативный акт и его когнитивно-прагматические аспекты /Е.С. Кубрякова // Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики: сб. науч. тр. – М., 1995₂. – С. 9-15.
106. *Кубрякова, Е.С.* О связях когнитивной науки с семиотикой (определение инетерпретанты языка) / Е.С. Кубрякова // Язык и культура: Факты и ценности: К 70 – летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 283-291.
107. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
108. *Лабутина, В.* Антосинонимия как средство словесного манипулирования и вариативной интерпретации действительности / В. Лабутина // Когнитивное моделирование в лингвистике. – София, 2007. – С. 156-160.
109. *Лаврентьева, Н.Г.* О характере реализации словесного ударения в условиях интерференции / Н.Г. Лаврентьева // Билингвизм, интерференция, акцент: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Иван. гос. ун-т., 2002 – С. 55-58.
110. *Лapidус, Б.А.* Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе / Б.А. Лapidус. – М.: Высш. шк., 1986. – 143 с.

111. *Лапина, Л.Г.* Внутриотраслевая синонимия в процессе становления иммунологической терминосистемы немецкого языка / Л.Г. Лапина, С.Л. Мишланова / Молодые ученые и студенты - науке и производству: тез. докл. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1996. – С.72-73.
112. *Ларина, Т.В.* Лингвокультурная коммуникативная интерференция и проблемы понимания /Т.В. Ларина // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. – Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»). – С. 174-175.
113. *Левицкий, Ю.А.* Общее языкознание: учеб. пособие / Ю.А. Левицкий; Перм. ун-т. – Пермь, 2004. – 296 с.
114. *Лейчик, В.М.* Место терминов в процессах вербализации концептов / В.М. Лейчик // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симпозиума, Волгоград, 22-24 мая 2003 г. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч.2. – С. 273-276.
115. *Лейчик, В.М.* Российское терминоведение: опыт синтеза «старой» и «новой» парадигмы / В.М. Лейчик, С.Д. Шелов // Научно-техническая терминология. Научно-технический реферативный сборник: материалы 10-й международной научной конференции по терминологии. – М., ВНИИКИ. 2004. – Вып. 1. – С.47-48.
116. *Лейчик, В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. / В.М. Лейчик. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
117. *Лейчик, В.М.* Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI веков / В.М. Лейчик // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. – М.: Рязань, 2007. – Вып. 5. – С. 121-132.

118. *Лотте, Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте . – М.: Наука, 1982. – 149 с.
119. *Любимова, Н.А.* Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Н.А. Любимова. – СПб., 1991. – 33 с.
120. *Любимова, Н.А.* Фонетическая интерференция / Н.А. Любимова. – Ленинград, 1985. – 55 с.
121. *Максимов, Л.Ю.* О грамматической синонимии в русском языке / Л.Ю. Максимов. – М., 1966.
122. *Манерко, Л.А.* Сложноструктурное субстантивное словосочетание: Когнитивно-дискурсивный аспект (на материале технической литературы современного английского языка): дис. ...д-ра филол. наук / Л.А. Манерко. – М., 2000.
123. *Манерко, Л.А.* Основы концептуального интегрирования ментальных пространств / Л.А. Манерко // Текст и Дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань, Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та, 2002. – С.17-29.
124. *Манерко, Л.А.* Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения/ Л.А. Манерко // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр. – М., Рязань, 2003. – С. 120-126.
125. *Манерко, Л.А.* Концептуально-смысловое пространство текста / Л.А. Манерко // Теория и практика германских и романских языков: материалы 5-й всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск: Изд-во ГОУ УлГПУ, 2004. – С. 24-28.
126. *Манерко, Л.А.* Современные тенденции развития отечественной когнитивной лингвистики / Л.А. Манерко // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. – М.: Рязань, 2007. – Вып. 5. – С. 30-38.

127. *Маринова, Е.В.* Синонимия и вариативность в лингвистической терминологии: автореф. дисс... канд. филол. наук / Е.В. Маринова. – Нижний Новгород, 1998. – 20 с.
128. *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004.
129. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для вузов / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 204 с.
130. *Миллер, Л.В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
131. *Минский, М.* Фреймы для представления знаний / М. Минский/ – [пер. с англ.] – М.: Энергия, 1979 – 151 с.
132. *Минский, М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский; пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 281-309.
133. *Михайлов, М.М.* Двухязычие и взаимовлияние языков / М.М. Михайлов // Проблемы двухязычия и многоязычия: сб.ст. – М., 1972. – С.197-203.
134. *Мишланова, С.Л.,* Современная концептосфера: направления и перспективы / С.Л. Мишланова, Т.М. Пермякова // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр./ – Перм. ун-т. – Пермь, 2004. – С. 351-364.
135. *Невмержицкий, И.С.* Грамматическая интерференция в условиях искусственного билингвизма: автореф. дисс... канд. филол. наук / И.С. Невмержицкий. – Киев, 1987. – 23 с.
136. *Никитин, М.В.* Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
137. *Новикене, В.Е.* Интерференция и транспозиция при обучении чтению на русском языке в 4-5-ых классах

- литовской школы: автореф. дисс... канд. пед. наук / В.Е. Новикене. – М.: 1986. – 16 с.
138. *Новиков, Л.А.* Семантика русского языка: учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.
139. *Новиков Л.А.* Синонимия / Л.А. Новиков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. [2-е изд.] – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. – С. 446-447.
140. *Новодранова, В.Ф.* Когнитивный подход к изучению терминологии / Н.Ф. Новодранова // Терминоведение. – М., 1997. – №1-3. – С.13-14.
141. *Новодранова, В.Ф.* Когнитивное терминоведение / В.Ф. Новодранова // Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Московский Лицей, 2006. – С. 82-84.
142. *Новодранова, В.Ф.* Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP)/ В.Ф. Новодранова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. – М.: Рязань, 2007. – Вып. 5. – С. 136-140.
143. *Нугуманова, А.А.* Интерференция и некоторые особенности преподавания второго языка в национальных отделениях вузов / А.А. Нугуманова // Лингвистические и психолингвистические проблемы усвоения второго языка: материалы межвуз. науч. конф. – Перм. гос. пед.ун-т. – Пермь, 2003. – С.174-176.
144. *Орус-Оол, Э.Д.* Работа по коррекции ошибок интерферентного характера на практикуме по русскому языку в педвузе / Э.Д. Орус-Оол // Проблемы двуязычия в национальной школе: сб. ст. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С.154-163.
145. *Палевская, М.Ф.* Проблемы синонимического ряда, его границ и возможности выделения доминанты / М.Ф. Палевская // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 96-102.

146. *Панюшкин, В.В.* Образование новых слов и синонимия в ономазиологическом аспекте (на материале русской советской художественной прозы 70-х – 80-х гг. XX века и словарей новых слов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В.В. Панюшкин. – Воронеж, 1989. – 23 с.
147. *Петров, В.В.* Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии / В.В. Петров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987 – 54 с.
148. *Пешковский, А.М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы / А.М. Пешковский. – М.: Госиздат, 1930.
149. *Попова, Н.М.* Интерференция при многоязычии (адвербиальные способы выражения итеративности): автореф. дисс... канд. филол. наук / Н.М. Попова. – М., 1993. – 23 с.
150. *Прохорова, О.Н.* Проблема формирования значения с позиций когнитивной лингвистики / О.Н. Прохорова // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. ст. – СПб.: Тригон, 2005 – С. 136-143.
151. *Рабинович, А.И.* Казахско-немецкая интерференция при выражении пространственных отношений / А.И. Рабинович // Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984. – С.48-62.
152. *Рутковская, Л.С.* Классификация лексических вклиниваний (интеркаляций) по степени синхронной модификации / Л.С. Рутковская // Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984. – С. 78-89.
153. *Сабитова, М.Р.* Лексико-грамматическая интерференция при обучении иностранному языку /М.Р. Сабитова // Языковые контакты и интерференция: сб. ст. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1984. – С. 72-77.

154. *Селиверстова, О.Н.* «Когнитивная и «концептуальная» лингвистика: их соотношение / О.Н. Селиверстова // *Язык и культура: Факты и ценности.* – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 293-307.
155. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / под. ред. Л. А. Новикова. – М, 1987.
156. *Солдатова, М.А.* Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях / М.А. Солдатова // *II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность* (Казань 11-13 декабря 2003 г.): труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т.2. – С. 110-112.
157. *Соловова, Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н.Соловова. – М., 2005. – 239 с.
158. *Соломоник, А.* Философия знаковых систем и язык / А. Соломоник. – Изд. 2-е. – М.: МEG, 2002. – 408 с.
159. *Солсо, Р.* Когнитивная психология / Р. Солсо; пер. с англ. – Изд. 6-е. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
160. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
161. *Степанов, Ю.С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю.С. Степанов // Вступительная статья к книге Э. Бенвениста «Общая лингвистика». – М., 2002.
162. *Степанычева Е.М.* Функционально-коммуникативный анализ синонимико-вариативных рядов русских наречий (на примере лексем *часто* и *зачастую*) / Е.М. Степанычева // *Русский язык: исторические судьбы и современность: III международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы.* – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 295-303.

163. *Стернин, И.А.* Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 195 с.
164. *Стернин, И.А.* Типы значений и концепт / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 257-282.
165. *Сулейменова, Б.Н.* Лексико-семантическая интерференция в сфере многозначных глаголов ал-брать: автореф. дисс... канд. филол. наук / Б.Н. Сулейменова. – Алматы, 2000. – 29 с.
166. *Сухотин, В.П.* Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке / В.П. Сухотин. – М., 1960.
167. *Табанакова, В.Д.* Концепт «термин»: прошлое, настоящее... и будущее / В.Д. Табанакова // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: междунар. сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2007. – С. 62-66.
168. *Татаринов, В.А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / В.А. Татаринов. – М.: Моск. Лицей, 2006. – 528 с.
169. *Телия, В.Н.* Типы языковых значений. Значение слова в языке / В.Н. Телия. – М: Наука, 1981. – 269 с.
170. *Терпак, М.А.* Фреймовая модель как способ структурирования и анализа концептов / М.А. Терпак // Вестник СамГУ. – 2006. – №5/1 (45). – С. 132-137.
171. *Тимачев, П.В.* Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха (на материале английского языка): автореф. дисс... канд. филол. наук / П.В. Тимачев. – Волгоград, 2005. – 20 с.
172. *Тохтахунова, С.Н.* Динамика фонетической интерференции в условиях искусственного триязычия / С.Н. Тохтахунова // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. сб. науч. тр. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1989. – С.149- 155.

173. Уланова, С.Б. Фрейм как структура репрезентации знаний / С.Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань, 2000. – С. 133-141.
174. Федорова, Т.С. Синтаксическая интерференция в речи долгано-русских билингвов (на материале словосочетания): автореф. дисс... канд. филол. наук / Т.С. Федорова. – СПб., 2005. – 19 с.
175. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор; пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988. – С. 52-92.
176. Фомиченко, Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции / Л.Г. Фомиченко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 300 с.
177. Фуко, М. Археология знания = L'archéologie du savoir / М. Фуко; пер. с фр. М.Б.Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с.
178. Фурс, Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Л.А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 32 с.
179. Хайрутдинова, А.Р. Синтаксическая синонимия в английском и турецком языках (на материале односубъектных темпоральных синтаксических конструкций уровня предложения): автореф. дисс. ...канд. филол. наук / А.Р. Хайрутдинова. – Казань, 2007. – 25 с.
180. Хантакова, В.М. Синонимия форм и синонимия смыслов: теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноуровневой принадлежности: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / В.М. Хантакова. – Иркутск, 2006. – 37 с.
181. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс 1972. – Вып.6. – С.61-80.

182. *Цветкова, Т.К.* Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку / Т.К. Цветкова // Вопросы психологии. – 2001. – № 4. – С.68-81.
183. *Чернявская, Е.В.* Интерпретация научного текста / Е.В. Чернявская. – СПб., 2004.
184. *Шаламов, Ю.В.* О лингвистических причинах интерференции при обучении второму языку / В.Ю. Шаламов // Лингвистические и психолингвистические проблемы усвоения второго языка: материалы межвуз. науч. конф. – Пермь, 2003. – С.195-199.
185. *Шаповалов, А.И.* Семантическая интерференция в условиях искусственного билингвизма: автореф. дисс... канд. филол. наук / А.И. Шаповалов. – Саратов, 1989. – 16 с.
186. *Шендельс, Е.И.* Понятие грамматической синонимии / Е.И. Шендельс // Филологические науки. – 1959. – № 1.
187. *Шитгарева, Т.В.* Психологические факторы снижения языковой интерференции в условиях компьютерного обучения: автореф. дисс... канд. психол. наук / Т.В. Шитгарева. – СПб, 1992. – 16 с.
188. *Щепилова, А.В.* Проблемы преподавания второго иностранного языка и вопросы подготовки педагогических кадров / А.В. Щепилова // Иностранные языки в школе. – 2000. – №6. – С.15-22.
189. *Щепилова, А.В.* Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие для студентов вузов / А.В. Щепилова. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 245 с.
190. *Щерба, Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / Л.В. Щерба. – М.: Высш. школа, 1974. – 112 с.
191. *Щукин, А.Н.* Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие для преп. и студ. / А.Н. Щукин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Филоматис, 2006. – 480 с.

192. *Ярцева В.Н.* О грамматических синонимах / В.Н. Ярцева // Романо-германская филология. – М., 1957. – Вып.1.
193. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – Basic Books, 2002.
194. *Langacker R.* Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / Langaker R. // Cognitive Linguistics Research. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. – Vol.1. – 395 p.
195. *Neurbert A.* Interference between Languages and between Texts /Neurbert A. // UWB. 12. Leipzig, 1989. P.56-64.
196. *Picht H.* The Concept in Terminology a unit thought, knowledge or cognition? / H. Picht // Научно-техническая терминология: науч.-техн. реф. сб. – М., 2002. – Вып. 2.
197. *Richards, J.C.* Method: approaches, design and procedure / J.C. Richards, T. Rodgers // M.H. Long and J.C. Richards (eds.), Methodology in TESOL: A Book of Readings. Heine and Heine Publishers, 1997.
198. *Smith V.* The literal meaning of Lexical items. Some theoretical considerations on the semantics of complex and Transferred Nominals with special reference to Danish and Russian / V. Smith // Working pages in LSP. 7-1999/2000. – Copenhagen. – 105 p.
199. *Talmy L.* Towards a Cognitive Semantics / L. Talmy // Volume II: Topology & Process in Concept Structuring. – Cambridge, 2000.
200. *Taylor J.R.* Linguistic Catigorization. Prototypes in Linguistic Theory / J.R. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1995.
201. *Turner M.* Conceptuel Integration Networks / M. Turner, G. Fauconnier // Cognitive Science. – 1998. – 22 (2). – P. 133-187.
202. *Weissenhofer P.* Conceptology in Terminology Theory, Semantics and Word-Formation / P. Weissenhofer. – Vienna: TermNet, 1995. – 270 p.

203. *Wunderlich D. Lokale Verben und Präpositionen – semantische und konzeptuelle Aspekte / D. Wunderlich, I. Kaufmann // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. – Opladen, 1990. – S. 223-252.*

Справочная литература

204. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. – М.: Сов. энцикл., 1986. – 831 с.
205. Большая медицинская энциклопедия. Т 11: Ивонич-Калонель. – М.: БЭС, 1959. – 1216 столб.
206. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова., В.З. Демьянков, Ю.С. Панкрац, Л.Г. Лузина: под общ. ред. Е.С. Кубряковой). – М., 1996. – 245 с.
207. Краткий этимолого-орфографический словарь / З.С. Патралова, Т.А. Бочкарёва, Н.В. Павлова. – Саратов: Лицей, 2002. – 144 с.
208. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл. 2002. – 682 с.
209. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон; под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Русские словари, 1995. – 560 с.
210. *Розенталь, Д.Э.* Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. – 623 с.
211. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
212. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Изд. 4-е, доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

213. Физическая энциклопедия. / гл. ред. А.М. Прохоров. –М.: Сов. энцикл. 1990. – Т.2. – 703 с.

Список Интернет-источников

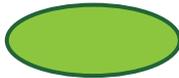
214. *Агеев, С.В.* О роли фреймов знаний в интерпретации метафорических выражений / С.В. Агеев [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.amursu.ru/8101/vestnik/7/6_7_99.html – 1999.
215. *Кибрик, А.А.* [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>
216. *Колпакова, Г.В.* Синонимия в лексикографии / Г.В. Колпакова // Сборник научных трудов Казанского государственного университета. – Казань: 2003. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ksu.ru/fil/kn1/index.php?sod=15>
217. Лексическая синонимия / База знаний De Facto / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://defacto.examen.ru/db/Examine/catdoc_id/7E5DC3D379B3F8B7C3256B49003ADC3C/rootid/9327995FB7A6D40FC3256A02002CE0D5/defacto.html
218. *Назарян, Е.С.* Синонимы в художественном дискурсе В.М. Шукшина / Е.С. Назарян. – 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bankreferatov.ru/db/M/7DF922C94AF55D98C32572A60034E5B2>.
219. Синтаксическая синонимия [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.bankreferatov.ru/db/M/9453D2CADBB44DC143256A6B003B0545>
220. *Fauconnier G.* Introduction to “Methods and Generalizations” [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.linguistics.stanford.edu/Linguistics> – 1999.
221. *Surowaniecas J.* Theoretical foundations of Logopaetic Terminology. 1997 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.wsp.krakow.pl/-szydelko/slownik/index.htm>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Обозначения к схемам 8, 9, 10, 11, 12:

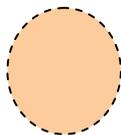
компонент синонимического ряда
(русский язык)

компонент синонимического ряда
(французский язык)

компонент синонимического ряда
(испанский язык)

ядро

отношения внутри ядра

отношения внутри периферии

отношения между компонентами ядра
и периферии

опосредованная связь между
компонентами ядра и периферии

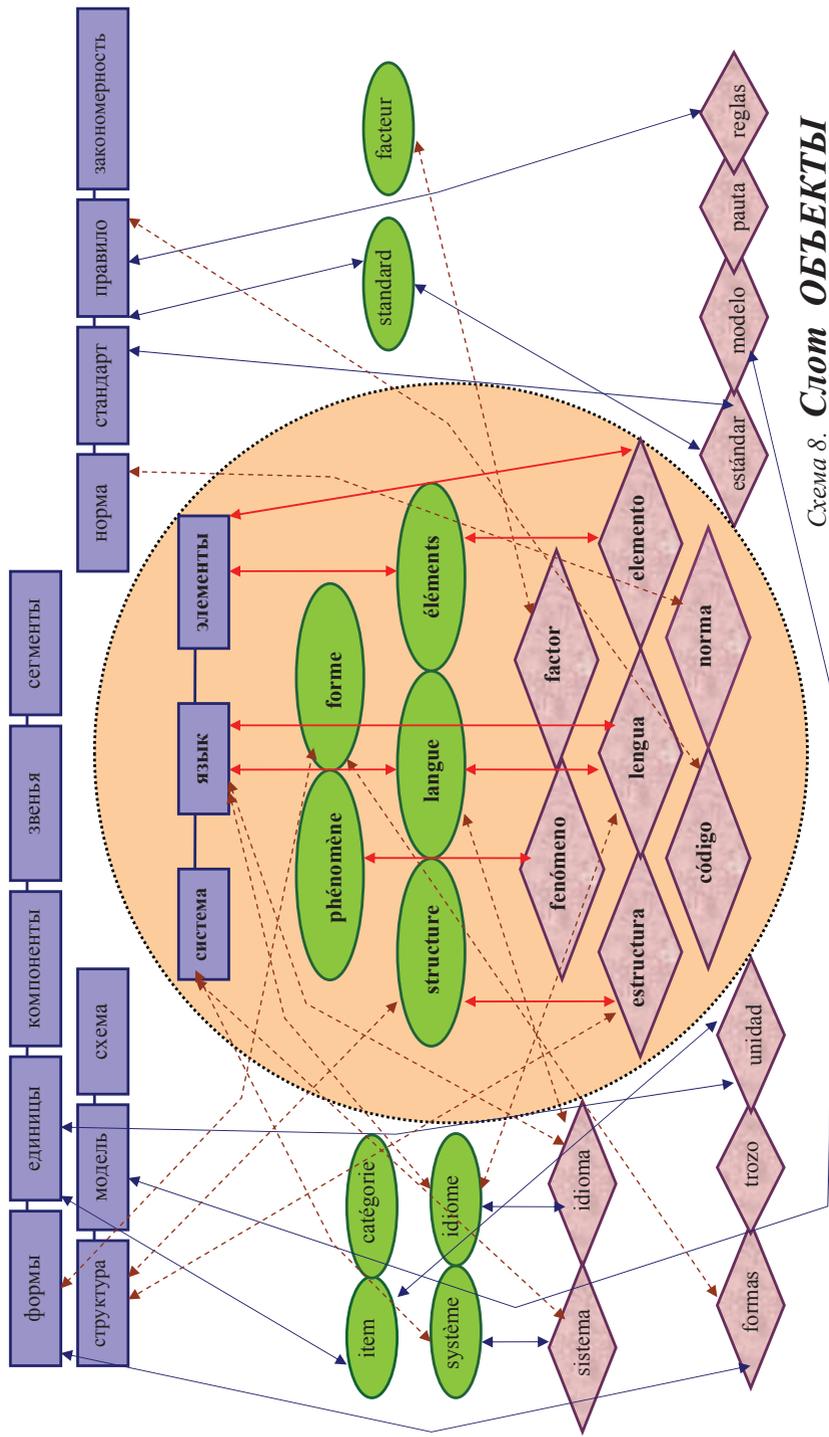

Схема 8. Слот ОБЪЕКТЫ

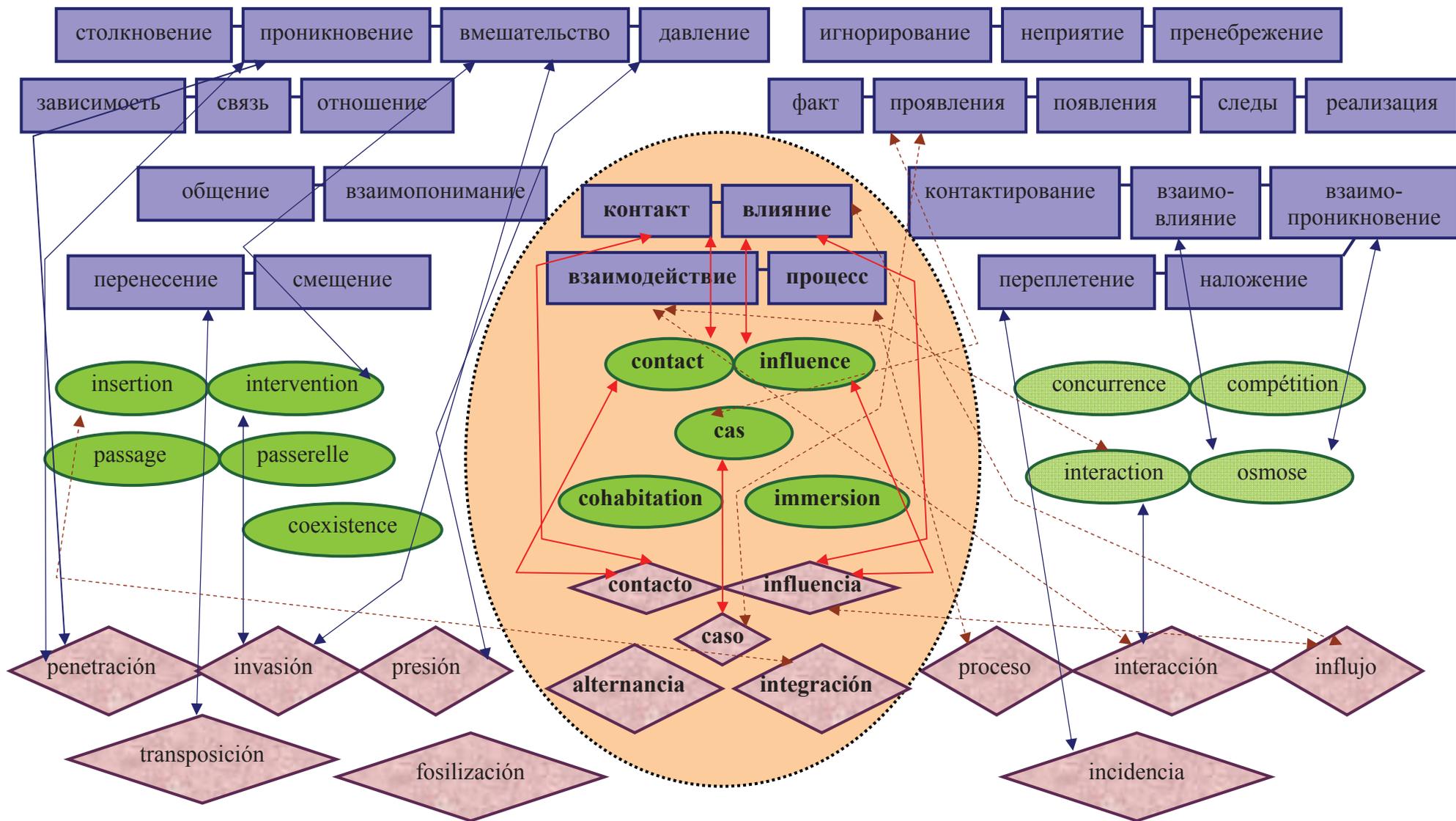

Схема 10. **Слот ПРОЦЕСС**

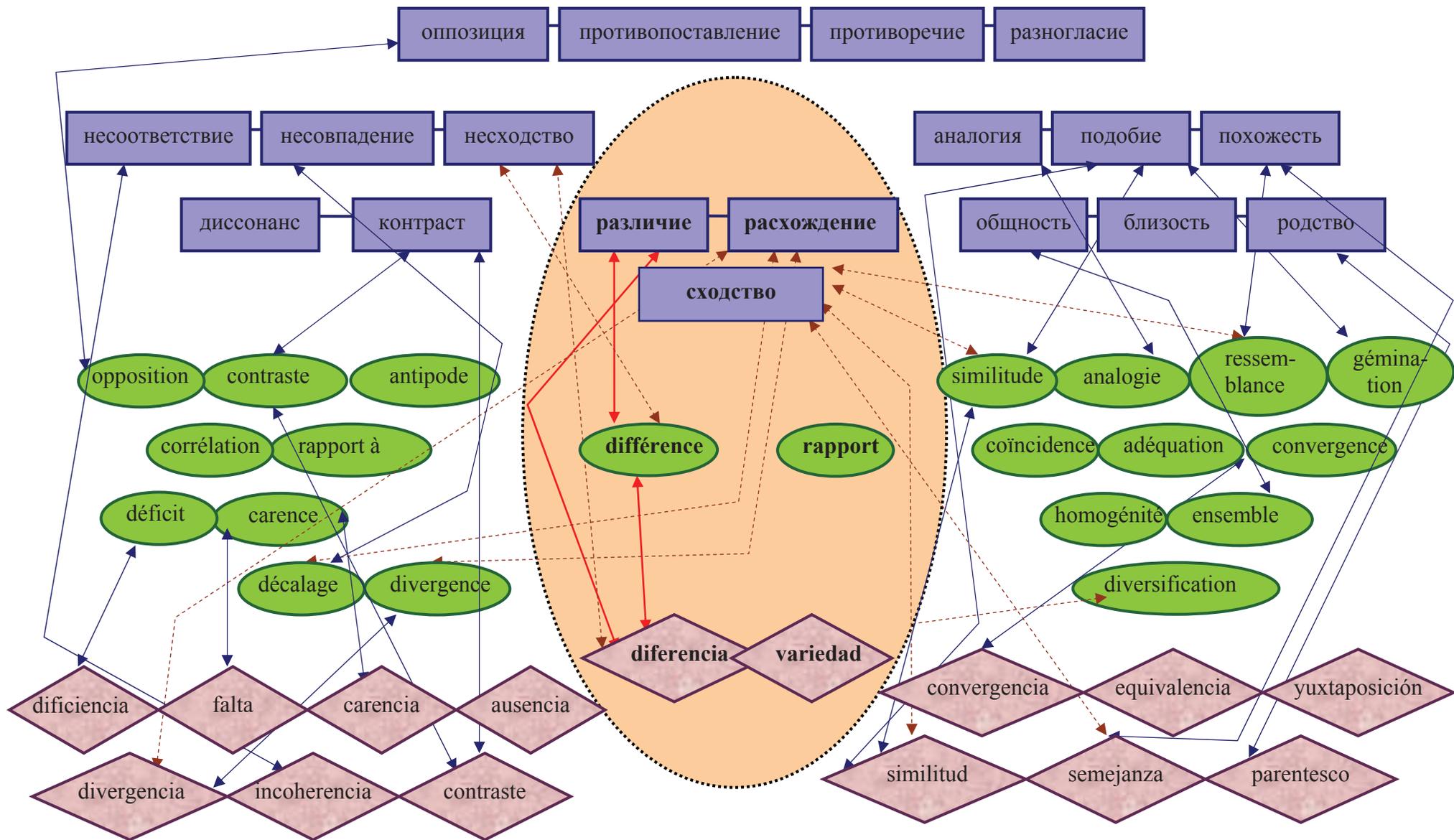

Схема 11. Слот МЕХАНИЗМ

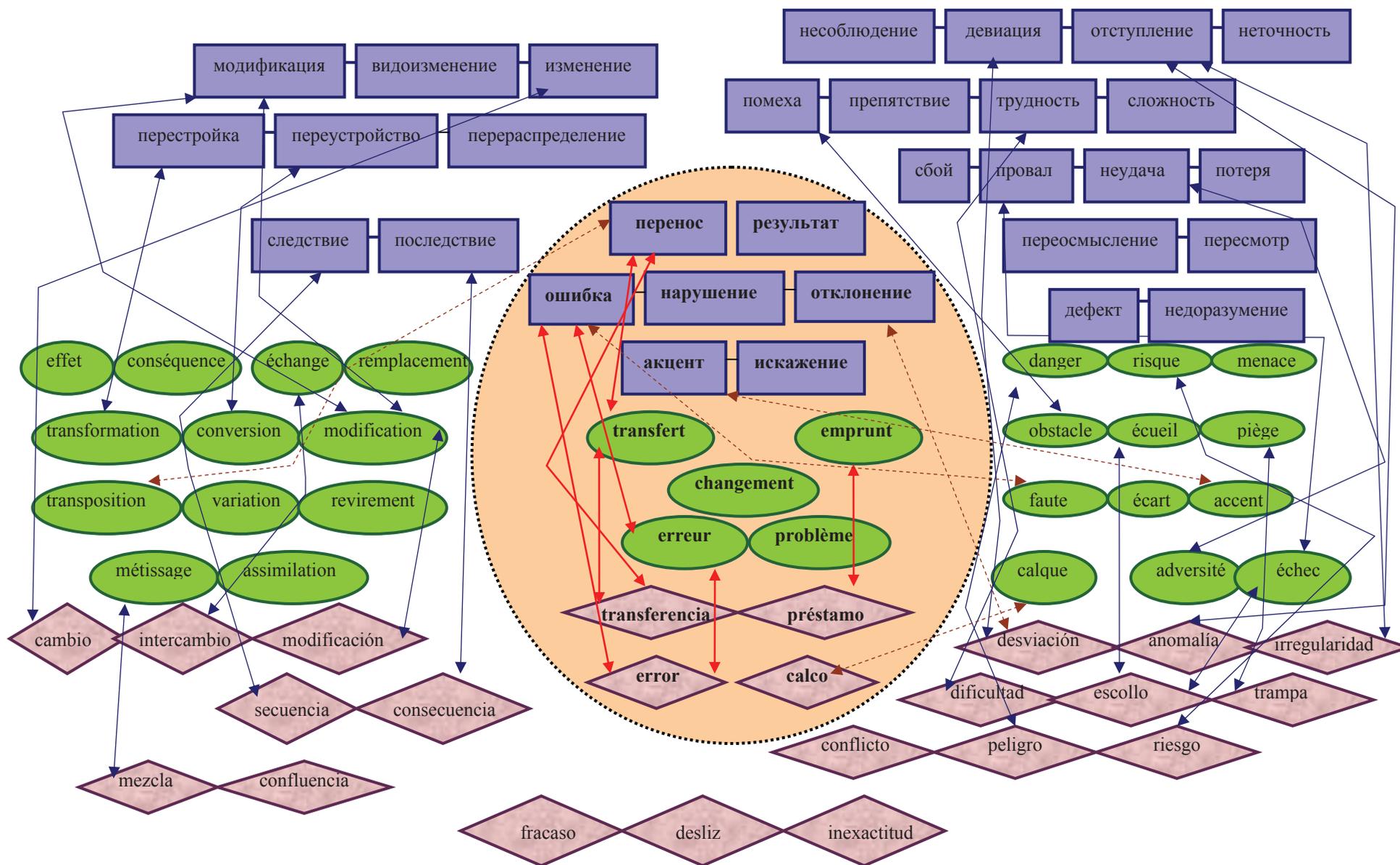

Схема 12. Слот РЕЗУЛЬТАТ

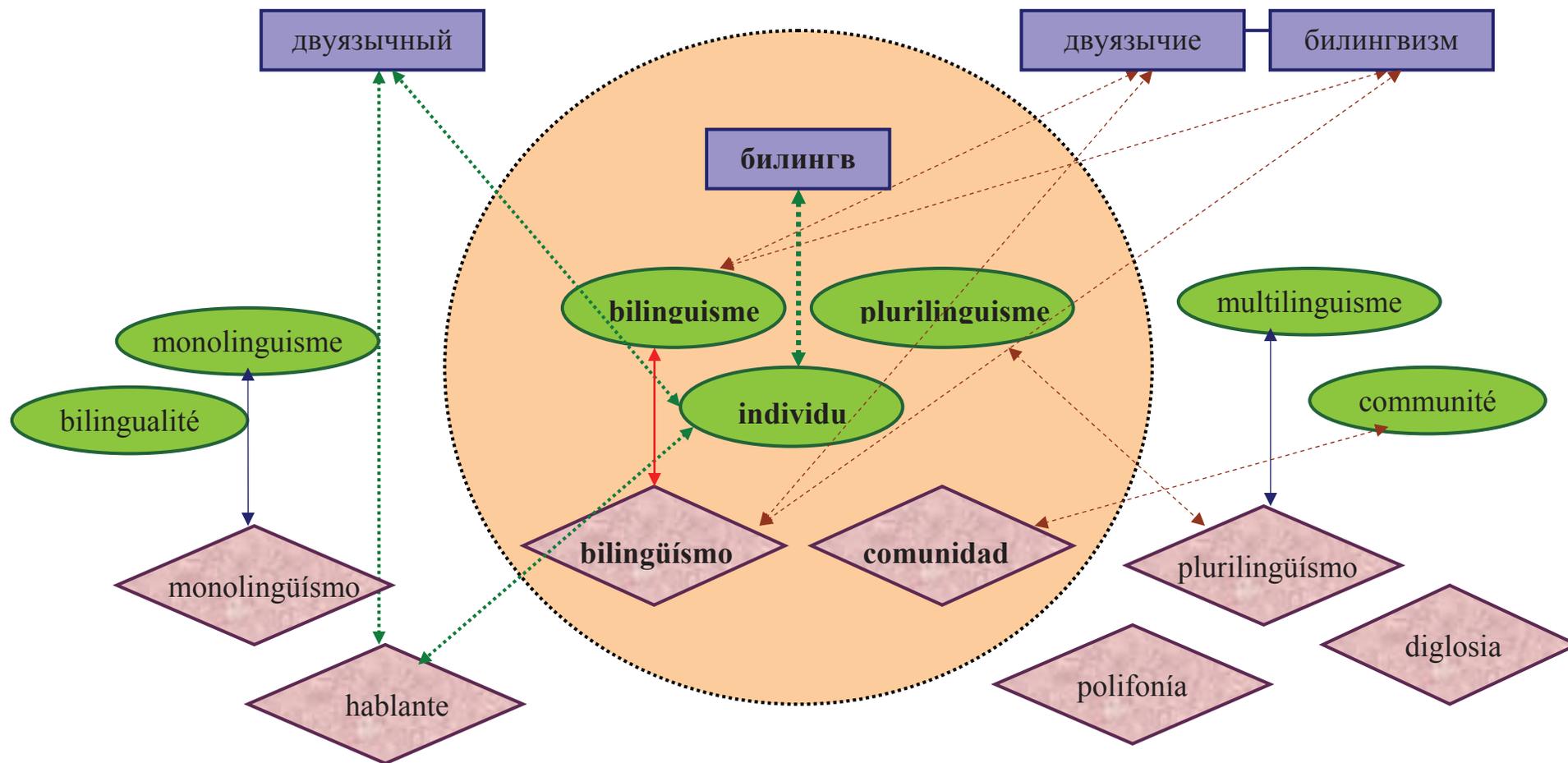

Схема 9. Слот ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Научное издание

*Мишланова Светлана Леонидовна
Хрусталева Мария Алексеевна*

**Интерференция:
когнитивно-дискурсивный анализ синонимии**

Монография

Редактор *Л.А. Богданова*
Корректор *Е.К. Борисова*

Подписано в печать 26.10.2009. Формат 60x84/16
Тираж 200 экз. Заказ №1232

Редакционно-издательский отдел Пермского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

ООО «Группа управления рекламой»
614045, г. Пермь, ул. Орджоникидзе, 57